

ТЫСЯЧА ЛЕТ ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО в судьбах России, Украины, Белоруссии

ТЫСЯЧА ЛЕТ ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

в судьбах России, Украины, Белоруссии

ТЫСЯЧА ЛЕТ
ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

в судьбах
России,
Украины,
Белоруссии

Сборник

Скифия
Санкт-Петербург
2015

Некоммерческое издание

Издано ООО ИТД «Скифия» по заказу
Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

Редактор-составитель Е. В. Лукин

Т93 Тысяча лет от Владимира Святого в судьбах России, Украины, Белоруссии / Ред.-сост. Е. В. Лукин. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2015. — 240 с.

Сборник «Тысяча лет от Владимира Святого в судьбах России, Украины, Белоруссии» посвящен 1000-летию со дня кончины Крестителя Руси — великого киевского князя Владимира Святого. В нем собраны произведения авторов из России, Украины и Белоруссии, а также произведения российских соотечественников из других стран мира. Особое внимание уделено произведениям авторов из Крыма и Донбасса.

ISBN:

© Лукин Е. В., идея, составление, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Григорьев Е. Д., предисловие, 2015
© Издательство «Скифия», оформление, 2015

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Дорогие читатели!

Рад приветствовать вас на страницах сборника «Тысяча лет от Владимира Святого в судьбах России, Украины и Белоруссии», объединившего оригинальные авторские произведения российских соотечественников из разных стран мира!

Публикация этих материалов в год тысячелетия с момента кончины великого киевского князя Владимира I Святого станет важным символом сохранения общей исторической памяти и верности нашим духовным ценностям. Сиemen великого князя, которого в народе называли также Владимиром Красное Солнышко, связаны два деяния, предопределившие судьбу нашей страны, — это объединение Русской земли под единой княжеской властью и крещение Руси.

Так, от Херсонеса Таврического, ставшего русским Иорданом, вместе с христианскими догматами началось широкое распространение грамотности и расцвет древнерусской культуры, формировалось общерусское самосознание. Поэтому, отдавая дань памяти великому князю Владимиру I Святому, мы тем самым познаем собственную идентичность.

Я благодарен всем, кто принял участие в подготовке этого издания. Спасибо нашим соотечественникам за неподдельный интерес к проекту и множество присланных работ!

*Председатель Комитета
по внешним связям Санкт-Петербурга
Евгений Григорьев*

СВЯТАЯ РУСЬ

За дальними дорогами
Неведомая грусть.
Какими ты тревогами
Живешь, Святая Русь?

Какою злой рукою
Ты выжжена дотла?
Зачем ты над рекою
Задумчиво светла?

И кто тебя порочит
С врагами заодно?
Какому из пророчеств
Свершиться суждено?

А мне наказом строгим
Ты душу не триви,
Поставь вокруг остроги
И храмы на крови,

И крест на Красной Пресне,
И Кремль в лучах зари...
Замри, умри, воскресни
И чудо сотвори.

Николай Зольников
Тюмень, Россия

ГОЛУБИНАЯ ВЕСТЬ

Повесть

Это было октябрьское утро в Любече. Солнце еще не взошло, но его лучи уже начали разукрашивать небосвод в малиновый цвет. Воздух был чист и свеж. Природа еще не пробудилась после ночного сна, поэтому вокруг стояла тишина.

Ярослав стоял у окна и смотрел в светлеющую даль. Рассвет смог немного развеять дурные мысли, которые нагнал густой мрак ночи. Борьба за киевский престол, смерть родного отца, кровопролитные восстания и мятежи — мысли обо всем этом не покидали его голову уже больше года. В этот момент в окно залетел белый голубь. Сделав круг по комнате, птица села на письменный стол.

— Никак весточку мне принесла голубка? — тихо произнес Ярослав.

Голубь посмотрел на него своими маленькими черными глазками и, резко сорвавшись, вылетел обратно на волю. Ярослав проводил его взглядом и увидел восходящее солнце. Рассвет был алым, словно воинское знамя. В голове Ярослава промелькнуло: «Красное Солнышко». Он вспомнил своего отца — Владимира. «А ведь сколько добра сделал он для Руси нашей, матушки, сколько трудностей пришлось ему пережить».

История Владимира началась в селе Будутине около 960 года. Разгневанная княгиня Ольга сослала туда свою ключницу Малушу, которая нарушила со Святославом заповедь «не прелюбодействуй». В тяжких муках и страданиях девушка произвела на свет мальчика, которому дала имя Владимир.

После родов Малуша сильно ослабла, поэтому на второй день ее сломила лихорадка. Жар не сходил около недели. В ночь десятого дня Малуша начала бредить и слезно просила своего брата, Добрыню, принести ей сына. Местные бабы не хотели, чтобы больная выделась с ребенком, поскольку опасались за здоровье новорожденного мальчика, но Добрыня не желал отказывать сестре в последней просьбе. Когда Малуша увидела в его массивных руках крошечное создание, укутанное в синеватую ткань, на ее глазах выступили слезы. Она протянула к своему ребенку худые руки и, взглянув на это невинное детское личико, произнесла: «Ты будешь сильным и великим человеком». И ее глаза навек сомкнулись.

Прошло четыре года. Воспитанием мальчика занимался Добрыня, поскольку по русским обычаям воспитание наследника доверялось старшим дружинникам. Когда же правление Руси перешло к Святославу Игоревичу, родному отцу Владимира, мальчик вернулся в Киев под опеку княгини Ольги. Однако воссоединение с семьей было нелегким.

Отец проявлял безразличие к своему младшему сыну и уделял ему мало внимания. Бабушка Ольга предпочитала проводить время со старшими детьми Святослава. И хотя она давала наставления и уроки Владимиру, все же мальчик ощущал ее холодность и закрытость. С братьями отно-

шения были не очень складными, однако вскоре они стали чуть теплее. С Олегом Владимир стал особенно дружен.

Наступил 968 год. Тогда Святослав вторгся в Болгарию и после войны обосновался в устье Дуная, в Переяславце, куда к нему была выслана дань с греков. В тот период правление Руси осуществляла Ольга. Для всей семьи это были нелегкие времена. По ночам Владимир часто садился возле окна и смотрел на звезды. Сложно сказать, о чем именно он думал в те моменты, но было ощутимо, что среди этих мыслей присутствовали страх и неуверенность. Однажды в покои к Владимиру зашел Олег.

— Ты чего не спишь? — спросил он.

Владимир сухо ответил:

— Не хочу.

— Что, боишься, трусишка? — иронично произнес Олег, подойдя ближе к своему брату.

— Ничего я не боюсь! — вскрикнул Владимир, поскольку слова брата крайне задели его гордость и самолюбие. — Я не боюсь! А сам-то что ночами по замку бродишь? Глядишь, себе никак места найти не можешь?

— Ишь, какой вспыльчивый! Нынче времена такие настали, что каждый боится. Даже Ярополку беспокойно стало.

Владимир и Олег просидели некоторое время молча, после чего Владимир спросил:

— Как думаешь, Олег, наш князь вернется?

— Конечно, вернется! Всегда возвращался. А почему спрашиваешь?

— Сам же сказал, нынче дурные времена настали. Нужно быть готовым ко всему: к любой потере и к любому нападению...

Уже через день на Киев напали печенеги. Святослав был вынужден вернуться из Болгарии. Вместе со своей кон-

ной дружиной он встал на защиту столицы и отогнал кочевников в степь.

Спустя несколько дней после освобождения Киева Владимир, направляясь утром к Добрыне, услышал громкую беседу княгини Ольги со своим сыном. Ему стало интересно, что происходит, поэтому он тихо, словно тень, скрылся в дверях и стал прислушиваться к разговору.

— Объясни, ну на что ты снова хочешь в эту Болгарию? — дрожащим от слез голосом говорила Ольга.

— Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, — отвечал ровным голосом Святослав, — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды. Из Чехии и из Венгрии — серебро и кони. Из Руси же — меха, воск, мед и рабы.

— Отправь туда Свенельда, он хороший полководец и не раз доказал тебе свою верность и преданность, — умоляюще продолжала Ольга.

— Нет, матушка, не воевать я хочу, а перенести столицу нашу туда, на Дунай.

— А как же Киев-то наш! А мы-то? Я уж вовсе больная и старая стала! Как же мне одной всю Русь тянуть?

— Успокойтесь, матушка! Владения я поделю среди сыновей своих. Они уже достаточно повзрослели и возмужали...

— Ах, Святослав! — прервала его мать, — я не желаю увидеть смерть собственного сына! Не ходи туда, прошу! Ступай куда вздумается после моей кончины, но не ранее!

— Хорошо, я обещаю Вам, что не увидите смерти моей.

Владимир немедля побежал к дяде сообщить об услышанном. Добрыня уже подготовил мечи для тренировки и ожидал своего племянника. Мальчик вбежал к дяде весь

красный и возбужденный и, не переводя дыхания, начала говорить:

— Добрыня, князь снова хочет в Переяславец ехать и собирается владения между сыновьями своими делить. И еще он хочет столицу туда перенести! А княгиня говорила ему...

— Остановись, Владимир! — приказал ему дядя и подал кружку со студеной водой, — вот, выпей да отдышись.

Владимир жадно начал пить, поскольку уже давно ощущал сухость во рту от волнения. Тем временем Добрыня погрузился в размышления. Спустя минуту он обратился к племяннику:

— Вот что, Владимир. Ты ступай пока в замок да язык за зубами держи. Сделай вид, словно не слышал ничего и не видел, понял?

Мальчик кивнул головой и направился к выходу. Добрыня же сел на коня и поскакал на окраину Киева к другу своего детства, Прохору.

Свое детство оба друга провели в Волыни. Прохор был слабым и худощавым мальчиком, и Добрыня учил его правильно атаковать врага и наносить удары. Это сделало его крепким и сильным. Со временем Прохору полюбилась Малуша. Он приносил ей полевые цветы и пасечный мед, но вскоре девушка уехала в Киев на службу к княгине Ольге, а Прохор отправился на сражения с древлянами. Спустя тринадцать лет он вернулся в родную деревню, но узнав, что Добрыня проживает в Киеве, решил отправиться на окраину столицы Руси.

Добрыня долго пробыл у старого товарища. Они успели многое обсудить, но более важным для них стал разговор Святослава с Ольгой. Добрыня полагал, что князь может обойти вниманием своего младшего сына, а потому попросил Прохора об одной важной услуге: «Поезжай-ка

ты в Новгород, походи среди народа людского да навей им мысль о том, как хорош был бы Владимир у них в князьях; да смотри, будь осторожен».

Через день после всех этих событий скончалась княгиня Ольга. Никаких поминок не устраивали, ибо она сама того не желала, однако христианский священник совершил последний обряд над ее телом. После похорон Святослав, как и ожидалось, двинулся на Болгарию. Но прежде он посадил своих сыновей на княжение: Ярополк князем у киевлян, а Олега — у древлян. Когда к Святославу пришли новгородцы, чтобы просить и себе князя, он сообщил им, что старшие сыновья его уже получили княжения. Тогда новгородцы сказали: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя!» Святослав задумался, кто же пойдет к ним, и стал уговариваться о том с Олегом и Ярополком, но они отказались. Тогда Добрыня сказал новгородцам: «Просите Владимира себе в князья». И те сразу же согласились. Услыхав их волю, Святослав посадил в Новгороде Владимира и уже осенью отплыл в Переяславец вместе с войском.

На тот момент Владимиру было только девять лет, и он не мог самостоятельно управлять целым городом. Поэтому в качестве регента правил его дядя. Тогда Владимир впервые познакомился с Прохором и нашел его весьма забавным и интересным человеком. Прохор, зная толк в войне, учил мальчика военному делу, а Добрыня продолжал обучать его сражению на мечах. Он желал всеми силами добиться правления Владимира в Киеве, поскольку считал последние слова своей сестры пророческими.

В июле 971 года Святослав заключил мир с греками, по которому он оставлял свои притязания на Болгарию и Крым и обещал не начинать с ними войн. На этих условиях русским было разрешено вернуться домой. Святослав благополучно достиг устья Днепра и на ладьях отправился к порогам. Между тем печенеги продолжали сторожить руссов. Болгары известили их о возвращении Святослава в Киев с богатыми трофеями и немногочисленным войском. Тогда печенеги постарались перекрыть дорогу отступающим русским, заняв берега Днепра в районе порогов. Прознав о перемещении врага, Святослав со своей свитой принял решение зимовать в устье, а весной повторить попытку. Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам и был атакован князем печенежским. Убили они Святослава, и приказал Куря сделать из черепа его кубок, украшенный золотом, из которого пил он вино. Таков был конец князя Киевского.

Вскоре остатки русской дружины во главе со Свенельдом добрались до Киева и сообщили народу о случившемся. Узнав скорбную весть, Ярополк пришел в ярость и потребовал немедленно привести к себе полководца покойного отца. Свенельд робко вошел в залы и низко поклонился. Однако князь был слишком сильно погружен в свои переживания, поэтому, не замечая знаков уважения, возбужденно проговорил:

— Он был великим человеком, великим правителем, а его согнали со свету, словно собаку безродную! Я не пойму, как, как это могло случиться!?

— Погибель Вашего отца и впрямь была чудовищной, — начал тихим и ровным голосом Свенельд. — Такого конца князь Святослав не заслуживал, какие бы дурные поступки он ни совершал...

— А где же был ты? — вскрикнул Ярополк. — Где был ты в тот момент, жалкий плут?

— Я отговаривал Святослава, говорил ему, мол, обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги, но он уперся и на своем начал настаивать, — и Свенельд артистично продолжил, — негоже мне было всю дружину на смерть верную вести, вот я и отправился конным путем через юго-восточные земли Руси с частью дружинников. А отец Ваш отправился по Днепру и в битве на порогах с печенежским ханом Курей погиб. Ежели бы он меня послушал...

— Ты обязан был его защитить!

— Я воевода, а не ангел-хранитель. Вам ли не знать, что князь наш был хоть кол на голове теши!

Воцарилось молчание. Ярополк понимал, что старик прав, однако был слишком зол на печенегов и болгар. Тем временем Свенельд пытался понять, как лучше повести себя с юным князем.

Ни для кого не было секретом, что полководец княжеской дружины, являвшийся соправителем Святослава Игоревича, претендовал на царский престол. Но особенно он был заинтересован в управлении землей древлян, которая при разделе перешла к среднему сыну Святослава — Олегу. Уже тогда, перед походом, воевода начал продумывать план по захвату власти. Свенельд сговорился с печенегами и поспособствовал скоропостижной гибели Великого князя Киевского. Он также знал, что княжеских сынов будет легко обвести вокруг пальца. Ему лишь оставалось найти филигранный подход к князю Ярополку, чтобы тот смог полностью ему довериться. Немного помолчав, Свенельд продолжил разговор:

— Теперь Вы стали Великим князем Киевским и имеете гораздо больше полномочий, чем Ваши братья — Олег и Владимир. На Вас возлегла большая ответственность. Собирайтесь же и покажите русскому народу свою силу!

Ярополк остановился и внимательно посмотрел на Свенельда.

— Ты прав, не должно Великому князю Киевскому так себя вести. Народ русский должен поверить в мою мощь, — и, сделав паузу, он сказал: — вот что, вели известить Олега и Владимира о гибели князя Святослава в битве с печенегами и о моем становлении Великим князем Киевской Руси.

— Слушаю.

Получив известие, Владимир был крайне удручен. Добрыня тотчас же послал за Прохором и сообщил князю, что желает побеседовать втроем. За те годы, что были прожиты в замке, он успел близко познакомиться со Свенельдом, а потому знал, что тот не упустит шанса занять княжеский престол. Добрыня пояснил Владимиру, что сейчас полководец Святослава будет представлять большую угрозу для всех трех братьев, а посему необходимо быть всегда начеку. Но юноша был уверен, что виной всему происходящему был исключительно Ярополк. С недавних пор Владимир и Олег полагали, что тот запланирует убийство князя, чтобы стать полноправным правителем. Последнее событие лишь подтвердило их опасения. К тому же, после смерти Святослава Игоревича внешняя политика Киева претерпела некоторые изменения. Ярополк вступил в союзнические отношения с печенегами, наделив их городами и волостями, а также принял у себя византийских послов и заключил с ними договор о мире и любви, несмотря на то что его отец воевал с последними не на жизнь, а на смерть. Это еще раз подтвердило догадки братьев.

Шло время. Свенельд смог войти в доверие к князю Ярополку и стал его соправителем. Сохраняя ведущую роль в политической жизни Руси, он убедил нового князя поддерживать дружеские отношения с печенегами, поскольку те якобы являлись прекрасными воинами и в дальнейшем,

как союзники, могли бы помочь расширить киевские владения. Он также не упустил прекрасную возможность пустить интриги против братьев молодого князя, в особенности против Олега. Существенную роль в дальнейшем развитии событий сыграла гибель сына Свенельда — Люта. Отправившись в землю древлян на охоту, он был убит князем Олегом (который также был на охоте) как браконьер. Ярополк был возмущен поступком брата, особенно услышав эту историю из уст своего советника. Свенельд, желая отомстить за сына, постоянно побуждал князя атаковать Олега и захватить его земли, и в итоге Ярополк повелся на эту уловку.

В 977 году разгорелась междоусобная война между княжескими братьями. Ярополк напал на владения Олега, и во время панического отступления в Овруч князь древлян был сброшен с моста в ров перед самым городом, где был раздавлен падавшими лошадьми. Когда нашли его тело, Ярополк подошел и заплакал над ним. Он гневно посмотрел красными от слез глазами на своего полководца и укорительно произнес:

— Смотри на исполнение твоего желания, Свенельд.

— Полно тебе, князь, оплакивать мерзавца, — произнес железным голосом воевода, — он заплатился за свои деяния.

Ярополк не смог простить Свенельду этих слов. По возвращении в Киев полководец впал в немилость князя и был отстранен от службы. Будучи уже пожилым человеком, он не смог перенести такого удара и в скором времени умер. Когда новость о смерти Олега достигла Владимира, он понял ее как предостережение для себя и по совету Добрыни бежал в Скандинавию к ярлу Норвегии Хакону Могучему. Ярополк остался единственным князем Руси. Разместив своих посадников в Новгороде, он стал один владеть Русскою землею.

Последующие три года, проведенные за морем, были для Владимира тяжелыми как духовно, так и физически. Вместе с Добрыней он не раз участвовал в походах викингов, сидел на веслах драккаров, с оружием в руках штурмовал прибрежные города Европы, грабил горожан и жителей сел. Трудом и болью, проливая кровь и насилуя невинных женщин, Владимиру удалось заполучить уважение в скандинавской среде и стать влиятельным лицом, что помогло ему в дальнейшем сесть на престол.

В те годы был период экспансии скандинавов, которые держали в страхе всех жителей приморских земель. Видя настрой викингов, Владимир предложил им совершить набег на Русь с целью вернуть Новгород.

Апрельской ночью 980 года Владимир вместе с варяжским войском вошел в Новгород. Битва прошла быстро и легко — наместники Ярополка не смогли им противостоять. Да и сам князь стал безжалостнее и суровей, ведь жизнь в Скандинавии была совершенно не похожа на его прежнюю жизнь в Киеве. Владимир изгнал из Новгорода наместников и, будучи верный духу своего отца, отправил через них своему брату послание: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». Следующим днем молодой князь собрался вместе с Добрыней и Прохором для обсуждения дальнейших действий.

— Мы освободили город от людей Ярополка, и теперь нужно решать, как и когда выдвигаться на Киев, — начал Прохор.

— Прежде чем выдвинуться на Киев, необходимо уберечь Новгород от разграблений, ведь для викингов это главная пожива, — сказал Владимир и бросил взгляд в окно, — необходимо найти для них другое место, но так, чтобы и нам была выгода. Что думаешь, Добрыня?

— Считаю, что братъ надо Полоцк, ибо это важный пункт на пути из Новгорода в Смоленск. Там правит варяжский князь Рогволод, у него есть дочь — Рогнеда. Нужно руки ее просить, дабы объединить Полоцкие земли с нашими и не позволить Ярополку расширить и укрепить владения свои. Ибо собираются уже вести ее за Ярополка.

— Верно. Прохор, пошли отроков к князю Рогволоду и вели им молвить от имени моего: «Хочу дочь твою взять себе в жены».

Так направились посланники Владимира к князю полоцкому и сказали ему желание князя новгородского, и тот спросил дочь свою: «Хочешь ли ты за Владимира?» Вернувшись, отроки поведали князю всю речь Рогнеды: «Я не хочу розути робичича, но хочу за Ярополка». Как известно, снятие сапог с мужа было одним из символических актов, совершаемых невестой в ходе древнерусской брачной церемонии, поэтому слова дочери Рогволода сильно разозлили Владимира и его дядю.

— Я собираю войско и выдвигаюсь к стенам Полоцка, — заявил князь, — покажу им всю силу и гнев сына робичи!

В Новгороде к владимирской дружине добавились местные удалцы: кого-то привлекла возможность пожить, а кому-то не давала покоя природная храбрость. Собрав воинов — варяг, словенов, чуди и кривичей, он пошел на Полоцк. Отец Рогнеды, Рогволод, вышел с дружиной за стены города защитить честь своей дочери, но бой проиграл. Разгневанный Добрыня желал проучить род Рогволодичей, а посему взял князя полоцкого с женою и детьми его в плен и велел Владимиру обесчестить Рогнеду пред глазами отца и матери ее. Переняв характер скандинавский, Владимир совершил сие деяние, а после — убил Рогволода, жену его и двух сыновей их. Княжну Рогнеду, просватанную прежде за Ярополка, он насильно взял в жены.

Быстрое падение Полоцка укрепило уверенность войска в своих силах. Отбив Новгород и захватив Полоцк, князь двинулся на юг против Ярополка. Охваченный страхом, Великий князь Киевский попытался закрыться в своем городе, окопавшись между Дорогожичем и Капичем в надежде, что это сможет защитить его, хотя бы на время, от прогневленного брата. Но это не спасло. Владимир осадил Киев вместе со своим варяжским войском и послал Прохора за главным советником Ярополка — Блудом, чтобы осуществить свой хитрый план. Владимир велел передать ему следующие слова: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как своего отца, и честь большую получишь от меня. Не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». Блуд выслушал посланника и сказал: «Я буду с князем вашим в любви и дружбе».

Причин для предательства Ярополка у Блуда было достаточно. Одна из них касалась веры. Блуд принадлежал к киевской языческой партии и приветствовал Владимира в качестве языческого лидера. Затворившись в Киеве вместе с Ярополком, Блуд часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить своего князя, но из-за горожан не смог — опасался их мести. Тогда Блуд пошел на хитрость. Сказал он Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему, мол, приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка. Беги же из города». И послушался его князь Киевский, и выбежал из города, затворившись в Родне, в устье реки Роси.

После длительной осады в Родне возник голод. И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам не победить их. Заключай мир». И тот был вынужден согласиться. Однако вассал князя Киевского, Варяжко, заподозрил неладное. Он говорил, что не следует дове-

рять Владимиру, но на его слова не обратили внимания. Народ тогда в войну не вмешивался, а потому Варяжко посоветовал Ярополку бежать к печенегам и собрать там армию, поскольку свита Владимира была усилена варягами. Блуд же послал к Владимиру со следующими словами: «Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его».

Владимир, услышав это, сел в отчем дворе теремном с воинами и с дружиною своею. Отправил тогда Блуд Ярополка к брату сказать: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Варяжко пытался остановить князя, говоря: «Не ходи, князь, убьют тебя! Беги к печенегам и приведешь воинов». Но не послушал его Ярополк. И пришел он к Владимиру. Блуд же затворил двери и не дал войти за Ярополком своим. И вошел князь в двери, и два варяга подняли его мечами под пазухи. И пролилась кровь его на пороге отцовского дома. Так убит был Великий князь Киевский.

4

Вскоре после прихода Владимира к власти варяги запросили плату за военную помощь, говоря: «Это наш город, мы его захватили. Хотим взять выкуп с горожан: по две гривны с человека». На что сказал им князь: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». А спустя месяц он посадил незадачливых воинов в ладьи и отправил их вниз по течению Днепра в Константинополь, написав императору: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного». Шло время, и варяги поняли, что никто оплачивать их услуги не собирается, и сказали они тогда князю: «Обманул нас, так отпусти в

Греческую землю», на что Владимир ответил им: «Идите». Выбрав из них мужей добрых, умных и храбрых, роздал он им города, а остальных же отправил в Царьград к грекам.

В период с 981 по 992 год Владимир совершил множество удачных походов, благодаря которым ему удалось расширить Киевскую Русь. Особое внимание князь уделял защите столицы от ближайших врагов — печенегов. Владимир пытался установить контакты между Киевом и регионом Азова. В то же время он искал выходы для открытия западного пути с целью расширить русскую торговлю. К востоку от Днепра ему предстояло вновь завоевать вятичей, которые восстали после смерти его отца. Затем он атаковал радимичей и взял их. В 985 году Владимир повторил шаг князя Святослава, атаковав волжских булгар. В поход князь со своей русской дружиной отправился на лодках, а его тюркские союзники следовали по суше верхом. В конце был заключен мир, который булгары подтвердили словами: «Да будет мир между нами до тех пор, пока камень не поплывет, а перо не утонет».

Дружина стала для князя второй семьей. Владимир советовался с ними о делах государственных и военных, ни в чем им не отказывал, говоря: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра». После отъезда Добрыни на княжение в Новгород князь предложил Прохору стать своим полководцем, но тот ответил ему: «Я кметь и мне любо с дружиною рядом быть, а ты, князь, десницу своего возьми». Тогда он сделал своим полководцем Добрыню. Дядя помог ему во многих завоеваниях, включая бой с радимичами, после которого народ окрестил полководца прозвищем «Волчий Хвост». Киевляне даже высмеивали последних, говоря: «Таки бежали от волчьего хвоста».

Киевлян Владимир щедро угощал на пирах каждое воскресенье. Приказал он развозить на телегах еду и питье для немощных и больных, говоря: «Снарядите телеги и, положив на них хлебы, мясо, рыбы, овощи различные, мед в бочках, а в других квас, развозите по городу, спрашивая: “Где больной или нищий, не могущий ходить?” И раздавайте тем все, что пожелают они».

Правление не опьянило разум князя, а, напротив, сделало его мудрее. Именно природная рассудительность помогла Владимиру принять решение, которое изменило историю Киевской Руси.

5

Время шло, и Владимир стал замечать, что контролировать народ становилось все сложнее. И причина была ему известна. Вера. Различия в религии русских славян были слишком велики. Русское язычество обладало собственными характеристиками и представляло скорее многообразие верований, нежели религию какого-то славянского племени.

Собрав однажды дружинников своих, князь Владимир сказал им:

— Необходимо нам сплотить народ русский, а посему я принимаю решение установить на холме за теремным двором идолов языческих богов.

— Однако, князь, ты позабыл, видать, — начал один из дружинников, — что киевляне находятся под защитой Перуна, в то время как Тмутараканский каганат защищают боги Сварог и Хорс. Как же ты объединять их хочешь?

— Я велю воздвигнуть кумирню со статуями шести главных богов славянского язычества: Перуна — покрови-

теля княжеской дружины, Хорса — бога Солнца, Дажьбога — бога плодородия и сына его Сварога, Стрибога — повелителя ветров, Семаргла — вестника между небесным и земным мирами и Мокошы — богини судьбы и ремесел.

И установили в Киеве идолы богов языческих. Первым возвели кумир деревянного Перуна с серебряной головой и золотым усом, а затем всех остальных. И стали приходить на холм люди, принося богам дары и кушанья и прося о помощи и защите.

Вскоре пришли к князю его варяжские вассалы. И начал говорить один из них:

— Слаба твоя вера, князь. Людям нужно совсем иное язычество, а не это поклонение.

— И что же ты предлагаешь мне? — произнес низким тоном Владимир.

— Жертвоприношение, — ответил другой вассал, глядя свою черную густую бороду.

Владимир задумался. Хотя затея и показалась ему весьма удачной, все же его терзали сомнения. Тогда продолжил первый варяг:

— Это будет возрождение язычества, князь. Народ увидит балвохвальство в ином очертании.

И решил тогда Владимир утвердить жертвоприношения. И приносили люди жертвы, называя идолов богами. Приводили они сынов своих и дочерей и служили бесам, оскверняя землю требами своими. Земля обагралась не только животной кровью. Боги требовали и человеческих жертв. Сотни врагов и недругов было убито на холме том, и не было пощады ни детям, ни женщинам, ни старикам. Однажды жребий пал на юного сына православного варяга Феодора — Иоанна. И пришли тогда язычники к избе его, требуя Иоанна, но отец отказался выдать сына своего, сказав: «Если ваши боги всемогущи, пусть сами придут и

попробуют взять сына у меня!» И разожгла разъяренная толпа факелы свои, и подожгли они дом Феодора вместе с ним и сыном его. Но история эта пришлась по душе не всем язычникам. И наступил тогда период мрачной отповеди язычества, который сопровождался людским противоборством.

Увлечение Владимира языческой религией продолжалось недолго. Князь осознавал, что племенные культы не могли создать единую государственную религиозную систему, так как языческий пантеон не мог объединить верования всех племен Древней Руси. К тому же, языческая вера не отвечала задачам его политики. По тем временам уже многие княжества приняли свою единую веру.

Узнав, что Владимир веру избирает, прислали к нему волжские болгары свою миссию, чтобы тот убедил князя Киевского принять ислам. Прибыл тогда на Русь учитель религиозных исламских законов из Хорезма, и сказал он князю:

— Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету.

Владимир спросил:

— Какова же вера ваша?

— Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Если же кто беден на этом свете, то и на том так же будет.

Владимир хоть и любил жен и всякий блуд, но обрезание и воздержание от свиного мяса с вином было ему не любо, а потому сказал он:

— Руси есть веселие пить: не можем без того быть.

И отверг тем предложение болгар.

Собрал тогда князь бояр и старцев, чтобы обсудить с ними принятие новой веры на Руси.

— Необходимо нам принять одну из великих религий, — начал князь, — дабы положить конец религиозной отделенности Руси.

— Мудрое решение, наш князь, — сказали в один голос старцы.

— Какая религия вам более любя? — спросил его один из бояр.

— Пока не знаю. Вели отправить от имени моего посланцев в правления заморские, дабы сообщили они царям, что желаю я об их вере разузнать.

Следующими откликнулись немецкие миссионеры, посланные Ватиканом, и сказали:

— Пришли мы, посланные папой, и говорит он тебе, что земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на нашу, так как наша вера — свет. Кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево.

Владимир же спросил их:

— В чем заповедь ваша?

И ответили они:

— Пост по силе: если кто пьет или ест, то все это во славу Божию.

Выслушал их русский князь внимательно, однако не захотел принять от них крещения. И сказал он им: «Ступайте назад, яко отцы наши сего не прияли суть».

За проповедниками католицизма последовали хазарские евреи, предлагавшие Владимиру принять иудаизм. И сказали ему евреи:

— Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей веро. Христиане же веруют в того,

кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля.

Князь спросил:

— Что у вас за закон?

— Обрезаться, не есть свинины и зайчатины, соблюдать субботу.

Князь, зная, что Хазария была разгромлена его отцом, Святославом, спросил евреев:

— И где же теперь ваша земля?

На что они ему ответили:

— Бог разгневался на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю отдал христианам.

Владимир усмехнулся и сказал:

— Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом?

Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?

Затем прислали греки к Владимиру своего философа, и сказал он князю Киевскому:

— Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру, которая оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их. Так вот и этих ожидает день гибели, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих.

Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал:

— Нечисто это дело.

А философ продолжал:

— Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на облатках, о которых Бог не заповедал. Он поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, ломимое

за вас...» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета» Те же, которые не творят этого, неправильно веруют.

Сказал же Владимир:

— Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли.

Философ ответил:

— Воистину веруем в того. Их пророки предсказывали, что родится Бог, а другие — что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества эти, ожидал от них Бог покаяния сорок шесть лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве.

Владимир спросил:

— Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?

— Ежели пожелаешь, расскажу тебе все.

— Рад послушать.

И рассказал философ русскому князю о библейской истории и христианской вере.

После созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им:

— Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя. Мудро говорят греки, и чудно слышать их, и знают они о другом свете все законы. Каков же ваш совет будет, бояре?

— Знай, князь, что своего никто не бранит, а хвалит, — начал один старец, — если хочешь поистине все разузнать, пошли к ним мужей своих.

И избрали тогда мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Ступайте да веры все испытайте». Отправились они к булгарам, и, придя к ним, увидели их скверные дела и поклонение в мечети. После пришли они к немцам и увидели службу их церковную, а затем отправились в Царьград. Услышав об испытании вер, цари сии обрадовался и в тот же день сотворили им почести великие. На следующий же день послали к патриарху, говоря ему: «Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Сотворил патриарх по обычаю праздничную службу, и кадила взожгли, и устроили пение и хоры. А по окончании наградили мужей цари дарами великими и отпустили с честью домой.

Созвав бояр своих и старцев, князь Владимир обратился к послам:

— Говорите перед дружиною.

— Ходили в Болгарию мы, — начал первый из мужей, — смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их.

— И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, — продолжил другой, — но красоты не видели никакой.

— И пришли мы в Греческую землю, — сказал третий, — и ввели нас туда, где служат они Богу своему. И не знали на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького. Так и мы не можем уже здесь пребывать.

— Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей, — отметил Владимиру один из бояр.

И спросил Владимир:

— Где примем крещение?

— Где тебе любо, князь.

6

Прошел год. Меж тем шли сражения с греками, и потому Владимир собрал свое войско и отправился на город греческий — Корсунь.

Решили тогда корсуняне затвориться. Владимир стал у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и началось сражение. И удалось князю осадить Корсунь. Шло время, и люди в городе стали изнемогать. Тогда Владимир передал горожанам послание: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Но горожане не послушали его. И решил тогда Владимир присыпать насыпь к городским стенам. Когда войско его насыпало землю, корсунцы, подкопав стену, начали выкрадывать ее и насыпать посреди города. Воины же присыпали еще больше, а Владимир продолжал стоять.

Прошло время, и некий корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это — сам крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди стали изнемогать от жажды и в конце концов сдались.

Вошел Владимир в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Уж взял ваш го-

род славный. Слышал я, что имеете сестру девицу. Если не отдадите ее за меня, то сделаю и в столице вашей то же самое».

Услышав это, цари послали ему такой ответ: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единовверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». И передал тогда Владимир: «Я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люб он мне и богослужение ваше».

Тогда цари сказали князю Киевскому: «Крестись, и пошлем мы сестру свою, Анну, к тебе». Владимир же им ответил: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня». Греки послушались. Анна же не хотела идти и сказала им:

— Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть.

Но братья возразили ей:

— Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же.

Принудили цари сестру, и села она в корабль с плачем и отправилась через море. Корсунцы вышли навстречу принцессе с поклоном и, введя ее в город, посадили в палате.

В то время Владимир был болен глазами и не видел ничего. Скорбел он сильно и не знал, что сделать. Послала тогда к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей, а если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга своего вовеки». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский».

И повелел князь немедля крестить себя. Собрались епископ корсунский с попами из Царьграда, усадили Вла-

димира в воду, и произнес князь молитву. Возложили руку на него, и тотчас же прозрел он. Ощувив свое внезапное исцеление, князь произнес: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, также крестились. После крещения было велено привести царицу Анну для совершения брака.

Вслед за тем Владимир поставил церковь в Корсуни и отдал город грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, а для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. Но оплакивали идол сей неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И сказал Владимир: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре».

На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, держали младенцев, попы же, стоя, совершали обряд. Во время крещения своего народа Владимир вознес молитву свою:

— Боже великий, сотворивый небо и землю! Призри на новыя люди сия и даждь им, Господи, уведети Тебе, истинного Бога, якоже уведеша Тя страны христианския, и утвер-

ди в них веру праву и несовратну, и мне помози, Господи, на супротивнаго врага, да надеяся на Тя и Твою державу, побезу козни его!

Крестившись, люди разошлись по домам. Владимир же был рад, что познали Бога люди его и, воззрев на небо, сказал:

— Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу.

* * *

Солнце уже взошло над горизонтом. Ярослав все вспоминал деяния своего отца. За годы царствования князь Владимир объединил Русские земли под единой княжеской властью, крестил Русь, составил Церковный устав, а также распространил грамотность. Благодаря ему уже через поколение на Руси выросли замечательные мастера слова и знатоки литературы. Конечно, он был суров и практически все реформы провел насильственным путем, убивая неверных. Все же, несмотря на его жестокость и беспощадность, князь помог русскому народу перейти на новую ступень своего развития. Подобно яркому солнечному лучу, он пробился сквозь густые серые тучи и осветил землю, которая успела остыть и поблекнуть. Внезапно вошел в покои Ярополка дружинник и сказал:

— Князь, известия хорошие есть.

— Какие же?

— Разбито войско брата твоего, Святополка. Можем теперь Киев занять.

Ярослав загадочно улыбнулся и подошел к окну.

— Не ты ли, князь Владимир, мне весточку на голубином хвостике принес?

Юлия Рогова

Севастополь, Крым, Россия

КУКША

Баллада

В край родной, лесной и дикий,
Нес монах
Крест Господний, Крест Великий...
На волнах
Тихо лодочка качает
По реке.
Вдруг огонь он замечает
Вдалеке.
Вятичи... Обряд кровавый...
Слышен стон...
Песни, крики над дубравой...
Страшный сон!

— Спрячьте нож! Остановитесь!
Льется кровь!
Вы над Господом глумитесь,
Он — Любовь...

— Ты откуда черной птицей
Прилетел?!
Крови должен бог напиться!
Что хотел!?

— Братья, вы во тьме живете,
Где ваш свет?
Песни камню вы поете,
Бога нет!
Не услышит камень слово —
Не живой,
Лишь глядит на вас сурово,
Пой — не пой!

— Наши боги злы — кровавы,
Мести ждут.
Им нужна покорность, слава,
А не суд!
Страшен край лесной и дикий —
Не пройдешь!
Донеси свой Крест Великий —
Их спасешь!

— Братья, родом я отсюда,
Вятичи!

— Пусть твой Бог нам явит чудо!
Прокричи
Ты ему слова заклатья!
Не уйдешь!
Дай нам дождь или проклятье
Здесь найдешь!

Хоть тиха его молитва —
Столько сил!
Не страшна за Веру битва:
Попросил,
Чтоб языческие боги

Дикарей
Прочь ушли с его дороги
Поскорей.
Дождь шумит, и будто ближе
Небеса.
Слышит Кукша: стали тише
Голоса...

— Верим, верим, — шепчут в страхе, —
Главный Бог!
Ливнем вымочил рубахи
Твой Сварог!

— Нет, Господь Христом зовется,
Он всех спас!
Пусть завеса тьмы порвется
И для вас!
Долгим будет путь до храма,
Вягичи!
Чтоб на душах вместо срама —
Блеск свечи...

Волхв верховный эти речи
Не стерпел:

— Не нужны твои нам свечи!
Наш удел:
Петь, плясать и веселиться,
Чтить богов:
Свежей крови дать напиться!
Мир таков!

Не нужна твоя нам милость
И слова...

Меч взлетел — в траву скатилась
Голова...
Долгим будет путь до храма,
До Христа,
Чтоб молитву вместо срама
Чли уста.

Ирина Маркина
Калуга, Россия

КНИГА ВЕЛЕСА

Предисловие

Взяться за переложение знаменитой «Велесовой книги» меня побудили не только музы, Поэзия и История, но и «обида сего времени», нынешние события на Украине, в Киеве, матери городов русских, в Одессе и на Донбассе, когда на Россию и на всех русских опять, в который уже раз, ополчилась темная сила. Мое переложение правильнее было бы назвать поэмой, созданной по мотивам «Велесовой книги». Наряду с высокой, подлинно народной поэзией, заключенной в этом древнем произведении, меня привлекла мощно звучащая в нем патриотическая тема, родственная духу «Слова о полку Игореве» и чрезвычайно созвучная нынешним чувствам каждого истинно русского человека.

«Велесова книга» написана волхвами, жрецами и хранителями древней славянской веры, которую наши предки исповедовали до принятия на Руси христианства. Но, я думаю, было бы неверно воспринимать ее как книгу только языческую. Скорее она — предтеча. Ведь наши предки были те самые люди, которые оставили прежнюю свою веру, чтобы принять новую, так же как Ветхий Завет сменился Новым Заветом. «Велесова книга» своего рода славянский Ветхий Завет, в котором уже слышатся сквозь скорбь и сокрушение об утрате старой, прадедовой веры пророческие ростки Нового Завета.

И все же главное в этой книге не смена вер и память об историческом пути праотцов, а другое — мощно звучащее в ней патриотическое чувство и призыв сплотиться всем русским людям в час угрозы нашествия темных сил, призыв к единству, встать единой ратью против врагов Руси, России, кто б они не были и откуда бы они не пришли.

Вячеслав Овсянников

Поэма

по мотивам «Велесовой книги»

Туга и тоска сынам нашим! Скоро некому будет сказать про старое время. Куда идем — не знаем. Посмотрим назад — стыд и срам: забыли Правь, Явь, Навь, древних богов и славу предков. Горят звезды, реет Яйцо миров — в бездне той висит Земля наша, держит ее паутинка Божья, Волос-Велес и Дажьбог-Родитель. Строгие очи пращуров смотрят из рая на Землю нашу.

Даждьбог дал Правь; Правь прядет Явь, быструю пряжу; Явь течет в Навь, к богам и предкам. Ждет нас широкое поле Нави за берегом быстрой Яви.

Старое колесо миров! Древний корень! Творенье Триглава! Души пращуров смотрят скорбно. Жаля плачет в далеком поле: забыты Правь, Навь и Явь! Горе вам, даждьбожьи внуки!

Жрецы завещали хранить Веды. Горе великое! Не уберегли мы Книгу! Ныне, вняв мольбам нашим, возвращает нам вещей Велес книгу сию, дабы знали мы, откуда идем, о том Гордыне, что разбил готов в тысяча трехсотом году после исхода с Карпенских гор, о Сегене, что убил Германа-реха и отразил Гулареха от Воронежца. Нам ли стыдиться наших святынь и побед, слыша рев хулы свирепых племен?

С чистой молитвой вступим в круг праотцов, в Правду богов! Звезды с нами, их щит и помощь!

Ныне настало злое время, гунны налезли на Русь, тело в железе, глаза — злоба. Их боги — кровь, гроб, грабеж. Встаньте же единой ратью, сыны сего дня, отразить вражью силу! С нами праотцы наши и Божья помощь!

Вспомним же ныне, в час новой беды и новых бурь, долгий путь Рода, пройденный стопами предков через кру-

чи и бездны, сквозь кровь и прах, блуждания и битвы, тысячи лет, из тьмы веков к нашему дню!

Молим Велеса выпустить семь коней, правит ими царь-солнце на огненной своей колеснице. Велес — отец наш и покровитель, озари светочем своего вещего слова, поведай нам о том трудном и долгом пути праотцов!

Вот прилетела, села на древо, запела Птица о старых годах, о славе предков; перья — гроза, голова — молния. Перун гремит в тучах, Сварог поит землю водой жизни. Корова Земун пасется в звездах, молоко разлилось путем богов. Путь Правы — путь сердца. Наступит ночь и придет Велес; идет высокий к чертогам своим, садится у звездных врат. И мы запеваем древнюю песнь, славим Велеса.

Велес научил нас раять и сеять, жать, снопы свивать, огонь разжигать, ведать силу трав и вещее слово. Велес — отец наш, ведет нас по стезе Правы. А мать наша — Слава, и потому мы — славяне.

Матерь-Слава поет в Сварге о ратях старых времен, бьет крылами, зовет к сече. Правь — с нами, а Навь — с сынами тьмы. Перуница прилетит на поле брани с полным рогом воды вечной жизни, даст испить павшему русичу. Перун возьмет его в свое небесное войско. Матерь Рода, Царь-Птица поет нам о славе предков, о ратной чести сынов ее русичей.

Перун идет, грозным усом трясет, сеет молнии, а из них вырастают рати новых времен. Мы на земле — искры от стрел его, сверкнули — и нет нас. Только наша ратная слава вовек не умрет, улетит к пращурам, сольется с доблестью наших отцов и дедов в великой песне Матери-Славы, Царь-Птицы Рода. Мы не боимся темной страны Мары, мы — потомки Славун, отпрыски славного рода славян.

Мы пришли из Пенджаба, где жили прадеды наши и паслась прародительница стад наших корова Земун. Там

Велес по велению Дажьбога принес в сыновья Богумиру звездного отрока — Руса.

Бьет крылами Мать-Слава, поет свою песнь к сече, зовет под стяги с огнеликим Ясунем. Род русский соберется в сотни, а сотни — в тысячи, а тысячи — в несметную силу. Текут на Руси великие реки, шумят многие воды и поют они о стародавнем, о тех ратях и тех полках, как ходили к Дунаю на римлян, костями легли у валов Траяновых. Ветры Стрибожьбы тужат о павших, на холмах высоких справляют тризну.

Утром Зарыня приносит нам молоко — укрепить силы, а Берегиня — оберег от злых чар. И вот уже слышим; скачет по берегу вестник на закате дня — сказать солнцу, чтобы садилось в злат челн, править к ночи. И вот уже скачет другой вестник и говорит солнцу, что волы устали влечь воз по синей степи, пора им прилечь отдохнуть на Млечном пути на стоянке Велеса.

Горит негасимо венец нашей древней веры, а чужой нам не надо. Сила наша в степях строится Птицей, по подобию Матери нашей Птицы-Славы: голова — Ясунь, головной полк, там князь и стяг; крылья — боковые полки, там стоят воеводы храбрые, готовые к битве.

Воспоем славу великому Триглаву, Сварогу — деду богов, Перуну-громовержцу, Световиду, он — щит наш от ночеликой Нави! Бьется в Сварге Белобог с Чернобогом. А Сварог, Световид и Перун — трое в одном /это тайна богов/ держат свод рукой крепкой, чтоб не обрушились столпы неба. За ними — Хорс, Велес, Стрибог. Потом меньшие боги: Радогощ, Колендо, Крышень, Питар Дый, Яр, Дажьбог, Белояр, Ладо, Купало. А за ними — Семаргл-Огнебог.

Вещий Велес возгремит в гусли, отворит врата рая, там течет Рай-река, и жизнь там беспечальна, там Дед-Дуб-Сноп вечнозеленый.

Вестник скачет к нам из Сварги небесной, возглашая зарю нового дня. Слава тебе, Ярило! Да не устанет сиять твое ярое око! Ты даешь нам очи наши, и мы видим, куда идем; видим землю, горы и широкое море. Всяк день дает нам новые очи свои зреть наших богов огнеликих: Перуна, Дажьбога, Хорса и Яра. Вот выходит Яр-Ярило в путь свой, разит жар-мечом древнего Гада, что выползает из нор ночи, грозя нам болезнями, мором и погибелью всякой.

Слава тебе, Ярило! Слава богам! Да хранят род наш!

Тот, кто забыл дела предков, — проклят богами, один он на земле, сирота бездомный без роду и племени, непомнящий родства своего, и сгинет имя его во мраке.

Так поведем же речь сию от корня, от старого Ария.

За две тьмы до ныне праотцы наши водили скот свой в благой земле, в Семиречье, за морем, в Краю Зеленом. И сказал Сварог отцу Арию: «Я — творец ваш, род ваш от перстов моих. Будете вы — великий род и победите все иные роды». Тогда правили у нас старцы и вече, вершили суд Правды, род избирал Родича — править. Так правили праотцы наши, и всяк мог сказать свое слово. И напали гунны, племя злое и жестокое. И сказал тогда старый Арий: «Уйдем из земли этой, где гунны убивают нас и детей наших».

Принеся в жертву белых коней, ушли праотцы наши из Семиречья искать иную землю; в той земле течет молоко и мед. И пошли все, и три сына Ария: Кий, Щек и Хорив. От них произросли три славных племени. Сев на коней, пустились в путь, старшая дружина и младшая, коровы, быки, овцы, повозки, дети, старики, жены. Шли на полудень, к морю, мечами разя врагов. И пришли к Горе Великой, к долине злачной. И жили там богато и мирно.

В другую тьму был хлад велик, и потянулись к полудню, ибо там места злачны, и пришли на зеленотравие, и было у нас скота много. И начались распри в родах, рассорились

родичи. И настиг нас гнев Сварога, грянул гром его, затряслись горы, посыпались камни, низверглись лавины, погребли под собой селения праотцов наших, и бежали, кто жив остался, с тех гор в степи. И сказали отцу Арию: «Веди нас на древнюю землю нашу, на старую родину, где жил когда-то род наш, вернемся в родную Русь, ибо мы русы». И пошли Арий и трое сыновей его, Кий, Щек и Хорив, от тех гор, и пришли к Ра-реке на древнюю свою родину.

И нагрянули гунны, и не могли праотцы наши одолеть их. И, переправясь на ту сторону Ра-реки, и люди, и скот, потекли на полудень, и пришли к Готскому морю, а там готы преградили путь. И в то время была у нас великая битва на берегах Готского моря. И там праотцы накидали курганы из белых камней, погребли там своих бояр и вождей, павших в сече. От гор Арийских ушли в край Иньский и там в Загросе жили сто лет. Потом пошли на Двуречье, одолели тех конницей, достигли земли Сирийской и там остались со стадами и табунами своими. После новых войн ушли к горам Карпенским, там правили у нас пять князей, возвели города и села, и был там торг великий.

И было от отца Ария до Дира тысяча пятьсот лет. Еще персы знали нашу разящую медь. Но Творец повелел ковать смерть из железа и сесть на коней с пастбищ Стрибожьих. Так утвердилась Русь наша. Да хранит нас Перун! Князья из рода Ария были сильны и славны, не давали землю свою в обиду. Когда же в древнее время мы были у солнца Египта, разбрелось кто куда единое стадо, как заблудшие овцы Велеса. И персы взяли нас, и мы подчинились мечу Набсура, склонили головы под бичи. Часть ушла на запад и там пропала, а весь род лег под Набсура.

Долго душило это ярмо. Час настал, и русы ушли от Набсура-царя, перс не посмел по следу их гнаться. Миновав Фарсийскую землю, вернулись в степи.

В тот день, когда вышли мы из Вавилонского плена, случилась великая Трясева, закачалась земля, как челн на волнах, метались, ревя, волы, ржали кони. Мы бежали к полуночи со стадами своими, не видя пути под стопами нашими. В тот день спасли пращурь, надзирающие из Сварги, не дали погибнуть роду.

Мы не псы в парше у столов пиршеств, ждущие, когда кинут кость! Мы — славяне, потомки Матери-Славы, род наш — от корня великих воинов. Магура, вещая птица, поет свою песнь к сече. Сам Перун поведет нашу рать к победе, огненные его стрелы повергнут всех врагов наших!

Отец Арий отошел к предкам. А Кий, Щек и Хорив привели род наш к Днепру, реке великой, текущей к морю. Река эта — рубеж, межа — между прей и непрей, распрей и ладом, бранью и миром. Левый берег — пря, правый — непря, а нам идти — до Непри. Потому и нарекли — Днепр. Сложили очаги и поставили мольбища. Щек и Хорив ушли. Щек пошел на закат солнца с воями своими, а Хорив повел своих за Дунай. Кий же остался и основал град Киев, стол русского рода. С ним сплотилась Русь, мать наша. Да пребудет она до конца времен!

Кий правил тридцать лет и умер. А после Кия был сын его Лебедян, рекомый Славорм, и правил двадцать лет. А потом Верен — также двадцать лет. А после Сережень — десять. И побеждали они врагов своих. А после росли на Руси усобицы, Жаля и Карна по ней ходили, вспоминая первых князей. При отце Арии един был род славян, а сыновья разделились натрое: русколани, венеды и борусы. Раздробился род, родцы и родичи.

Вспомним же ныне ту первую распрю, когда раскололся род. Вначале был отец Арий с тремя сыновьями своими. И были в те старые времена князья наши: были Мезислав, Боруслав, Комонобранец, Горислав, был Оседень и двое сы-

новей его. И был Кисек великий и мудрый, брат Ария. И сказал отец Арий Кисеку: «Соберем вместе наших мужей и жен, детей и старцев, твоих и моих, и скот наш, и твой и мой, и будем одна сила — обороняться от врагов наших». И не захотел Кисек и люди его. И увел отец Арий своих в дальнюю землю и сказал: «Здесь поставим град и будет имя ему — Голунь, ибо тут голая степь и леса». А Кисек пошел прочь и увел своих в иной край, подальше от Ария, и там поселился. Так раскололась сила рода, и стали чужими. И налезли на Кисека язи, злобное племя, и пали люди его от меча в корм вранам; выклеваны очи их на кровавом пиру прожорливых клювов.

И воскорбело сердце старого Ария, и рек он родичам: «Седлайте коней! Поспешим к Кисеку, брату моему, отмстить за людей его! Будем едины и будет победа!» Так рек Арий, и настигли язей, и повергли их в прах, было им в тот день возмездие.

Вспомним же, братья, гордость предков! Предсказано в давние времена, что Русь сплотится и станет державой великой, возродится Голунь и триста его городов и сел. Птица Мать-Слава поет о дне том, и ждем то время золотое, когда повернется Колесо Сварога. Не будем, как венды, ушедшие на запад; рают чужую землю, исковеркана вера их, и правит ими лживый князь Боровин. Венды, где ваша честь? Вспомните о земле предков! Вернитесь в родные степи присмотреть древние наши угожья!

В дни исхода из Семиречья взяли те земли у нас злые да-суни. Огнебог полетел на крыльях огня и сжег Голунь. А после упал на землю великий Потоп, земля разверзлась и поглотила коней и конников, скачущих в бегстве от кары богов. Так нас учат уроки антов. Те анты мечом подчинили многих, а дом свой сгубили, ибо на чужбине построили дом свой. Отцы наши приносили в жертву богам белых коней, и

боги вступились за них, стерли дасуней и язей. С нами Арий и Кий, отцы наши, их длань всегда с нами.

Крепкой рукой держите землю свою, внуки Даждьбога! С четырех сторон лезут на нас мечи, и с тех же четырех сторон приходят к нам святые праздники наши: Коляда, Яр и Красная Гора, и Овсени великие и малые. Соберемся же, братья, в единый род, песней и пляской восславим богов! Приложим землю родную к ранам своим, и когда предстанем пред Марой, скажет Мара: «Суд Нави не властен над русичем, ибо русич смешан с землей своей, взял землю в раны свои, смешал с кровью своей, не отделить нам русича от его земли».

Помни, сын мой, те трудные времена, тяготы и скитания предков. Прадеды наши блюли чистоту души и тела, всяк день творя мовь и молитву, ибо так установил Сварог и велит Купало. В свой час, сын мой, уйдем к Сварогу, узрим пращуров и матерей наших, там, в Сварге небесной, в Ирии пасут они стада свои и свивают снопы, нет там ни гуннов, ни готов, ни греков, ни серебра, ни золота, ни ярма, ни оков, только Правь правит там, и Велес водит стада свои в синих лугах, играя на гусях. А здесь, на земле, Световид дает нам днем добрые очи Яви, а ночью хранит от злоокой Нави. А в час битвы, сын мой, мы идем на врага, не страшась смерти, ибо душа наша бессмертна. Павшему русичу Перуница даст испить из рога воды жизни, и полетит он в Сваргу на белом коне, и там встречает его Перун и ведет в чертоги свои.

От Ария, отца рода, утвердилась Русь силой великой — от Ра-реки до Днепра и Карпат. Пятнадцать веков правили у нас родичи и вече, и порушилось это после веков Трояна от рук хазар.

И был у нас в стародавние времена Богумир, муж Славы, матери нашей, и были у него три дочери и два сына, во-

дили скот в степях, чтя богов и стезю разума. И запряг Богумир повозку, и поехал искать мужей дочерям своим. Приехал к дубу в поле, заночевать, разжег костер. Видит, скачут к нему три конника: «Будь здрав! Что ищешь?» Поведал им Богумир. А те ему: «Сами едем искать себе жен». И привел Богумир троих мужей дочерям своим. От них пошли три славянских рода; древляне, кривичи и поляне. Первая дочь Богумира — Древа, вторая — Крева, а третья — Полева. Сыновья же — Сева и Рус. Отсюда — северяне и русы. А те три мужа — три вестника божьих: Утренник, Полуденник и Вечерник.

Те роды водили скот в Семиречье, в Краю Зеленем еще до исхода Ария. И было это за тысячу триста лет до Германареха.

И был у нас Славен и брат его Скиф, вели на востоке большие войны. И решили: Славен пойдет в Ильмерскую землю, а Скиф — к Дунаю. И так разошлись. Славен поставил сына своего Бастара у ильмерцев, а сам потек на полночь и утвердил там свой град Славенск. А брат его Скиф сел у моря. У Бастара же сын — Венд, а после внук Кисек владели полуденными степями, водили стада многи. И была брань великая за степи, от Дуная до гор Угорьских. И рек Кисек людям своим: «Мы — русичи, наш клич: Иду на вы! Акинаки скифские у нас остры. Где пролилась кровь наша, там и честь наша».

И были мы у Керани, малый град на берегах морских. Греки принесли дары: овнов, вино и ризы, говоря себе: «Русы упьются вином и мы побьем их». Тогда остерегли нас волхвы наши Ухорез и брат его Соловей: «Не напивайтесь от даров коварных греков». Русы же не послушались и упились. И в тот же день греки напали и посекали их. Тогда русы отошли в степи собраться с силой. Помолясь Триглавам великим и малым, ударили на врага. Впереди летели боги,

Перун и все сварожичи, и рубили головы поганых греков, свергали конников с конями их, мертвыми телами устлали поля. Восплакались на тех полях Жаля, Горыня и Карыня великим плачем по земле той, земле скорби: «Эта земля пила кровь тысячи лет, не утолить алчбу и жажду злой земли этой до скончаньи веков!»

Я, внук Велеса, говорю ныне: «Братья, будьте едины, крепите силу свою! Грядут тяжкие времена. Налезут на нас враги многи со всех стран, рати в железе, кровожадны и злобны. Но будут с нами праотцы наши. Вот старый Арий грядет по облакам. А Перун кует мечи и стрелы. И говорит Перун Арию: «Эти мечи и стрелы на врагов твоих, повергну их в прах, превращу в свиней смрадных, и смрад свой понесут по следам своим».

И видел я сон в Нави: облако огненно. И вышел из него Змей чуден, и схватил землю, и потекла из нее кровь, и Змей лизал ее. И пришел муж сильный, и рассек Змея, и стало два. Рассек еще раз, и стало четыре. И возопил муж к богам о помощи. И пришли боги на конях из Сварги, и сразили Змея. Змей тот — Боспорец, идущий с полудня взять землю нашу. А земля наша — Русь.

Так минуло тысяча триста лет после исхода с Арийских гор. И после тех войн стояла земля наша еще пятьсот лет. И были у нас славные грады, Голунь, Сурож, Вороженец. После пришли к морю и возвели Корсунь. И налезли готы. Германарех привел с полуночи своих рогатых воев. И рубились мы с готами лютой бранью. Их главы одеты для устрашения в рога волов и коров, а чресла — в кожах зверей. Тогда мы, русы, снимали рубахи и оголяли чресла свои, шли наги с мечами и сокрушали готскую силу. И тогда готов прогнали до Донца и Дона. И Германарех пил с воеводами нашими чашу мира, вино, смешанное с кровью, его и воевод наших.

А потом Германарех нарушил клятву, сошелся с гуннами, и налезли они на землю нашу с двух концов: готы с полуночи, а гунны — с полудня. И прилетела вещая Птица Мать-Слава и провещала князю нашему Белояру: «Иди на гуннов, потом — на готов». Он так и сделал; расшиб гуннов, потом — готов. Там он сразил сына Германареха. В то же лето Германарех пришел опять, построив своих рогатых воев «серпом», и застал врасплох отцов наших. Бились до ночи. Мокошь-месяц встал высоко в небе, ратоводец готов, и разил нас серпом своим в голом поле. Тогда мы отошли в степь собраться с силой. Белояр собрал войско и повел от Воронежца, десять тысяч отборных конников, и обрушились на готов. Сеча была зла. И готов смяли.

И взял Германарех жену из нашего рода по имени Лебедь, и убил ее, разорвал лошадьми, привязав к хвостам их. Тогда Бус, вождь наш, потек на него. Но Германарех посекал нас, русов, а Буса распял на кресте и с ним еще семьдесят князей наших. И тогда печаль великая была у нас. И встал на челе рати сын Буса, Бус младший и повел Русь на готов. И сам Белобог вел с ним рать нашу. И мы видели: выходят из лесов кудесники и чародеи, и творят великие чудеса: подбрасывают прах к небу, и встают из праха сварожьи рати, текут впереди нас на врага. И видели мы: Птица-Слава летит впереди рати нашей, зовет к победе. И повергли готов.

И были у нас брани великие все те лета, одна сеча сменяла другую, то готы, то гунны, то Рим, то греки. После ста двадцати лет непрерывной брани готов потеснили гунны и берендеи и те отошли к полуночи между Ра-рекой и Двиной. Германарех умер. А Гуларех сразился с гуннами. Сеча была зла тридцать дней. После Гулареха готы отошли на север и исчезли, Дитерих увел их, и мы о них ничего не слышали.

И был у нас муж из рода Белояра, предупредил синьцев, идущих к фрягам, что гунны на острове своем поджидают обобрать их, зарясь на их шелка и перлы. Было это за пятьсот лет до Адореха. Синьцы дали ему серебро и два «золотых коня» и повернули назад в Синьскую землю, и не приходили уже никогда. А мы, русы, после того сговорились с фрягами и прогнали гуннов.

После тех войн Русь опустела, был глад и мор. Атилла пожег нивы наши, угнал стада. С моря пришли греки. Голунь сожжен, Сурож повержен, Корсунь в прахе. Трижды вставала Русь из пепла. Отцы наши возводили грады и ставили храмы для почитанья богов, в Киеве и на Волыни у дулебов, и в Суроже на синем море, свершали требы и приносили жертвы. А ныне Сурож повержен и боги наши в прахе, попраны пятой грека. Тысячу триста лет мы хранили святыни наши, а ныне их попирает пята осквернителя. Греки — враги нам и богам нашим. Их боги — каменные изваяния, подобные мужам. А наши боги — лики огня и солнца, воды и ветра, дерев и трав.

А потом ступила на Русь смута, зажгла вражду в родах, раздор и рознь, и пошли брат на брата, наточив железо братоубийства. За десять веков забыли: кто свой, кто чужой, и чья кровь, и где — кровники. Распались на племена: поляне, северцы, кривичи, древляне. Все они — русичи, от Русколани древней, один род. Не так, как Сумь, Вель и Чудь. Мы, русичи, от славного корня, мы еще помним Дария Персидского, что потопгал Скифскую степь и увел нас в рабство к спесивым персам. Когда мы ушли от Белой Вежи и от Роси к Днепру и там Кий утвердил град Киев, мы были тогда единый род, единая сила. Братья, сплотимся же, как прежде, смирим распрю!

И тогда погибла славная Бусова Русь. Нагрянули обры — беда великая. Было же их, как песка морского, стократ тяжче зло, чем готы, гунны и греки. И встали мы противу обров, но

не было лада у нас на Руси, и победили обры. А князя нашего Мужемира замучили, посадив на кол. И с обрами ходили тогда на греков не по своей воле. Вои наши пошли к Дунаю и дале и оттуда уже не вернулись.

Ныне же греки снова идут на Русь, гремя силой железной. Но с нами Перун! Расшибем их! Посмотрим, куда летит ворон, — и там смерть. А ворон летит к морю, к тем грекам.

И были времена Маха, нашего великого князя, волохи шли на нас; Халабуда, жестокий воин, пришедший на Дунай с мечом Рима, много посек русских сынов, и настал ему час возмездия.

И были у нас брани с булгарами. Кий тогда пошел на них к полуночи от Воронежца, на выручку к Голуни и Сурожу, справа — море Дулебское, слева — готы, а прямо на полудне — греки. Перун помог, отстояли Голунь.

За четыре века до Сурожца хазары нас взяли и были мы в ярме хазарском. Боярин Скотень не подлег под хазар. Иронцы в помощь ему прислали конницу. Часть русичей пришла под щит Скотеню, другие бежали от хазар в Киев. Хазары творили зло, сделали нас рабами, избивали жен и детей наших. Лучше смерть, чем кабала у хазар. Те сперва ходили с товарами, хитры и велеречивы, потом с мечом. Скотень повел нас и иронцев и поразил хазар. А потом пришли на них варяги. Каган хазарский у Скотеня просил помощи, а Скотень отверг: «Поможете себе сами». И тут хазары узнали срам и вкусили праха, бросая мечи, бежали в великом страхе к Волге, Донцу и Дону. А варяги, сыны волков, уселись в Киеве и взяли Русь.

И был у нас Белояр Криворог, князь русский, укрепил Сурож у моря. Пустил белого голубя — куда полетит, туда и идти. Голубь полетел на греков. И Криворог побил их. А хитрые греки-лисы, вертя хвостом, принесли Криворогу дань

«золотое руно» и «коней серебряных»*: «Ты держи Су-рож, а нам дай Голунь». А после коварные греки навергли на нас воев в железе и сокрушили многих. Почтим же память далеких предков, кто, ратуя, пал за землю нашу! Святая кровь их, кровь воинов хранит нашу Русь! Теперь они воины бога — богуны, в небесной Сварге с Перуном куют мечи нам в помощь.

Но померкло солнце старого времени, варяги пришли на Русь, Аскольд и Дир, поразили князя нашего и уселись в Киеве княжить. А до этого правили наши вожди, и Огнебог хранил очаги наши, но теперь отвратил он лик свой от нас.

Старые вожди судили по правде, а эти Аскольд и Дир творят суд по указу чужих богов. Не будут они владеть нами! Их боги не станут богами нашими! Такими были отцы наши, и нам иными не быть! Остерегайтесь, сыны мои, варягов, как пастыри, которые стерегут от волков агнцев! Их жестокие боги, Паркун и Один, всяк день требуют в жертву человеческой крови. Мы же несем на алтарь дань полей и трудов наших: просо, тук, молоко. На Коляду — агнца, также — в Яров день на Русалиях и на Красную гору. В старые времена жили мы по закону рода, старцы правили суд у Перунова древа. В тот день затевались игрища, юноши упражняли молодую силу, ум и уменье. Чиста вера предков наших и святы обычаи. Дедов завет стоит твердо — столб заоблачный. Сварог кинул нам на землю меч, чашу и рало. А Велес дал вещь силу и знание.

Остерегайтесь, дети мои, и греков. Эти греки-ромей издавна зарились на Корсунь, тридцать лет налезали их копья с моря, споткнулись о наше мужество и твердость.

Ныне, через двести лет после Адореха, за хазарами пришли варяги, порушили жизнь нашу, лад старого време-

ни. Соберись, Русь, встань под стяги! Не посралим отцов и дедов наших, древних воинов, спящих в курганах!

Аскольд и Дир по Днепру ходят, зовут в дружину свою. Не пойдем мы под их стяг! Аскольд посадил воев своих в лады, идет на греков жечь и грабить. Этот варяг пришел из-за моря взять землю нашу. А Рюрик волком рыщет в степи, режет купцов и забирает товар их себе в Новгород.

Эти князья-варяги крестились у греков. Аскольд — темный воин, а днесь просвещен Царьградом: «Русы — варвары». На это ответим: Кимры — отцы наши, трясли Рим и греков гоняли, как поросят. Мы ли варвары? Древние письмены наших священных книг — до Кирилла.

И ныне крещена Русь.

Отцы наши ходили на древние погребалища слушать, как дышат пращурь под зеленой травой, и пращурь говорили с ними и наставляли их на путь Прави. Вспомним же завет предков! Род-Рожанич держит нас в сердце своем отчем. Ясунь с нами на стягах наших. Побиты рати старых времен, вороны выклевали очи воев, трава проросла сквозь их черепа. Встанем же ныне новой ратью! Не поддадимся варягу! У нас свои князья, им платим ругу. Вспомним же, как деды наши сокрушили римских «орлов» в устье Дуная. Траян тогда шел на дулебов, и деды расшибли легионы Траяновы. Десять лет те ходили у нас в ярме вместо волов. И было это за триста лет до сего времени. Траян был за пятьсот лет до готов. Но эта брань не угаснет до скончанья веков. Доля наша — сражаться до последней крови последнего воина. Так говорит наш отец Хорыга, поведав сон свой: «Вот строится рать, блестят шеломы и латы, вьются стяги, трубят трубы, ржут кони. Впереди летит наша Мать-Слава, летит над Русью, прикрывая ее светозарными крыльями своими».

* Монеты с изображением оводов и коней.

Был у нас князь Бравлин, увел отцов наших на север к Ильмень-озеру, и там построили Новый Город, и ныне там возжигаем огонь богам у дубов священных на Волхове.

Этой ночью видел я вещий сон, видел Кия, отца нашего, и он сказал: «Вскоре разрушены будут вражьи козни. Обнимутся братья, прекратив распрю. Будет великая победа! Воспрянет Русь, поднимет гордую голову. А грек и варяг лягут у ног ее, плача о былом величии своем». И будет так, ибо это речь богов!

Эта земля полита кровью нашей и усеяна костями нашими, нам на этой земле так судили боги — умирать за нее в жестокой сече. Не предадим богов наших. Рать нашу поведут громовичи. Присыпем раны родной землей — и заживут раны наши. Свершим же, братья, великую Тризну по всем павшим за Русь! Теперь они в Сварге подле Перуна и Дажьбога, подле пращуров наших.

А кто не идет в бой за землю свою — тому будет кара тяжкая, род отринет его и от него отречется, Жаля его не оплачет, и имя его забудется. И сохранит род имена героев, славных воинов, павших за Русь, за землю предков. Вечная им память!

Вячеслав Овсянников

дер. Тартак, Белоруссия — Петербург, Россия

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Моя сторона, ты рыдаешь, родная,
О прежних летах и князьях вспоминая,
Когда ты была, словно свет среди тьмы.
О Русь, украшали тебя до озера
Святые источники, реки, озера,
Высокие горы, крутые холмы.

Здесь в диких урочищах звери водились,
Здесь птицы в густых чернолесьях гнездились,
Травой-изумрудом стелились поля.
Предивные села, великие грады,
Церковные храмы, сады-винограды —
Ты всем преисполнена, наша земля!

Князья твои грозными были в округе,
Честными бояре и честными слуги,
Христианская вера крепка и сильна!
Отселе до угров, до чехов, до ляхов,
Отселе до немцев, литвинов, ятвягов,
Куда утекает по топям Двина,

Отсель до корелы за морем Студеным,
До нехристей тоймичей в Устюге темном,
До волжских болгар, что корчуют леса,
До мест, где живут черемисы и веды,

Мордва и буртасы, что дикие меды
Сбирают в берестяные туеса, —

Все это в округе — по странам поганым
Навеки Господь покорил христианам,
Вручил на владенье тебе, Мономах!
Тобою пугала детей половчанка,
Литвина от страха трясла лихоманка —
Сидел, не высовываясь, в камышах.

А угры, поставив стальные запоры,
Скорей замыкали Угорские горы,
Чтоб ты не поднялся однажды на них.
А немцы жбанок выпивали при встрече
За то, что живут за морями далече
И как бы не слышат ристаний твоих.

Сам царь Мануил, обливаясь слезами,
Ладьи снаряжал с дорогими дарами,
Тебя умоляя не трогать Царьград.
И в кожухе греческого оловира
Ты поезд с сокровищами полумира
Встречал у приморья, велик и богат.

Тебя никогда б чужеземная сила
К холмистому Киеву не пригвоздила!
А ныне нахмурилась Русь от обид:
Опять отовсюду поганые лезут,
Но розно полотнища русские плещут:
Одни носят Рюрик, другие — Давид.

*Евгений Лукин
Петербург, Россия*

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(Отрывок)

Солнце светит в небесах,
птичий гам стоит в лесах,
на Дунае вьются песни,
счастья блеск у всех в глазах.

Мимо поля, мимо рощи,
по дороге по крутой
Игорь едет к Пирогощей —
Богородице святой!

Слава старым князьям, дедам-прадедам,
что всю жизнь воевали с неправдами!

Слава тем, кто способен за Русь,
прошептав себе тихо: «Не трусь!» —
рисковать своей юной судьбой,
что на свадьбу идя, что на бой.

Слава юному князю Владимиру,
что вернулся два года спустя,

привезя Кончака дочь родимую
и рожденное ею дитя.

Пусть, как солнце, плывет по векам
слава русским геройским полкам.

Николай Перяеслов

Донбасс — Москва

Тысяча лет от Владимира Святого...

* * *

Дворы в огне. Пожарищная хмарь.
И снова полный хаос в нашем стане.
На то, как в страхе мечутся славяне,
Глядит самодовольно хан Мамай.

И лики опечаленных святых
Скривились на задымленных иконах.
В полоне честь, и мужество в полоне,
И ждет аркан славянок молодых.

Мы убегаем. Про себя клянем
Врага сплоченность и ожесточенность,
И нашу вечную разъединенность,
И «хаты с краю», где всегда живем.

Над нами — стрел каленых косяки,
Но замер я меж топота людского,
Чтоб вдруг увидеть Дмитрия Донского,
Ведущего на правый бой полки.

И показалось — вместе мы давно.
Вот полк один татар обходит с края,
И заболело сердце у Мамаю,
Предошущений гибельных полно.

Победный крик заполнил пустыри,
Встряхнув замшелые устои ханства,
И двигалось сплоченное славянство,
Неся на шлемах отблески зари.

* * *

...И нет суетливым сомненьям числа,
Ведь в жизни — то косо, то криво.
Вновь трещина через эпоху прошла,
И стала страна над обрывом.

Неужто оборвана памяти нить,
Неужто все стало несвято?
Но надо же выстоять и победить,
Как наши отцы в сорок пятом!

Сергей Кривонос

г. Сватово, Луганская область, Украина

СВЯТАЯ ФЕВРОНИЯ

Часто думаю я о тебе, святая Феврония. Не о той, что описана в средневековых повестях или в житии святых. Нет! Ты приходишь в мои мысли с театральных подмостков, со страниц искуснейшего либретто Бельского и оперной партитуры Римского-Корсакова. Они переселили тебя из старинного Мурома в приволжские Керженские леса, обручили с княжичем Всеволодом, привезли в Малый Китеж, где изумленный народ встречал тебя, кто восторженно (простая девушка княгиней станет!), кто со злобой и завистью. Но вот налетают полчища татар, ты в плену, княжич, твой жених, убит в кровавом сражении. Враги рвутся к Большому Китежу, что стоит на высоком берегу озера Светлояр. Но выйдя к озеру, не видят татары города. Он ушел под воду и, хранимый Богом, стал невидимым. А ты, Феврония, проявив неженское мужество, женское все терпение и христианское все прощение, умираешь под пение райских птиц с тем, чтобы возродиться и венчаться с любимым княжичем в Невидимом Граде.

Как величественно прекрасна легенда, ставшая еще прекраснее под пером великого композитора! Она вечна, а тема об исчезнувших городах и святых местах — вездесуща. На дно моря опустилась древняя Атлантида, невидимым стал Грааль, где-то скрыта от глаз ищущих ее людей таинственная Шамбала, среди гор и болот спрятано хранимое Богом Беловодье.

Я верю — это не вымысел, не сказки. В иносказаниях и символах запечатлелась быль далеких времен и некая высшая истина. Многие верят этому, и сюда, к озеру Светлояр, к этим былинным местам Древней Руси, веками шли и поныне идут паломники, люди разных вероисповеданий и убеждений: староверы, толстовцы, кришнаиты, рериховцы и др. Со священным трепетом набирают они воду из озера, считая ее священной, ведь она может стоять не портясь многие годы, окунаются в воды озера, трижды обходят, а то и оползают на коленях озеро в надежде на здоровье и исполнение желаний, а затем, прильнув к земле, хотят услышать приглушенный звон китежских колоколов и увидеть под землей церкви — и Ивановскую, и Благовещенскую, и Успенский собор, что сияют, как говорят здесь, по ночам, и кресты видны, и церковные маковки, и люди в серебре выходят и зовут к себе.

1

Все, что произошло с Николаем тем летом, казалось ему потом чем-то нереальным, ненастоящим, придуманным. А началось все с того проливного дождя, который поразил всех жителей Петербурга. Ливни такие редки в северных широтах, бывают чаще на юге, но тогда все в природе шло как-то наоборот, аномально, как принято говорить.

Была пора экзаменов, и Николай, студент третьего курса истфака, в тот пасмурный неприветливый день, долго прозямавшись в библиотеке, возвращался под вечер домой, когда и хлынул этот, обрушившийся на город потоками воды, ливень.. Прохожие бросились врассыпную, и Николай, увлекаемый людским потоком, оказался в подъезде большого дома, мимо которого шел. Здесь было немало людей. Потемнело, но глаза вскоре стали привыкать к сумраку. Оглянувшись, он за-

метил вблизи двух миловидных девушек, кокетливо и модно одетых, со взбитыми прическами, искусным макияжем. Они казались растерянными, нервно поглядывали на часы. Дождь усиливался.

— Больше нельзя ждать, — сказала одна из них, — в конце концов, тут не так уж и далеко, добежим.

Они стремительно ринулись из подъезда, открыли зонтик, прикрываясь им, но тут внезапный сильный порыв ветра чуть не вырвал его из их рук, а когда они удержали его, ветер, изловчившись, влетел под полотнище, вывернув его в обратную сторону и изломав несколько спиц. Зонтик беспомощно повис, и все попытки хоть как-то оживить его ни к чему не привели. Девушки вновь оказались в подъезде, растерянно глядя друг на друга. Дождь продолжал буйствовать. У одной из них, как показалось Николаю, даже блеснули на глазах слезы. Наблюдать эту драматическую сцену он больше не мог. Два шага — и он возле них.

— Вот, возьмите, — он протянул им свой зонтик, — я не спешу, могу подождать, пока это светопреставление закончится.

— Нет, нет, — неуверенно запротестовали они.

— Возьмите, я живу недалеко, доберусь. Да и такой сильный дождь должен скоро пройти, а вы, как видно, спешите, — и он, почти насильно, вложил одной из них в руки свой зонтик.

— О, спасибо, спасибо, мы обязательно вернем, — и тут вторая девушка, открыв сумочку, вынула какую-то белую бумажку и вложила ее в карман куртки, которая была на Николае.

— Спасибо, мы отдадим, — прокричали они еще раз и, открыв благополучно на этот раз зонтик, побежали через дорогу.

Дождь действительно вскоре стал утихать, но домой Николай вернулся все же хорошо промокшим. Только теперь

вытащил из кармана куртки сложенную вчетверо бумажку. Это оказалась контрамарка в Мариинский театр, на завтра, на двоих, с отмеченными местами и со штампом, на котором значилось название спектакля: «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии». Николай невольно присвистнул: «Вот это да!»

Спектакль этот недавно поставили, много о нем писали, дискутировали, спорили, он был у всех на устах, короче, было много шума, и попасть на него было непросто. Николай тут же позвонил Олегу — своему еще школьному товарищу, с которым они сохранили дружбу и после окончания школы, и рассказал, как «выменял» зонтик на контрамарку, и предложил пойти завтра в Мариинку.

Олег был в восторге, и неудивительно: он из музыкальной семьи, отец играет в филармоническом оркестре. Сам он окончил музыкальную школу по скрипке, одно время даже мечтал о консерватории, но потом передумал, поступил на филфак, однако скрипку не бросил, даже играл в каком-то молодежном симфоническом оркестре, любил импровизировать в кругу друзей и постоянно тянул Николая то в оперу, то на концерт.

На следующий день, встретившись у входа в театр, они вступили под своды этого «храма музыки», как чуть насмешливо называл Олег Мариинку. Места оказались в ложе, сбоку, почти над оркестром. Олег ликовал:

— Прекрасно, я так люблю смотреть в оркестр, на дирижера. Да, вот это — тебе, — и он протянул приятелю несколько свернутых трубочкой листков.

— Что это?

— Либретто оперы, сделал для тебя распечатку. У певцов далеко не все слова разобрать можно, а текст мне показался интересным, вчера в интернете прочел. Можешь даже во время действия сюда заглядывать, — и он, открыв ладонь, отдал Николаю крохотный, как сигаретка, фонарик.

— Да ты меня до зубов вооружил. Спасибо.

— Родители были на генеральной, в общем, хвалили спектакль, хотя папа с весьма кислым видом сказал: «Современные выверты».

Оркестровая яма стала заполняться музыкантами, нестройные звуки настраивающихся инструментов, предшествующие обычно началу спектакля, заполнили звуковое пространство зала. Погас свет. Дирижер встал за пульт. Музыка началась как-то незаметно: тихое покачивание, шелест, шуршание. Едва уловимый наигрыш свирели сразу же оборвался. Защебетала птичка, где-то явно закуковала кукушка. Олег прошептал на ухо другу:

— Это вступление называется «Похвала пустыне».

— Почему пустыне?

— Так раньше на Руси называли места, где не было поселений, например лес, как здесь.

Занавес открылся сразу. Перед глазами — лесная чаща, темная, непроходимая, с редкими просветами. Но вот все поплыло вверх и открылась ярко освещена сцена. На ней — странные стилизованные декорации: разбросанные камни, огромные кувшины, неведомые растения, очеловеченные животные, которых кормит и с которыми разговаривает белокурая девушка в простой, почти современной одежде. Голос ее льется легко, свободно, пение завораживает, чарует. Покой, умиротворение. И красот-то особых как будто нет, а хочется погрузиться в эту музыку и слушать, слушать... О чем поет она? Действительно, не все можно разобрать, и Николай вглядывается в строки либретто. Какое восторженное любование природой!

Ах ты лес, мой лес, пустыня прекрасная,

Ты дубравушка, царство зеленое!

Ах, спасибо, пустыня, за все, про все,

За красу за твою вековечную,
За прохладу порой полуденную
Да за ночку парную, заволжную,
За туманы вечерние, сизые...

Появляется княжич, одетый как простой охотник. С интересом и умилением наблюдает он за девушкой:

То не с неба ли светлого
К нам явился на землю
Серафим невидимый
Обернувшись девицей?

И вот она уже врачует его пораненную зверем руку. И кровь останавливается, и боль проходит. И ведут они неспешный разговор, такой необычный для оперы! С кем же живет она здесь, в лесу? — спрашивает незнакомец. И рассказывает Феврония (а именно так и зовут ее), что живет она с братом, что жизнь в лесу прекрасна и радостна, что кругом красота несказанная, особенно весной, как сейчас, когда

Разольются все лужья, болота,
Разоденутся кусты, деревья,
Станет лес наш полон чудесами,
То виденьями, то голосами,
Запоют все пташки лесные
Серый дрозд да вдовушка-кукушка.
Придут думы вешние да песни,
Дивных снов навеет ветерочек...

Княжич продолжает спрашивать: «Ты скажи, красная девица, / Ходишь ли молиться в церковь Божию?» И слышит неожиданный для себя ответ:

Нет, ходить далече, да и Бог везде.
Оглянися умными очами.
День и ночь у нас служба воскресная
Днем сияет нам солнышко, солнышко ясное,
Ночью звезды, как свечи, затеплятся...

Да, жизнь в лесу прекрасна и радостна, но княжич возражает:

— Все о радости, а люди старые иначе говорят: «Не зарись на радости земные».

И слышит в ответ:

Милый, как без радости прожить,
Без веселья красного чтоб быть...
Верь, не та спасенная слеза,
Что с тоски-кручинушки течет,
Только та спасенная слеза,
Что от Божьей радости росится...

И льются потоком ее речи о любви, прощении, милосердии, утешении, которые и дают радость. Только тогда

И распустятся крины райские,
Прилетят сюда птицы чудные,
Птицы радости, птицы милости,
Воспоют в древах гласом ангельским,
А с небес святых звон малиновый,
Из-за облаков несказанный свет.

Может ли не быть очарован княжич такими речами?

Люб ли я тебе, по праву ли?
Люб, так кольцами сменяемся.

Так Феврония, сама того не ведая, становится невестой княжича Всеволода. Антракт.

— Пойдем разомнемся немного, — предложил Олег.

— Нет, нет, — тихо отозвался Николай, — так не хочется утратить очарование этой сцены, музыки.

— Да ты становишься истинным меломаном, — Олег произнес это с легкой усмешкой и удивлением, — понравилось?

— Видишь ли, не то слово — понравилось, мелко как-то — и, помолчав немного, продолжил, — я как будто побывал в другом мире, другом временном измерении, вдали от суетности нашей жизни. Эти медленные распевы, эти слова так прекрасны! Да и о чем, собственно, они? Ходишь ли, девица, в церковь Божию? А она — вся природа — храм Божий и т. д. Так ведь об этом и спорили с пеною у рта интеллектуалы и философы в начале прошлого века, статьи, трактаты бесконечные писали, Толстого вот от церкви даже отлучили. А тут, в опере — вот что удивительно! Начитались всего этого Римский-Корсаков со своим Бельским, и на тебе, в оперу вставили, свое слово сказали, да как убедительно! И о радости, что превыше всего — чудо как хорошо!

Олег с удивлением смотрел на друга, таким восторженным он его еще никогда не видел. Чудеса!

— Слушай, а не влюбился ли ты часом, может, в ту, что контрамарку на зонтик выменяла?

Оба весело рассмеялись, и волшебство Керженского леса, околдовавшее Николая, куда-то ушло, исчезло. Свет стал мигать, возвещая о скором начале второго действия. Теперь на сцене все было по-другому. В Малом Китеже праздник: встречают невесту княжича, которую везут в Большой Китеж для венчания. Радостное оживление, развлечения, пляски, хоры. Николай всматривается в разно-

ликую толпу, внезапно выхватывая из нее знакомое лицо, толкает Олега:

— Смотри, вот она, та, с контрамаркой, в зеленом платочке, видишь?

«Так вот оно что, — думает он, — девушки — хористки, вчера спешили, боялись опоздать к началу спектакля. А вот и другая». Набег татар. Все смешалось. В глубине сцены появляется страшное неподвижное чудовище, некий гибрид лошади и танка с устремленными в мечущуюся толпу глазами-прожекторами. Смятение. Страх.

— Вот они, «современные выверты», о которых говорил отец, — шепчет Олег.

Юную невесту хватают, уводят в плен. Татары рвутся к Большому Китежу, но дорога к нему через вязкое болото тайная, знать ее надо. Гришка Кутерьма, пьяница и забулдыга, испугавшись пыток, которыми грозят враги, готов вести их тайными тропами. Занавес.

— Вот теперь и разомнемся, — говорит Николай.

Но тут в ложе появляется билетерша.

— Это просили передать вам, — и она протягивает Николаю продолговатый пакет.

Неужели зонтик? Друзья весело смеются. Надо ответить, и они устремляются в буфет, коробка конфет в их руках. Николай пишет на видном месте номер своего мобильного телефона, и они просят билетершу передать коробку той же девушке. Ведь они даже не знают ее имени.

Третий акт. Прекрасный Китеж готовится к свадьбе княжеского сына. Известие о страшном нашествии — и дружина во главе с княжичем покидает город, чтоб сразиться с татарами. Сражение. «Сеча при Керженце».

Пыль столбом поднялась до неба.

Белый свет весь застилается...

Мчатся комони ордынские,
Скачут полчища со всех сторон.
Их знамена развеваются,
Их мечи блестят булатные.

Страшная, жесточайшая битва только в музыке, но в ней видятся и табуны несущихся лошадей, и свирепые лица всадников, страшных в своем упоении боем, и тучи стрел, выпущенных из луков, и горестное поражение.

Вечер. Татары подходят к озеру. В серо-голубом тумане их черные фигуры кажутся зловещими воронами. Делят добычу. Кому же из двух ханов достанется невеста княжича? Спор, схватка, и вот уже один из них убит, другой в изнеможении засыпает. А Феврония, вняв безумным стенаниям и просьбам Гришки Кутерьмы, освобождает его, и они убегают. Освобождает предателя, открывшего врагам путь на Китеж, оклеветавшего ее, Февронию: это, мол, де она указала путь врагам. «Нужно ли такое всепрощение, — думает Николай, — или именно в нем — высший подвиг, величие и сила духа? Способны ли мы, современные люди, прощать, чтобы дать возможность виновному покаяться? Вот в чем вопрос вопросов!»

Утро. Просыпаются истомленные битвой татары. Сейчас, сейчас ворвутся они, захватят, разгромят Китеж, упьются радостью победы:

Грады крепкие с землей сравним;
Божьи церкви все огнем спалим,
Старых, малых до смерти убьем,
Кто в поре, того в Орду свезем, — поет хор.

Но что это? Где город? Еще вчера вечером стоял он здесь со своими палатами, церквями, звонницами. Города

нет, он исчез, и в безумном страхе бросаются татары врассыпную. «Ох, страшен русский Бог!» Медленно опускается занавес.

— Ты можешь понять это всепрощение Февронии? — не унимается Николай, — я не могу.

— Да успокойся ты. Это ведь легенда, вымысел, ну, если хочешь, сказка.

— Нет, нет! Они были другими, но примитивнее или выше, мудрее нас или, быть может, приобщены были к некоей тайне, неведомой нам. Вот что меня постоянно занимает. Знаешь, с некоторых пор мне все более интересны старинные сказания, легенды, мифы. Иногда кажется, — в них зашифрованы тайные знания. Не те, в которых хотят обнаружить секреты сложнейших технологий или путь создания сверхчеловека (как к тому стремились немцы в годы войны). Нет! Я думаю, в них тайна сущности самого человека, его исторических свершений, его предназначения. Феврония для меня и есть тайна, сверхчеловек, вернее сверхженщина.

Олег с удивлением смотрел на друга.

— Это все от музыки, она вдохнула в старинную легенду жизнь, ты поддался ее обаянию, вот и начал философствовать. Не ожидал от тебя! Ты так глубоко все воспринимаешь, даже завидно стало. Меня, ты знаешь, с детства приобщали к музыке, но... возможно, перестарались. Я просто могу наслаждаться ею, а у тебя — все как-то интереснее, глубже...

На телефон Николая пришла эсэмэска: «Спасибо за конфеты. До новой неожиданной встречи».

— Похоже, зонтично-контрамарочная эпопея окончена, а жаль, — рассмеялся Олег.

Истомленная, истерзанная, умирающая от голода и жажды, бродит Феврония по болотам. Сил больше нет. Она

слышит пение райских птиц, видит, как идет к ней, протягивая руки, любимый жених, зовет венчаться в город невидимый. Пышные венчальные хоры, княжич ведет невесту в храм, звонят колокола. Апофеоз.

Молча вышли они из театра. Впечатление от торжественности последней сцены не проходило. На улице их окутала прозрачность сумеречной белой ночи, в которую контрастом врываются и свет фар от мчавшихся по широким проспектам автомобилей, и скрежет трамвайных колес по рельсам, и колышущиеся блики уличных фонарей, и нестройный гул голосов. Все эти приметы большого современного города с какой-то удивительной агрессивностью набрасывались на них и казались сейчас такими неуместными и чуждыми. Друзья постарались быстро свернуть на более тихую улицу.

— Пойдем пешком, — предложил Олег.

— Конечно.

Шли, каждый погруженный в свои думы.

— Знаешь, — прервал молчание Олег, — родители пару лет тому назад ездили с какой-то экскурсией к озеру Светлояр, рассказывали потом, захлебываясь от восторга. Я тогда к вступительным готовился, было не до того. А сейчас, когда наступят каникулы, не махнуть ли нам невидимый Китеж поискать?

Николай схватил друга за руку.

— Так ты же вырвал у меня мою мысль, — прокричал он, — только об этом сейчас и думал. Поехали!

— Поехали!

2

В Нижний Новгород поезд пришел утром. Друзья, движимые любопытством, пошли поначалу осматривать

город, но к полудню были уже у автостанции. Еще в поезде попутчики, местные жители, объяснили: ехать надо в сторону Кирова, автобус идет через село Владимирское, что у озера Светлояр, там и выходить. Но лучше, рекомендовали они, ехать машиной, многие шоферы подрабатывают, берут пассажиров, стоит не намного дороже, но быстрее, до вечера доедете, а главное, шофер и остановится в пути, чтоб дать возможность полюбоваться окружающими красотами и сфотографировать их, и байки всякие по дороге расскажет, и на жилье к хорошим людям устроит. Так и сделали.

Выехав из города, оказались на неширокой, но оживленной трассе. Навстречу стремительно мчались автомобили, автобусы, маршрутки... Когда подъехали к Боровскому мосту через Волгу, водитель остановил машину.

— Взгляните, какой вид, — обратился он к ребятам, — сколько лет езжу, а тут не могу не остановиться. Взгляну — дух захватывает!

Николай выскочил первым.

— Ух, ты! — восторженно воскликнул он, — поистине — «занялся дух, сердце замерло»!

— Так это по другому поводу.

— Неважно, что может быть лучше, просторы-то какие!

Вокруг расстились необозримые волжские дали, и в ослепительных лучах солнца Волга, как и сотни лет назад, величаво катила свои лазоревые воды. Щелкнул затвор фотоаппарата. Дальше!

— А вот и знаменитая река Керженец, — сказал водитель — небольшая река, а красота-то какая! И леса здесь так и называются — Керженские. Скоро в Боковое въедем, а там уж и к нам повернем. Владимирское недалеко, хотите, к сестре отвезу, она учительницей здесь в школе работает, муж в отъезде, так она лишь с сынишкой, Никиткой. Хороший мальчонка. Можете у нее остановиться, она и накормит.

Все складывалось как нельзя лучше. Хозяйка, Ольга Петровна, милостивая молодая женщина, улыбчивая, приветливая, сразу за стол усадила, а Никитка, ему лет 13-14, тут же вызвался дорогу к озеру показать.

— Дни долгие сейчас, — сказала Ольга Петровна, — до ночи успеете сходить к озеру, а спать здесь будете, у Никитки, — и она повела их в маленькую, чистую и светлую комнату, — тут одна кровать, я раскладушку еще поставлю.

— А Никитка?

— Так он на сеновале теперь спит.

— А нам, нам можно тоже на сеновале? — взмолился Олег. Ольга Петровна рассмеялась.

— Да уж, если хотите с Никиткой за компанию, пожалуйста. Не понравится, сюда придете.

— Пошли, пошли на озеро, — торопил мальчонка.

К озеру вела березовая аллея. Стройные, белые с черными вкраплениями стволы с обеих сторон ее, как торжественные колонны, уходили вдаль и, сливаясь вверху кронами, образовывали пышный бело-зеленый туннель. В начале аллеи — щит с текстом легенды о невидимом граде.

— Олег, — торопливо говорит Николай, — внимательно прочти!

— Прочел, а что?

— А то, что здесь получается, будто Китеж не опустился на дно озера, а просто невидимым стал, как будто перешел в другое измерение.

— Так ведь и говорят же — невидимый град, а не затонувший.

— Он и не затонул, вода его лишь скрыла. Как ты не понимаешь, здесь какая-то другая версия, — с волнением говорил Николай.

— А недалеко отсюда есть еще два озера, — вмешался Никитка, — так говорят, в них когда-то погрузились сто-

явшие на том месте храмы. Одно из них даже называется Святое.

— Нет! Это не то!

— Ты слишком проникся духом оперы, — возразил Олег, — но там ведь все придумано. Либреттист свободно обращался с легендами и сказаниями, не научный же трактат писал. Вот, оказывается, и еще озеро есть, в которое храм погрузился, как ты назвал его, Никитка, Святое? И Феврония вовсе не та: жила ведь она, по старинным преданиям, в Муроме, а не здесь, и замуж за Петра, а не за Всеволода вышла, а под конец жизни монашеский постриг приняла и к лику святых причислена...

Озеро открылось внезапно. Ярко-голубое, правильной овальной формы, оно лежало среди зеленых холмов и было подобно глазу земли, смотрящему в небо. Ребятам показалось, что какие-то невидимые воздушные волны покрыли их и погрузили в мир сакральности, старины, тайны.

От деревьев уже ложились длинные вечерние тени, но на берегу все еще небольшими группками сидели люди, кто-то плескался в воде, слышались детские голоса, где-то брэнчала гитара. Обыденность этой картины казалась здесь даже какой-то обидной. Они пошли вдоль берега и вскоре наткнулись на небольшую группу молодежи. Кто-то пел чуть приглушенным, но красивым голосом.

— Я знаю их, хорошо поют, и песню про Китеж знают, пойдем к ним, — и Никитка потянул своих новых друзей к ребятам, расположившимся на небольшой полянке. Все они имели весьма живописный вид: сильно загорелые, с длинными, спускающимися почти до пояса волосами, украшенные пестрыми, висящими на шее, подобно ожерелью, венками из лесных цветов. Никитка поприветствовал их.

— Вот ребята, они из Питера, песню про Китеж хотят послушать. Споете?

— Чего не спеть, можно.

Несколько ударов по струнам гитары, и черноволосый, с искрящимися глазами парень запел:

У каждого есть свой град Китеж,
Свой вечно взыскуемый свет,
Свой неповторимый град Китеж,
Которому равного нет.
И в вечном поиске этого места
Мы ходим туды и сюды,
К каким-то прозрачным высотам его
Устремляя все наши следы.
Не покидай мя в моем пути!
Мне одному страшно в пути.
В этом пути, как мне дойти,
Как мне найти мой город родной?

Остальные ребята подпевали.

— Сам сочинил? — спросил Олег, когда певец остановился.

— Ты что, куда мне?.. Это песня Псоя Короленко.

— Кто он?

— Не знаешь Псоя? Темнота! Кто сейчас его не знает!

— Я. Кто он, скажи, буду знать.

— Псой! Да его каждый сейчас знает. Песни классные сочиняет, поет, по разным городам ездит, даже заграничным. А вообще-то он филолог, журналист, педагог, я даже его лекции слушал, и исследователь творчества Короленко. О таком, может быть, слышали?

— Слышали, слышали, только что за странное имя у него?

— Так это — псевдоним. Однажды он сам так объяснил его: Короленко, говорит, насмеялся над тем, что принято было новорожденным давать имя того святого, в чей день

они родились. «А если бы я родился в день святого Псоя, что, так бы и нарекли меня?» — смеялся писатель. Вот певец и взял себе имя — Псой Короленко, а настоящее имя его — Павел Эдуардович Лион.

Стало быстро темнеть. Распрощались, поблагодарили за песню, направились к дому, а вслед им неслоь:

У каждого есть свой град Китеж,
Скрывается он где-то там.
Идите ж, идите ж, идите ж
К заветным его высотам.
Идите к прозрачному озеру,
Купайтесь в далекой воде,
Идите туда и взывайте всегда,
Лишь того, что никто и нигде...

Спать отправились на сеновал.

Спали ли вы когда-нибудь на сеновале, на мягкой, колючей перине из полевых трав, купались ли в их дурманящих ароматах, видели ли над собой звездное небо? Как это там поет Феврония: «Ночью звезды, как свечи, затеплятся...» «Грех спать в такую ночь, — думал Николай. — О, неведомая Феврония, твой дух витает, должно быть, где-то здесь. Явись, приснись мне!» Но спал он в ту ночь без сновидений.

С утра вновь отправились к озеру. На этот раз Никитка не пошел с ними: надо было помочь матери по хозяйству. Ребят, что пели вчера, тоже не было. На их месте расположились несколько длинноволосых, бородатых старцев.

— Уж не из Китежа ли вышли, — пошутил Олег.

— Да, да, — подхватил шутку Николай, — именно они-то и расплачивались в магазине старинными монетами. Помнишь, шофер, что вез нас сюда, рассказывал со слов одной

старушки, как зашел в лавку старец с длинными волосами, бородой, в старинной славянской одежде и за хлеб отдал монеты времен татаро-монгольского нашествия, и они как новенькие были.

— Да тут, я думаю, и не такое услышишь, чудные места.

Вдали, на холме, возвышалась старинная деревянная церковь. Стали медленно подниматься к ней, останавливались, любуясь открывающейся все шире панорамой. Мимо прошла небольшая группа туристов, донесся голос экскурсовода:

— Эта церковь, — объясняла она, — Казанской Божьей Матери, выстроена в XVIII веке. Многие русские художники бывали здесь, и места эти можно увидеть на картинах Васнецова, Нестерова, Рериха. Князь Георгий Всеволодович основал город Малый Китеж (сейчас на его месте Городец стоит), а затем на высоком берегу озера Светлояр и Большой Китеж построил. Прекрасный город, шесть церквей в нем было.

Голос слабел, доносясь уже издалека:

— В 1238 году, после разгрома Владимиро-Суздальского княжества, хан Батый разбил войско князя Георгия (Юрием его называли). Татаро-монголы сожгли Малый Китеж и двинулись на Большой... Голос совсем угас.

Невдалеке от церкви друзья увидели тропинку, сворачивающую влево.

— Пойдем по ней, — сказал Николай, — а к церкви потом вернемся, вон еще люди впереди идут.

Вскоре вышли на автомобильную дорогу, которая вела к лесу, далее — вновь по тропинке уже через лес. Так дошли до родника. Там было людно: пили воду, набирали в бутылки, омывали лица, переговаривались. Вскоре узнали: источник Кибелек называется, и вода в нем святая.

— Здесь споткнулся конь Георгия Всеволодовича, и забил источник, — объяснили им, — а теперь по этой тропинке идите, к могилам трех святых и выйдите. Там некогда несли дозор три богатыря. Они первыми врагов увидели, сразились с ними, пытаясь сдержать ханское войско, и погибли. Колодец там есть со святой водой и три креста в память о павших воинах.

— Удивительные места, — восторженно говорит Николай, — я перестаю ощущать время, как в какой-то иной мир попал. Так и кажется, встретим здесь людей в старинных одеждах, китежан и китежанок...

— И Февронию тоже, — смеясь, подхватывает Олег.

— Пойдем дальше в лес.

— Заблудиться не боишься?

— Так вон же ориентир есть — купол церкви, ото всюду будет виден. Так хочется побыть только наедине с природой.

Вскоре увидели полузаброшенную, уже поросшую травой тропинку. Шли по ней молча, как бы боясь вспугнуть тишину леса, нарушаемую лишь легким шорохом пробежавшей в траве невидимой лесной зверюшки, шелестом листвы, жужжанием насекомых, щебетом птиц. Тропинка вывела их на крохотную лужайку. Как будто на фоне зеленого ситца были разбросаны здесь в траве маленькие белые цветочки и голубые колокольчики, а в центре бил ключ, и тоненький ручеек стекал, прячась в траве.

— Вот тут и привал сделаем, святой водички поьем и пирогом, что Ольга Петровна дала, закусим, — сказал Олег.

Они разлеглись на траве, блаженно устремив взор к небу. Вот тут-то, среди тишины, они и услышали какие-то, показавшиеся поначалу странными, звуки. Прислушавшись, уловили: пела, вернее, напевала женщина. Слов не

разобрать, но мотив обеим друзьям показался знакомым. Кто-то приближался, заколыхались ветви кустов, из глубины их взметнула вверх испуганная птица, что-то мелькнуло, зашелестело. Ребята притихли и с любопытством ждали. Наконец ветви раздвинулись и на лужайку вышла девушка.

— А вот и Феврония, — прошептал, улыбаясь, Олег.

Увидав их, она в нерешительности остановилась и на фоне зелени казалась картиной, нарисованной искусным живописцем. Нельзя было не залюбоваться ею: длинные белокурые волосы прямыми прядями спадали на спину и грудь, на голову, подобно замысловатой шляпе кокетливой модницы, был надет огромный венок из лесных цветов и трав; длинная юбка и облегающая кофточка, когда-то, должно быть, ярких цветов, выгорели, полиняли и были какого-то неопределенного, дымчато-голубого цвета, блики от пробивающегося сквозь подвижную листву солнечного света, падая на нее и играя, придавали всей фигуре причудливую подвижность, прозрачность. На руке ее висел плетеный лукошек, наполненный лесными цветами и травами, а в ладонях она аккуратно и нежно держала маленькую серую пташку. Невысокая, худенькая, с тонкими чертами лица, большими, чуть на выкате, глазами, она казалась творением самой природы.

— Иди к нам, — прокричал Олег, — не бойся. Это ты пела?

— Я.

— Красивая песня, спой еще. Она запела:

Ах ты лес, мой лес, пустыня прекрасная,
Ты дубравушка, царство зеленое!..

Николай схватил друга за руку.

— Так это же из «Китежа», — тихо прошептал он. Она умолкла.

— Прекрасная песня, откуда ее знаешь?

Девушка пожалала плечами.

— Не знаю, сама откуда-то пришла.

— Значит, ты ее придумала? — не унимался Олег.

— Не знаю, наверное, — неуверенно сказала она.

— А зовут-то тебя как?

— Феврония, — с улыбкой сказала она.

— Что?! — Ребята даже подскочили от неожиданности.

— Какая Феврония? Откуда ты?

Ответила не сразу, задумалась.

— Они все Фросей меня зовут, но я-то знаю: Феврония я, китежанка.

— Ахматова тоже себя китежанкой называла, — прошептал Олег тихо на ухо другу.

— А живешь ты где? — Она вновь задумалась, в лице появилось какое-то напряжение, как будто она силилась что-то вспомнить, — наконец неуверенно произнесла:

— У бабки Насти, в селе, что вблизи Китежа.

— А песни еще знаешь?

— Знаю.

— Спой.

Она запела:

Разольются все лужья, болота,
Разоденутся кусты деревья...

— А эту песню где слыхала, кто научил?

— Не знаю, песни ко мне сами откуда-то приходят.

— Да подойди ближе, возьми, угощайся, — и Олег протянул ей кусок пирога. Она приблизилась, пташку одной рукой прижала к груди, другой взяла пирог, положила на

траву, зачерпнула ладонью воду из родника, поднесла к губам, стала есть пирог, запивая водой. Внезапно вскочила.

— Заболталась с вами, а мне идти надо, ждут они меня.

— Кто ждет?

— Да зверята. Лечить их надо. Вот и эта пташка поранена, и олень приболел что-то. Вот и несу им всяких лекарств и настоек.

— Ты только зверей лечишь?

— Да нет, людей тоже. Многие приходят, всем помочь надо. Прощайте, спасибо за угощение, — и она стремительно побежала и скрылась за деревьями.

— Ну вот, то ли коллективный бред у нас был, то ли и вправду в заповедный лес мы попали. Надо же, Февронию повстречали? Расскажешь кому — не поверят. То ли в лесу, то ли в опере были? Феврония арии из «Китежа» распевает, зверей лесных лечит, китежанкой себя называет. Княжича только тут и не хватало.

— А может быть, просто разыгрывала она нас, — отозвался Олег, — смеялась. Артистка какая-то, вот и вживается в роль.

— Ты что, лица, глаз ее не видел, — возмутился Николай, — такое сыграть нельзя. Сколько растерянности, напряжения было в них, когда не могла сразу на твои вопросы ответить. Нет, не разыгрывала, не смеялась.

— Значит, видение было, только пирог ела она настоящему.

— Да ну тебя. Как хочешь, а я видел Февронию.

— Дома Ольгу Петровну и Никитку спросим, что-нибудь да прояснится, — примирительно сказал Олег.

Ольги Петровны дома не оказалось, в гости отправилась, как сказал Никитка.

— Нам ужин оставила, я вас ждал, сейчас поедим и на сеновал.

Там-то они и приступили к расспросам мальчика.

— Ты когда-нибудь о Февронии слышал? — спросил Олег.

— Так ее тут все знают, блаженная она.

— Как это?

— А так. Как Петрушу убили, так она умом как бы тронулась.

— Какого Петрушу?

— Так мужа ее.

— Постой, Никитка, расскажи все по порядку, подробно.

— Ну вот, лесник у нас тут был, старый, как помер, так Петрушу, т. е. Петра Львовича, на его место прислали. Петруша молодой, хороший, веселый был, песни любил петь. Все наукой занимался, лес изучал, говорил — 2-3 года здесь проживу, глядишь, и диссертацию напишу. На другой год ее привез, жену, Фросю, Евфросинию, значит. А тут в лес браконьеры повадились, капканы ставят, зверье малое уничтожают. Вот Петруша им войну и объявил. Одного, когда поймал, в милицию свел. Так его сразу же и отпустили, откупился, гадина. Петруша не успокоился: война, так война. А потом его с пробитым черепом в лесу нашли. И камень окровавленный рядом. Она как узнала да мертвого его увидела, так без чувств и упала. Долго ее откачать не могли, потом в больницу забрали. А она вроде память потеряла. Родственники приезжали, домой хотели забрать, а она — ни за что. Говорит: увезете — убегу или под поезд брошусь. Так она у бабки Насти, где они жилье снимали, и осталась. Врачи советовали не трогать ее, возможно, со временем все и пройдет. Бабка одинокая, любит ее, жалеет, как родную. А она все говорит, что Петруша к ней в сторожку приходит, венчаться в Невидимый град зовет.

— А что за сторожка?

— Да та, в которой лесник старый жил, только совсем она разваливаться стала. Петруша ремонтировать ее на-

чал, все хотел, чтоб они с Фросей там среди леса жили, да не успел окончить. Так она туда ходит и все Петрушу ждет.

— Сторожка-то где?

— А как от трех крестов вправо взять, так и выйти к ней можно, с километр по лесу будет, там и тропинка есть.

— А Февронией чего себя называть стала?

— Да кто знает? Бабка Настя говорит: святая такая была, и мужа ее тоже Петром звали, даже есть день такой — святых Петра и Февронии. — Последние слова Никитка произнес уже засыпая. Но ребята, потрясенные всем услышанным, еще долго не могли уснуть.

— Знаешь, — говорил Николай, — мне кажется, природа способна мудро распорядиться: когда человек не в силах снести выпавшие на его долю испытания, она отключает его сознание, лишает памяти, блокируя, должно быть, какие-то участки мозга, и этим спасает, помогает снести страдание. Но почему Февронией себя видит, да еще оперной, какая здесь связь? Странно, загадочно.

— Странно и другое, — задумчиво, как бы рассуждая с самим собою, проговорил Олег, — совпадение имен. Смотри, та, древняя, муромская Феврония замужем была за Петром. Как мне помнится, оба они в старости приняли монашеский постриг, и в иночестве имя ее стало Евфросиния. А здесь мы встречаем Евфросинию, муж которой — Петр, а в беспомощности она воображает себя Февронией. Совпадение? Случайность? Тайственная связь времен, людей? Тайна!

— Ты ли это говоришь, Олег? — удивляется Николай, — даже твой рациональный ум, как видно, не очень выдерживает испытание заповедным лесом.

— Где-то читал, что в этих местах разлом земной коры. Отсюда и все эти загадки. Легенды с их чудесами, тайнами и быль — все сплелось... Впрочем, давай спать, меня уже уносит в другой мир.

Утром, за завтраком, расспрашивали хозяйку:

— А что, — Ольга Петровна, — Феврония и вправду врачевать умеет?

— Ходят к ней многие. Травы лесные целебные, все это знают, настойки готовят. Кому помогает, кому — нет. Но у нее, как случилось несчастье, как все запомнила, так дар особый и открылся. Настойки, отвары ее особую силу имеют, помогают, излечивают. Да и просто рукой по голове или другому больному месту поведет, погладит, и боль уходит. Люди идут к ней, врачевательницей зовут.

Это был последний день их пребывания у озера.

— Пойдем, обойдем и мы озеро, да не за себя, за Фросю-Февронию попросим, а потом сторожку поищем, авось придет туда, попрощаемся.

От крестов они повернули вправо, шли лесом недолго и вскоре действительно набрали на полуразвалившуюся сторожку. Соломенная крыша прохудилась, окна, где разбиты, заложены какими-то коробками, дверь камнем прижата, но в маленьком дворике чисто, покосившийся стол накрыт клеенкой, рядом — бревно вместо скамейки, на столе — пучки различных трав. Двор огорожен покосившимся забором из сухих прутьев. Друзья обошли это строение несколько раз, присели на бревно в тени от стоящего рядом дерева и даже, казалось, погрузились в легкую дрему.

Солнце было уже в зените, когда они услышали легкий треск сломанной ветки, и, отмахиваясь от назойливой осы, Феврония внезапно появилась перед ними.

— О, у меня гости, день добрый, — приветствовала она их.

— Не сердись, что без приглашения, долго шли, решили отдохнуть, думали, никто не живет здесь. Это твой дом?

— Наш с Петрушей.

— Посиди с нами. — Она села напротив, пододвинув лежавший невдалеке камень и положив руки на стол.

— И давно живешь здесь?

— Давно, еще когда... — Она не договорила.

Олег, когда еще шли сюда, вынашивал план, о котором не хотел говорить другу, все сомневался, но сейчас внезапно решился:

— Скажи, Феврония, ходишь ли ты в церковь Божию? — произнес он словами из «Китежа». Николай сжал его руку.

— Зачем ты, не надо, — с горечью в голосе прошептал он.

Она встрепелась, вздрогнула, как от холода, с нескрываемым испугом взглянула на Олега и внезапно быстро, как будто боялась, что ее прервут, заговорила:

— Нет, ходить далече, да и Бог везде. Днем и ночью у нас служба воскресная... — Запнулась. Внезапно слезы покатались из глаз и, захлебываясь, она продолжала прерывающимся голосом:

Ночью звезды, как свечи, затеплятся,
День и ночи у нас пенье умильное,
Птицы, звери, дыхание всякое...

Она не договорила. Голова ее упала на руки, и громкие несдерживаемые рыдания вырвались, казалось, из самой души.

— Дурак, что ты наделал, кто тянул тебя за язык! С ней истерика. Что теперь? — Николай гладил ее по голове, что-то шептал, стараясь успокоить. Рыдания прекратились так же внезапно, как и начались. Она подняла голову, отерла рукавом слезы, недоуменно рассматривала ребят, как будто видела их впервые.

— Я вспомнила, — тихо, как в бреду, произнесла она.

— Да, да, конечно, все хорошо, все хорошо будет, — уговаривал ее Николай. Но она вновь заговорила дрожащим, срывающимся голосом:

— Вода озера прикрыла, спрятала меня, как когда-то Китеж, а сейчас она схлынула... Я возвращаюсь из Невидимого града, я была там так долго... Как он прекрасен. Церкви, венчание, песнопения... Я возвращаюсь, возвращаюсь. Пелена падает все ниже... Сколько же столетий прошло, и все, как миг, — она закрыла лицо руками. — Не Феврония я, не китежанка. Я петербурженка, Евфросиния, Фрося... — Она сорвалась на крик: — Мне страшно! Я знала этот мир раньше, как же жить сейчас? Я хочу обратно в Китеж, Китеж... Ребята пели: «У каждого есть свой град Китеж...» Где же мой Китеж? Где?.. Вода, как много вокруг воды... Венчанье... Когда это было?..

Она стремительно поднялась, схватила Николая за руку, как утопающий хватается за брошенный ему кем-то спасательный круг. Слезы вновь хлынули из ее глаз. Николай обнял ее за плечи.

— Пойдем, мы отведем тебя домой. Ты помнишь куда идти?

Она кивнула, смиренно взяла его за руку, доверчиво посмотрела в глаза. Сквозь лес шли молча, не проронив ни единого слова. Во дворе их встретила бабка Настя. Фрося (будем теперь уже так называть ее) бросилась к ней, обняла, начала целовать.

— Я вспомнила, я все вспомнила, они помогли, — указала она на двух друзей.

— Вот и хорошо, милая, — ласково сказала старая женщина, — вот и хорошо. — Ребята смущенно стояли поодаль.

— Ну, мы пошли.

— Спасибо, родные, что привели ее.

— Мы уезжаем завтра, автобусом, в 10 утра в Петербург. Может, что надо, так вы скажите.

— Да, да, конечно, спасибо.

На следующее утро, придя к отходу автобуса минут за 15, они увидели поджидавшую их старушку. Она заулыбалась, помахала рукой, пошла навстречу. В руках она держала тщательно перевязанный, даже с ручками, пакет.

— Вот, — сказала она, указывая на пакет, — вы уж простите, побеспокоить вас решили, Фросенька очень просит. Тетка у нее в Питере ногу недавно сломала, оступилась, перелом тяжелый, мучается болями. Так это для ее лечения травы и фросечкины настойки. Уж не откажите передать.

— Конечно, конечно, с радостью. Как она, Фрося?

— Память к ней, видать, возвращается. Ночью маялась, сейчас успокоилась, уснула. А вот здесь адрес и номер телефона родных ее, — и старушка протянула им листок, на котором неровным, почти детским почерком был записан адрес.

— Так это же совсем недалеко от меня, сразу же и отнесу, не беспокойтесь.

— Вот и спасибо, счастливой вам дороги, — и старушка, наклонив их головы, т. к. была гораздо ниже, поцеловала в лоб каждого и перекрестила. Подхватив пакет, они вскочили в автобус.

3

Небо было плотно затянуто тучами, моросил мелкий дождь и ветер дул как-то по-осеннему, когда Николай подошел к дому, указанному в адресе. «Как в тот день, когда все закончилось ливнем, а потом были и «Мариинка», и Светлояр, и Феврония», — подумал он. Вчера, вернувшись домой, он сразу же созвонился с родственниками Фроси и договорился о встрече и сейчас шел к ним, чтобы отдать пакет. Он был один, т. к. Олег сразу же уехал в какую-то экспедицию.

Николай поднялся по широкой, с пологими мраморными ступенями лестнице, какие встречаются еще в некоторых старых петербургских домах, остановился у массивной двери, нажал на кнопку звонка. Дверь вскоре распахнулась, и Николай невольно вскрикнул от удивления:

— Вы?

Девушка, стоявшая по другую сторону двери, издала почти такой же звук. Оба громко рассмеялись. Да, это была она, та, которой он, в такой же дождливый день, как сегодня, отдал свой зонтик, получив взамен от ее подруги контрамарку. Николай растерянно смотрел на нее.

— Что же вы стоите, входите. А вы оказались предсказательницей: новая неожиданная встреча вот и произошла, от судьбы, действительно, не убежишь.

— Пойдемте же к маме, она ждет вас.

— Так, может быть, хоть познакомимся, я даже имени вашего не знаю.

— Ольга.

Он назвал себя. Они вошли в просторную, светлую комнату. На широкой тахте, чуть прикрыв ноги шалью, полулежала немолодая, но еще достаточно красивая женщина. Она приветливо улыбнулась, протянула Николаю руку.

— Наталья Николаевна.

— Мама, так ведь это он тогда, когда ливень был, свой зонтик нам отдал. Бывают же такие совпадения!

— Никаких совпадений, — возразил Николай, — ведь мы с другом и отправились на Светлояр только потому, что «Китеж» в «Мариинке» увидели, услышали.

— Вот как, спасибо, что выручили девчонок. А теперь рассказывайте все, да поподробнее.

— Нет, подождите, — Ольга засуетилась, — сейчас стол накрою, чай с пирогом пить будем. — Она подвинула к тахте небольшой овальный столик, стала расставлять чашки.

Сидели долго, и Николай рассказывал о поездке к озеру Светлояр, о встрече с Фросей и о том преображении, которое произошло с ней прямо на их глазах в день накануне их отъезда. По щекам Натальи Николаевны лились слезы, она взяла Николая за руку, крепко сжала ее.

— Вы еще не знаете всего, да и там, во Владимирском, тоже никто ничего не знал. Петруша удивительный, добрый был, жалел ее, а уж как любил. Он просил всех, чтоб ни о чем ее не спрашивали, боялся, чтоб лишний раз не вспомнила о страшной трагедии, сломившей тогда ее юную, не окрепшую еще душу.

В тот день Николай и узнал эту грустную историю. Матери Ольги и Фроси были сестрами-близнецами. Жили дружно, горячо любили друг друга, все у них вместе было: и учились в одном классе, и замуж вышли почти одновременно, и дочек родили (Ольга всего на три месяца старше Фроси). Девочки тоже росли, учились вместе, оба голосистые были, поначалу в детском хоре пели, музыке учились, в консерваторию поступать решили. У Фроси голос красивый, сильный, ее на вокальный взяли, а Ольга на хормейстерском учиться стала. Еще студенткой прошла по конкурсу в хор Мариинского театра. А Фрося в тот же год влюбилась, с Петрушей они случайно познакомились во время поездки по Ладожскому озеру. Он из Нижнего Новгорода был, все лесом занимался, диссертацию писал. Начались письма, телефонные звонки, поездки. Все решали, как лес с вокалом совместить. В то лето он в какую-то экспедицию отправился, а Фрося с родителями в Крым на машине поехала. Отец ее недавно премию получил, машину купили. Потом Фрося намерена была к Петруше в лес ехать. Но не случилось. Возвращаясь из Крыма, попали они в страшную автомобильную аварию. Одна Фрося и выжила. Лишь сотрясение мозга да сильные ушибы были. Как пережить

такое! Она долго в больнице лежала. Петр мотался между Нижним и Питером, потом отпуск взял, чтобы все время возле нее быть. Но, когда поправляться стала, оказалось, что от сильного стресса и травм ее великолепный голос утратил свою красоту и силу. Консерваторию пришлось на время (на время ли?) оставить. Петруша уговорил ее оформить брак, свадьбы, конечно, никакой не было, и увез в лес. В последний год учебы разнесся слух, что в Мариинке «Китеж» собираются ставить. Педагог ее посоветовал партию Февронии начать учить, чтоб потом в театр показаться, считал, что партия эта на ее голос хорошо ложится. Фрося увлеклась, вживалась в образ, много читала. И вот теперь, волею судьбы, она оказалась в тех местах, где и разворачивалось оперное действие. Да, именно действие, иначе и не назовешь то, что было создано Римским-Корсаковым. Она была очарована лесом, озером, их таинственной красотой, всеми этими былями и небылицами, которые слагались и продолжают слагаться до сих пор. Она подолгу бродила по лесу, сживалась с ним, собирала ворожбиные травы, делала настойки. Когда браконьеры повадились, Петруша на рассвете, а то и ночью ходил в лес, освобождал из капканов попавших туда животных, а Фрося своими настойками лечила их пораненные лапки или крылышки. Она научилась разговаривать с ними, любила их, и они, казалось, отвечали ей тем же. Она жила, как жила когда-то Феврония, окруженная красотами природы, любовью и даря свою любовь окружающему миру. А потом случилось то, о чем Николай уже знал...

Сердце Николая во время этого рассказа сжималось в какой-то трепещущий комочек. Сострадание — он только слышал об этом чувстве, но сейчас, во всей полноте, испытал его впервые. «Великомученица Евфросиния», — мысленно произносил он.

Ольга пошла проводить его до остановки троллейбуса, но они еще долго ходили по улице, провожая друг друга и говоря о несчастной девушке.

— Вы разрешите звонить вам, судьба Фроси стала мне небезразличной.

— Конечно.

Вскоре Ольга с отцом привезли Фросю домой. Она медленно, постепенно приходила в себя, но вернувшаяся память не приносила облегчения. «Лучше бы я не возвращалась из Невидимого града, оставалась Февронией», — нередко говорила она. Надежда была лишь на время, только оно способно помочь, считали многие. Но Ольга знала: только вернувшийся голос и пение способны будут излечить ее.

Прошел почти год, наступила новая весна.

— Я хочу в лес, туда, к озеру, к священным местам. Я должна побывать там, пойти на могилу, напиться священной воды, посидеть в сторожке, — говорила она.

Как только Ольга смогла освободиться на неделю, поехали к Светлояру. Они окунулись в атмосферу этих священных мест, не будучи особо богомольными, проникновенно молились в церкви, пили святую воду, омывались ею, трижды обошли, как то предписывала традиция, вокруг озера и молили святую Февронию о помощи. Они вернулись обновленными. К Фросе стал возвращаться ее прежний голос, и с осени она уже смогла продолжить занятия в консерватории. А зимой уже пела в концерте, и Николай преподнес ей в эти морозные дни букет из живых цветов, которые были так похожи на лесные.

Все это время они с Ольгой перезванивались, часто виделись, он постоянно бывал на спектаклях с ее участием, провожал домой... Но это была уже совсем другая история.

Светлана Мальш,
Одесса, Украина

Комментарий

Опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» была создана за период 1904-1905 годов и поставлена впервые в Петербурге на сцене Мариинского театра 20 февраля 1907 года (дирижер Ф.М. Блуменфельд, художники К.А. Коровин, А.М. Васнецов). Постановка, о которой идет речь в рассказе, была осуществлена на сцене Мариинского театра в Петербурге в 2001 году (реж. Д. Черняков, дир. В. Гергиев).

Либретто оперы было создано В.И. Бельским, соединившим в нем две различные легенды: о святой Февронии Муромской и о граде Китеже. Им были широко использованы различные литературные источники, такие как «Керженский летописец», «Повесть о Февронии Муромской», «Повесть о Горе-Злосчасти», летописи, повествования о татарском нашествии, исторические, лирические, обрядовые песни, духовные стихи и др.

«Повесть о Петре и Февронии» была записана в XVI веке. В ней рассказывается о том, как Петр — второй сын муромского князя Юрия Владимировича — убил огненного змея, испачкался его кровью и заболел проказой. Никто не мог излечить его, и только простая девушка, Феврония, сестра древолаза, слывшая искусной врачевательницей, исцелила его. Он женился на ней, но когда пришла пора ему княжить, бояре возроптали, не пожелав, чтобы княгиней была простолюдинка, и требовали ее изгнания. Тогда Петр вместе с Февронией покинул город, отплыв по Оке. Вскоре в городе начались смута, раздоры, несчастья, и жители отправили к князю гонца с просьбой прибыть обратно. Князь с женой вернулся, и Феврония вскоре своим умом, добротой, врачеванием заслужила любовь и признательность горожан. К концу жизни оба приняли

монашеский постриг. В России Петра и Февронию почитают как покровителей семьи и брака. Они были канонизированы на церковном соборе в 1547 году. Днем памяти их является 25 июня (8 июля н. с.)

Историческая быль о татаро-монгольском нашествии на Русь в XIII веке (поход хана Батые в 1237-1238 годах) обросла многочисленными сказаниями и легендами, центральное место среди которых занимает «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже». По ней князь Юрий Всеволодович основал Малый Китеж, а затем, пленившись красотой находившегося невдалеке озера Светлояр, на его высоком берегу построил Большой Китеж — город богатый и красивый. Татары, завоевав и разграбив Малый Китеж, ринулись к Большому Китежу. Малочисленное войско китежан не могло справиться с полчищами татар, и жители обратили свои молитвы к Богу. Когда татары подошли к городу, из-под земли в виде фонтанов хлынули потоки воды и стали затапливать его. На месте, где стоял Китеж, была теперь только вода, и татары в страхе бежали. Но город не погиб, он стал невидим и тем спасен, а люди в нем жили прекрасно и счастливо. Однако путь к городу мог найти лишь тот, кто чист сердцем и душою. Существуют и другие варианты легенды: Китеж ушел под землю, был закрыт горами, стал просто невидим, как бы перешел в другое измерение. Название Китеж (варианты: Кидаш, Покидаш, Кидакша) означало: покинутый, утраченный, но всегда Богоспасаемый. Места эти стали восприниматься как священные, и на протяжении многих веков шли и поныне идут сюда паломники. Среди них было немало писателей: А. Мельников-Печерский, Дм. Мережковский, З. Гиппиус, М. Горький, Вл. Короленко, М. Пришвин, Н. Клюев, художники В. Васнецов, П. Нестеров, Н. Рерих — и многие, мно-

гие другие. И все они откликнулись в своем творчестве на несказанную красоту, сакральность, таинственность этих мест. Вот лишь слова Вл. Короленко: «...над Светлояром стоят два мира: один настоящий, но невидимый, другой видимый, но не настоящий. И сплетаются друг с другом, покрывают и проникают друг в друга. Настоящий, призрачный мир устойчивее истинного».

Место это намолено веками: в древние времена, еще до града Китежа, было в этих местах языческое капище, где поклонялись богу солнца — Яриле. Отсюда и название озера — Светлояр. От языческой старины сохранился купальский обычай собирать целебные травы на берегу озера, жечь костры, обходить, веря в его целебную силу, оставлять в дуплах деревьев, расщелинах, ямках под корнями деревьев милостыню в виде свечей, хлеба, крашенных яиц, холста, пускать на воду кору или кусочек дерева с прикрепленными к ним зажженными свечами, чтобы плыли они к образам невидимых храмов.

Пик паломничества к озеру Светлояр приходится на канун Иванова дня (7 июля). В наше время православные моления нередко соединяются здесь с языческими обрядами и обычаями, получившими новое осмысление, слагаются свои молитвы: «Ой, березка, матушка! На церковной главе выросла. Помилуй нас!» (записал молитву Вл. Короленко).

Так был ли в действительности град Китеж? Не одна исследовательская экспедиция пыталась ответить на этот вопрос. Наиболее масштабная из них была организована редакцией «Литературной газеты» в 1968 году. Тогда впервые детально обследовали озеро, пытались достичь дна. Однако, как говорят, вопросов осталось больше, чем ответов. Дно озера покрыто десятиметровым слоем ила, а глубина до илистого дна — 30 метров. Леген-

ды говорят даже о «бездонности» озера, которое в глубинах своих соединяется с Байкалом. Ученые считают, что в этих местах проходит разлом земной коры, а озеро — карстового происхождения. Но существует и гипотеза об образовании его от падения метеорита или даже НЛО, чему свидетельством слишком правильная овальная его форма. Паломничество к озеру продолжается.

ОЗЕРО СВЕТЛОЯР

Над озером Светлояр
Клубится туманный пар,
И гребни седой волны,
Как поле битвы.

А если же ночь светла,
То слышно колокола
И льются из глубины
Слова молитвы.

Взглянуть бы на Китеж-град,
Да нет уж пути назад,
Что скрылось в глуби веков,
То не вернется.

Лишь в шорохе камышей
Доносятся до ушей
Потоки чуть слышных слов
О ярком солнце.

Вероника Шихова

г. Железнодорожный, Московская область, Россия

* * *

Вера, крест и молитва —
Светлый источник сил.
Труд на земле да битва —
Вот житие Руси.

Песен, былин достоин,
Славен из рода в род
Пахарь, монах и воин —
Русской земли оплот.

В сердце не знают страха,
Духом всегда сильны
Воин, монах и пахарь —
Богатыри страны.

Верю: моя Россия
Будет стоять в веках
Твердо, покуда в силе
Воин, пахарь, монах.

Татьяна Егорова
Петербург, Россия

ТРОИЦКИЙ ДНЕВНИК

Путевые заметки

Троицкая трава

Странно, но и из центра города довольно быстро выбрались, а по Ярославскому шоссе и вообще помчались с ветерком.

Жаль только, что щиток с приборами в машине у отца Андрея прикрыт сухой травой и не видно, что там спидометр показывает.

— А что это за трава?

— На Троицу в церкви с пола собрал...

— Так ведь приборов не видно... Скорость не узнать...

— А я и не смотрю на спидометр... Чего смотреть, если все равно приедем как Бог даст!

Нам Бог дал быстро добраться.

Минут через сорок были уже у поворота на Хотьково.

Здесь, не доезжая до поворота на Сергиев Посад, свернули с трассы...

У родителей Преподобного

Существует такой обычай у паломников — прежде чем ехать в лавру, надо побывать в Хотьково, где в Покровском

женском монастыре покоятся мощи преподобных Кирилла и Марии — родителей Сергия Радонежского. Кстати сказать, и сам Преподобный тоже принял монашеский постриг в этом монастыре, вставшем на берегу речки Воря.

Когда мы с женой первый раз поехали в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, я ничего не знал об этом обычае паломников. Просто, вспоминая, как добирались до Загорска в студенческие годы, ошибся и мы вышли на станции Хотьково. Пока я сообразил, что мы не доехали до лавры, электричка уже ушла, а следующая должна была пройти через полтора часа.

— А здесь куда все идут? — спросила жена, кивая на женщин в платочках, что двигались по дороге.

— В монастырь! — ответили ей. — Сегодня же навечерие Покровов...

Так мы и попали в Покровский монастырь и, сами того не зная, исполнили обычай паломников — поклонились мощам родителей Преподобного Сергия. Вот и сейчас отец Андрей по дороге в лавру завез нас в Покровский женский Хотьков монастырь.

Время уже приближалось к полуночи, монастырь стоял освещенный лишь редкими огоньками, и так дивно хорошо было в этой сокровенной тишине, что перехватывало дыхание.

Практически обитель восстановлена в том виде, какой и была она, пока не разместились в монастыре детская колония и агрономический факультет Института красной профессуры. И это восстановление коснулось не только архитектуры, но и сущностной составляющей. Покровский монастырь содержит сейчас, как и в прежние времена, детский приют...

Отец Андрей рассказал, что девочки, которые воспитываются здесь, после Литургии крестным ходом шли

вокруг монастыря и кропили путь святой водою — возводя духовные стены, без которых и не было бы молитвы тут...

Пока шли по монастырю к Покровскому собору, глаза привыкли к темноте и видно стало, какие перемены произошли в монастыре за последние годы, — рядом с Покровским храмом выросла громада Никольского собора. Разрослись, загустели монастырские сады, наполнились соловьиными голосами.

Покровский собор был, конечно, закрыт в этот поздний час, но отец Андрей поговорил со сторожем, и тот открыл храм. В пустом, освещенном лишь огнем лампад и нескольких свечей соборе и помолились мы у гробницы родителей Сергия Радонежского — преподобных Кирилла и Марии.

Первоузел

И так было легко, стоя возле гробницы преподобных Кирилла и Марии, перенестись в то время, когда сыновья их Стефан и Варфоломей решили уйти «пустынничеством» в лес, подальше от селений и дорог.

Вот здесь, в десяти километрах к северу от Радонежа и Хотькова, на лесном холме Маковец и поставили братья келью и «церквицу малу», посвятив ее Святой Троице...

Стефан, как известно, через несколько лет покинул пустынножительство, а Варфоломей, превратившийся в Преподобного Сергия, так и остался на Маковецком холме.

Житие его утверждает, что еще во чреве матери он во время Божественной литургии троекратно приветствовал криком Пресвятую Троицу, а теперь пришла пора собирать в свою пустынь иноков, призывая к единству земли Русской во имя высшей реальности.

Долгое время в пустыни было двенадцать человек, и число это не изменялось. Если кого-либо постигала кончина, тотчас же появлялся новый ученик. Было сделано двенадцать келий, их обнесли забором, и так и возник монастырь, получивший название Троице-Сергиевой лавры.

«Смертоносной раздельности противостоит живоначальное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им можно сказать открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви, — отмечает священник Павел Флоренский. — Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни».

Павел Флоренский говорил еще, что «вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первозуду: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному. В лице его русский народ осознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, осознав себя, получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновленное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси как народа исторического»...

Власть Преподобного

Великие чудеса совершал Преподобный Сергей в своей обители. По молитвам его исцелялись больные, и известен даже случай, когда Сергей воскресил мертвого мальчика...

Слава о Преподобном разнеслась далеко окрест, но по-прежнему он держался, как самый смиренный инок. Некоторые паломники, издавек приехавшие в монастырь, чтобы увидеть чудотворца, не верили, что этот работающий наравне с другой братией инок и есть прославленный Сергей Радонежский.

«Если б его увидеть... — писал о нем писатель Борис Зайцев. — Думается, он ничем бы сразу не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника великорусского. Такой он даже на иконе — через всю ея условность — образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и не сравнимое ни с чем благоухание России. Все — возведенное к предельной легкости, чистоте».

Эту схожесть с русским пейзажем русской души Преподобного Сергея замечательно удалось выразить в своих пронзительных картинах М.В. Нестерову. Может, именно поэтому Сергей Радонежский не имел никаких внешних знаков власти... Более того — избегал их... Когда Святитель Алексей предложил ему принять после себя митру, Преподобный Сергей решительно отказался.

Другая власть была дарована ему.

Духовный центр России

Отец Павел Флоренский говорил о жизненном единстве лавры как конспекте бытия нашей Родины. Это особенно остро чувствуешь на монастырской площади у соборов. Долгие столетия сходились здесь храмы, чтобы образовать ее.

А в середине шестнадцатого века, почти накануне великих испытаний, когда были сооружены мощные камен-

ные стены, превратившие монастырь в неприступную крепость, северные и восточные кельи отодвинулись к ним и площадь явилась воистину как осуществление или явление русской идеи.

И стоя тут, понимаешь правоту слов отца Павла Флоренского, говорившего, что «только тут, у ноуменального центра России, живешь в столице русской культуры, тогда как все остальное — ее провинция и окраины».

Божие время

На памятном обелиске, установленном уже после кончины императрицы Елизаветы в 1792 году, по распоряжению митрополита Платона (Левшина) помещены не только овалы с текстами, рассказывающими о важнейших событиях в истории монастыря, но еще и солнечные часы.

Правда, показывают они в этот момент два часа, а у нас и на часах и на телефонах — уже три часа. Но у нас «летнее» время, введенное нашими правителями, а на монастырских часах — Божие.

Солнце-то ведь никто не сдвигал за эти двести лет...

Троицкая дружина

В молитвах и великих трудах на благо Святой Руси достиг Сергей Радонежский глубокой старости и 25 сентября 1392 года отошел ко Господу, а через 30 лет, когда был открыт его гроб, оказалось, что не только мощей, но и одежды Преподобного не коснулось тление.

Тогда и был воздвигнут Троицкий собор над гробом святого. Для украшения нового храма пригласили иконо-

писцев Даниила Черного и Андрея Рублева, который и написал для иконостаса собора свою знаменитую «Святую Троицу».

И это появление гениального русского иконописца святого Андрея Рублева рядом с Преподобным Сергием так же не случайно, как и соседство святого князя Дмитрия Донского. Они неотделимы друг от друга, это одна Троицкая дружина.

— Есть, есть у нас и среди живых иноков настоящая Троицкая дружина... — таинственно поведал нам иеромонах, проводивший нас в Серапионовскую палату.

— А кто это, знаете? — спросил я.

— Это те, кто уже там, но кого Бог пока держит здесь, чтобы укреплять нас.

Картины

Здесь, в Троице-Сергиевой лавре, меняются не только люди, но и живопись. Картины известных художников кажутся здесь совершенно не известными, совершенно новыми...

Вот картина «Исцеление слепого», написанная В. Суриковым в 1888 году... Слепой — сам Суриков. За левым плечом Христа умершая жена художника. Картина эта о прозрении, прозрении не только евангелического персонажа, но и самого художника... О его духовном прозрении...

А вот картина художника Александра Никаноровича Новоскольцева. «Последние минуты Филиппа Кольчева». Молится исхудавший в заточении исповедник Правды, а рядом притаился, как медведь в темноте, его будущий убийца. И кажется, что это темнота вместе с ним и наползает на Святителя.

А вот картина Михаила Нестерова «Всадники. Эпизод из истории осады Троице-Сергиевой лавры в XVII веке». Небесные всадники скачут по небу, и словно бы звучит величественно «Боже, царя храни» — гимн, который сочинят столетия спустя, но который именно тогда, одолевая Смуту, и начинала различать Русская держава...

Мемориальная келья

Мемориальная келья, в которой жил Алексей I, когда учился в Академии.

Портрет. На нем студент Сергей (это в постриге он станет Алексием) Симанский сидит у окна своей кельи. Занавеска отдернута и за окном тот же вид, что и в окне мемориальной кельи.

Ящик с наградами Патриарха... Среди бесчисленных звезд и крестов иностранных государств выделяется скромная медаль «За оборону Ленинграда», еще тут четыре ордена Трудового Красного Знамени. Рядом с наградами, может быть, самая главная — осколки снаряда, влетевшего в его рабочий кабинет в блокадном Ленинграде и по Божией воле не нанесшего вреда будущему Патриарху...

А вот письменный стол, принадлежавший уже Патриарху Алексию. На столе перекидной календарь, он открыт на 17 апреля 1970 года. Еще на столе незаконченное письмо с пасхальным поздравлением пастве... Поздравление не дописано...

17 апреля 1970 года Святейший Патриарх завершил свой земной путь.

Братский молебен

Свято-Троицкая Сергиева лавра... Церкви с золотыми и ярко-синими, усеянными звездами куполами, монастырские крепостные стены, сама брусчатка, положенная поверх бесчисленных захоронений, — все это летопись русской истории. С каждым камнем связана здесь своя история, которая неразрывно сплетается с историей нашего Отечества.

Но, странно, история эта не давит. Особенно остро ощущаешь это утром, когда в пять часов утра идешь по монастырю, еще не захватанному глазами экскурсантов, на братский молебен...

Первые лучи солнца разливаются по золотым маковкам соборов, и деревья стоят так же, как стояли, когда сюда пришел Преподобный Сергей, когда кругом выли волки, а к самой келье Преподобного подходили медведи, «не то в нощи, но и в дни». И никого нет вокруг, только у Троицкого собора уже собралась кучка паломников, дожидаясь начала молебна.

А служат братский молебен у открытых мощей Сергия Радонежского. И начинается этот молебен сосредоточенной молитвенной тишиной, в которой особенно явственно ощущается присутствие Преподобного...

И приобрел монастырь свой нынешний облик в те времена, когда пространство икон легко смыкалось с пространством обыденной жизни.

Монастырская полнота

Павел Флоренский говорил, что только в Троице-Сергиевой лавре «грудь имеет полное духовное дыхание, а желудок чувствует удовлетворенность правильно-сораз-

меренным и доброкачественным культурным питанием. Отходя от этой точки равновесия русской жизни, от этой точки взаимоопоры различных сил русской жизни, начинаешь терять равновесие»...

И действительно, дни и часы, проведенные в лавре, запоминаются не только церковными службами и разговорами, но всем монастырским пространством, с какой-то поразительной полнотою и теплотой.

Скит Преподобного Сергия... Церквушка деревянная...

Сегодня небо ликует. Как легкое дыхание, облачко над куполом... Завтра день Иоанна Предтечи...

Свет лампочек у башен... Запах скошенной травы у стены... Мягко пружинил под рукою мох на стене...

И действительно, когда первые лучи солнца освещают фрески Успенского собора, не скажешь, что это фрески.

Это сами Божии Угодники смотрят на нас...

Хлебное послушание

У отца Андрея сейчас в лавре — хлебное послушание.

Сегодня сидели у него в пекарне, и он рассказывал, что хлеб нельзя готовить машинами, хлеб обязательно должен быть человеческими руками сделан.

— А где вы, отец Андрей, хлеб научились печь? — спросила моя жена.

— Мы крещены, — говорил дед, — и не татары! Значит, и жить должны, как русские. — У деда... — ответил отец Андрей. — Дед у меня с молитвой сеял, с молитвой собирал хлеб... А как он резал испеченный хлеб, наделяя свои чада кусками хлеба! Он словно часть себя отдавал им, часть своей силы...

Он так и жил, от него тепло шло, и все это чувствовали.

И не только дети, но и собаки к деду жались, кот тут же в стружках у него в мастерской целыми днями валялся.

Дед, бывает, забудется, наступит на него.

— В-р-р-рау! — скажет кот, но не уходит никуда.

А дед только вздохнет:

— Я же говорил тебе, Васька, чтобы ты ко мне босиком не ходил!

Фотограф Пришвин

А возле Успенского собора — стенд... На нем фотографии, посвященные советской истории лавры. Есть тут и снимки, сделанные Михаилом Пришвиным, запечатлевшим, как сбрасывали лаврские колокола.

Особенно поразила меня фотография мужчины, занесшего молот над Святителями, смотрящими на него с барельефов на колоколе. Лицо мужчины взято в кадр крупно, но, сколько ни вглядываешься в него, не понять, из какого народа явился этот человек. Все черты лица искажены в каком-то нечеловеческом напряжении, а больше ничего нет, все остальное выжжено злобной энергией нетерпения!

И понимаешь, что бессмыслен тут и сам разговор о национальности. Пришвину удалось запечатлеть на фотоснимке самого беса разрушения.

Михаил Пришвин не был профессиональным фотографом, но, право же, без этих фотографических работ творческий портрет писателя был бы неполным.

Скит

Ездили в скит Варнавы Гефсиманского. Молитвенная тишина в подземном храме. В верхнем храме надвратная икона Божией Матери Черниговской с тремя пулевыми отверстиями. Одно — самое большое! — в лике Богородицы. Говорят, что солдаты, которых привели сюда чекисты в кожанках, перепились, начали стрелять по иконам и многих своих перестреляли тогда в храме.

Троицкое елеопомазание

На Всенощной, когда началось елеопомазание, я оказался почти за спиной епископа и хорошо видел лица монахов, один за другим подходивших для елеопомазывания. Поражало обилие таких характерных, непохожих друг на друга русских лиц.

Когда я рассказал о своих впечатлениях, восхитившись такой прекрасной и разнообразной рускостью, мне возразили, что в монастыре есть люди и других национальностей.

— Да? — искренне удивился я. — А мне показалось, что это одни русские.

— Так это Преподобный Сергей всех православными сделал, вот они и выглядят русскими... — простодушно объяснила жена.

Радонеж

Когда Сергия Радонежского звали еще Варфоломеем, его отец перебрался в Радонеж, расположенный на Переяслав-

ской дороге. Сейчас здесь стоит Памятный знак (скульптор В.М. Клыков и архитектор Р.И. Семержиев). Из трехметровой скульптуры старца проступает рельефное изображение мальчика с образом Троицы. Может, здесь, на взгорке, и стоял Варфоломей, собравшийся в свой великий иноческий путь.

И так получилось, что разрасталась своей духовной мощью Троицкая пустынь на Маковецком холме, а рядом рос и укреплялся Радонеж. В начале пятнадцатого века он был уже столицей удела князя Андрея Владимировича Радонежского...

Между прочим, Радонеж — родина еще одного святого — святителя казанского Гурия, родившегося в семье бедных дворян Руготиных, в Радонеже. Обретал мощи Святителя Гурия будущий Патриарх Гермоген.

«Видехом диво, его же не надеяхомся, — писал он тогда. — Рака бо святого бе полна благоуханна мира, как чистой воды, мощи же святого Гурия вверху мира, яко губа ношахуся. Нетлением бо одари Бог честное и многотрудное его тело, яко и ныне зрится всеми. Токмо мало верхняя губы тление коснуся, прочие же его уды целы быша, ничем же невредимы. Осязахом же и погребальные ризы его и бяху крепки зело».

И было это в 1595 году, как раз накануне великих испытаний, обрушившихся на Святую Русь. Это тогда, в годы Смуты, во время похода Сапеги на Троице-Сергиев монастырь, и был razорен Радонеж. Монастырь, несмотря на двухлетнюю осаду, полякам взять не удалось, но село, давшее Руси двух великих святых, они сожгли дотла.

Расстрелянный образ Николая Угодника

В Троицком соборе до сих пор сохранились иконы Архангела Михаила и Николая Чудотворца, прострелен-

ные польскими ядрами при осаде монастыря четыреста лет назад.

— Да-да... — подтвердила словоохотливая женщина, стоявшая рядом с нами. — Это поляки прогневались на Николу-Чудотворца, что он мор среди защитников монастыря прекратил, вот и расстреляли его из орудий...

— У Авраамия Палицына другая последовательность этих событий... — возразил я. — Вначале ядро попало в образ Николая-Чудотворца, а потом уже помощь была, когда мор начался среди защитников...

— Не знаю... — сказала женщина. — Чего же поляки совсем дикие, чтобы из пушек просто так по иконам палить...

— Может быть, случайно ядро в икону попало? — предположил я.

— А разве такое случайно бывает? — спросила женщина. На это мне возразить было нечего.

Братская могила

Но снова просиял Городок (так тогда назывался Радонеж) уже в годы жестоких гонений на Русскую Православную церковь...

Рассказывают, что здесь было расстреляно несколько прихожан и священников здешней Преображенской церкви. Их похоронили прямо на валу бывшего городища.

Потом к этой могиле начали подхоранивать, и так и возникло на территории бывшего детинца новое кладбище.

И такая благодать тут, что совсем не страшно умереть... Дивные закаты пылают над братской могилой, и всегда поют тут в зарослях на реке Паже радонежские соловьи...

— Да уж... — вздохнул отец Андрей. — Других тут не бывает...

Лаврские рассказы

И еще один рассказ, который я услышал в лавре...

— Война меня курсантом офицерского училища застала, — рассказывал пожилой иеромонах. — И вот тут письмо от матери приходит — отец умирает...

Я сходил, конечно, к командиру, показал письмо, только кто же меня отпустит, если война идет... А самовольно поехать, стать дезертиром — такое и в голову не приходит, какая от этого помощь отцу будет?

Вышел от командира, сел на бревнышке, горюю, и вдруг откуда-то в голове мысль про Успенский пост возникла... Я крещеный был, но в церковь, конечно, не ходил, про посты только от бабушки слышал! И вот я начал вспоминать и как-то вдруг сообразил, что сейчас, действительно, Успенский пост идет. Ну, коли так, то я решил его соблюдать, как бабушка говорила. Может, это поможет?

Вечером за ужином колбасу давали. Я свою колбасу соседу отдал, хоть и очень хотелось самому съесть ее. За обедом сало из борща другому соседу отдал. Несколько дней так делал, а сил не убывает. И даже голод я перестал ощущать. И тогда-то я и понял, что это Богородица меня надоумила.

Так и август прошел, кончился пост, а я все равно держать пост продолжаю. И вот недели через три приходит новое письмо от матери. Полдня его в кармане носил, боялся читать, а в письме, оказывается, мать написала, что отец — в больнице все подивились этому! — выздоровел, уже на ноги встал...

Порадовался я тогда, а через неделю присвоили нам досрочно лейтенантские звания и отправили на фронт. Так и попал я на войну. Можно сказать, что с Успенского поста и началась она для меня...

Колокольный момент

Считается, что колокольный звон изгоняет нечистых духов.

Раньше у Свято-Троицкой Сергиевой лавры была своя литейка, и колокола здесь отливали не только для лавры, но и для всей России. Теперь литейки нет, колокола приходится заказывать в других городах и — увы! Никогда не знаешь, что выйдет из этого...

Так получилось, например, с Царь-колоколом, весом 72,2 тонны, отлитым для лавры сравнительно недавно.

— Вроде и хорошо отлили колокол, — пожаловался пономарь отец Александр, — а с колокольным языком неприятный момент произошел...

И, вытащив из кармана металлический ключ, он постучал по тяжелому языку колокола. Раздался мелодичный звон.

— Красивый звон... — сказал я.

— Только он этим звоном всю стройность колокольного звона разрушает...

— И что же вы делаете?

— Клеем «Момент» замазываем язык. На несколько ударов хватает... Но потом клей сползает и снова мазать язык надо...

— А у других колоколов?

— Другие колокола у нас исправные...

И отец Александр постучал ключом по языку старинного колокола. Звук был такой, будто он постучал по дереву.

— Так вы бы такой и заказали... Можно ведь анализ сплава сделать, и из такого сплава и отлить язык...

— В этом-то и секрет... — вздохнул пономарь. — Когда делали химический анализ, оказалось, что это почти и не сталь, столько примесей в ней... Такую отливку на заводах

сразу бракуют — сплошная грязь... Как же ее воспроизведешь?

— Но в колоколе-то работает?

— Еще как работает! Недаром этот колокол «Лебедем» прозван... Очень чистый звон от него!

Язык

Спустившись с колокольни — голова кружится от этой узкой винтовой лестницы, — я присел на скамеечку.

Вообще-то это я не случайно насчет языка услышал... Ведь этот рассказ о языке, отлитом из такого чистого металла, что он сам звенит, разрушая общий колокольный бой, не только к колокольному звону относится, но и к писательской работе...

Иной литератор так изящно свои фразы выстраивает, такими образами расцвечивает, такими смыслами и подтекстами грузит, что порою критика наша из штанов выпрыгивает, возвещая, что новый гений народился, что зазвучат его книги по миру и всяк услышит их. Но проходит время и никакого звучания не слышно, и даже человеку, стоящему вблизи, ничего кроме хвalebного шума критики от этих книг не различить.

А бывает и наоборот. Не разгадать никакими литературоведческими анализами секрет языка того же Достоевского, неряшливым он кажется строгим критикам, не соответствующим ни времени, ни задачам, поставленным писателем, а так колокол народной судьбы под ударами его книг звучит, что во все стороны света слышно...

Перемены

Сейчас в Сергиевом Посаде все меньше и меньше остается следов большевистского Загорска. Убрали туалет от Пятницкой башни, воздвигнутый в аккурат на месте героической кончины крестьян Никона и Слота, взорвавших вместе с собою польский подкоп под башню...

Замостили площадь...

Восстановили храмы в городе.

Город стал чище, уютней, насыщеннее...

Но вот другая, бросающаяся в глаза перемена — обилие молодых еще мужчин, просящих милостыню у стен монастыря. Они буквально накидываются на прилично одетых паломников, на священников.

— Подайте, Христа ради, на молочко детям! — дыша на меня перегаром, попросил широкоплечий парень.

Ну что уж говорить тут. При прежней власти этого тоже не было.

Келарский пруд

Вечером, перед отъездом, прошли к Келарскому пруду, в темной воде которого отражались подсвеченные маковки соборов и колокольня монастыря. Как же здесь пели соловьи!

— Когда в Пасху благовестят, звон колоколов монастыря и городских храмов над этим озером и смешивается, — сказал отец Андрей. — Удивительно чистое место!

И он нагнулся над струйкой бегущей из источника Святителя Николая воды.

— Спаси Господи, люди Твоя и благослови достоянии Твое, победы Православным на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство, — прозвучали чистые слова молитвы.

Удивительно вкусной была — столько соловьиного пения, столько колокольного звона и молитв вобрала в себя! — вода в роднике.

Иконное время

В Покровском соборе вблизи гробницы родителей Сергия Радонежского висит икона, на которой изображен мученик Трифон с соколом. Сокол этот на икону мученика первохристианских времен Трифона залетел из эпохи Иоанна Грозного.

Тогда, на царской охоте, сокольник Трифон Патрикеев потерял любимого кречета царя Иоанна Васильевича Грозного. Весь лес изъездил сокольник, но поиски были тщетными. Обессиленный Трифон Патрикеев пал на землю и взмолился своему покровителю... Так, шепча молитвы, и заснул он в Марьиной роще. И привиделся ему дивный сон. Явился мученик Трифон с царским кречетом в руках.

— Возьми, — сказал он Патрикееву, — поезжай к царю и не печалься.

Сокольник проснулся и увидел потерянного кречета. Тогда-то Трифон Патрикеев и приказал изготовить эту икону. И икона эта осталась памятью о времени Святой Руси, когда ничто не разделяло столетия, когда не было преграды между пространством иконы и обыденной жизни...

Николай Коняев

Сергиев Посад — Петербург, Россия

УТРО ПАСХИ

Утро Пасхи славное!
Колокольный звон.
Солнышко державное
Вновь взошло на трон.

Искрометной прядкою,
Кисточкой лучей
Освящает сладкие
Шапки куличей.

Золото сусальное
Сыплет в синь небес,
И в купель хрустальную
Погружает лес.

Причащает благостью
Ледяных криниц
Опьяненных радостью
Перелетных птиц.

* * *

Были очи синие,
Словно васильки.
Были ночи длинные,
Славные деньки.

Да коса до пояса,
Будто мягкий лен.
В те глаза и волосы
Парень был влюблен.

Поцелуи сладкие,
На губах ваниль.
Праздники с трехрядкою.
С суженым кадриль.

Да была короткою
Девичья весна.
Счастья птицу кроткую
Отняла война.

Всласть досталось хлебушка
С горькой лебедой.
Запивала долюшку
Ледяной бедой.

Смолоду укуталась
В грусти темный плат.
За работу спрятала
Сердце из заплат.

С верою, не жалуясь,
Прожила свой срок.
Лишь былинка малая.
В поле — бугорок...

Ирина Дружаева
Нижний Новгород, Россия

СЕВЕРИН НАЛИВАЙКО

Очерк

В 1569 году литовская шляхетская верхушка, поддержанная и православной белорусской шляхтой, опасаясь воссоединения Великого княжества Литовского и Русского с усиливающимся Русским царством, заключило в городе Люблине унию с Королевством Польским. Образовалось новое государство — Речь Посполитая, состоящая из собственно Королевства Польского и сохранявшего автономию Великого княжества Литовского и Русского. Литовская шляхта пошла на это прежде всего потому, что надеялась сохранить привилегии, которыми обладала в связи с исповеданием католичества. А православные белорусские паны, привыкшие к шляхетской анархии и вольнице, боялись, что в Русском царстве они потеряют многие из своих прав. Значительная часть украинских земель отошла от Великого княжества Литовского и Русского к Польше.

Польская шляхта начала активно осваивать Украину, получая от короля украинские земли во владение. Проникали поляки и в Беларусь. Свободных украинцев, считавших себя казаками, стали передавать польским панам, которые стали превращать их в крепостных. Повсеместно начались гонения на православную веру. Казаки принялись защищать крестьян от польских панов. То тут, то там начались военные столкновения.

В это время стали обостряться отношения между Османской империей и речью Посполитой. Окрепшие казаки на своих быстрых гребных судах часто нападали на прибрежные города Крымского ханства и даже самой Турции, отважно переплывая Черное море. Теперь татары и турки думали не только о нападениях, но и об обороне. Османская империя стала использовать казачьи набеги как повод для угроз против Речи Посполитой, угрожая большой войной.

Под предлогом усмирения казаков, чтобы облегчить закрепощение украинцев и обезопасить от казаков панские имения в Беларуси, прекратить побег белорусов в Сечь, польский король провел запись казаков в специальные реестры — в каждом полку в список попали только по 600 казаков, остальных же переводили в разряд крепостных. Почти половина казаков утратила свои права. Польская шляхта с удвоенной энергией принялась закрепощать украинцев. Усиливался гнет и на белорусов.

Особенно заметным было польское давление в Подолии. Сын ремесленника, уроженец подольского Гусятина Северин Наливайко видел все это собственными глазами. Подавшись в Запорожскую Сечь, Наливайко стал запорожским казаком. Он участвовал во многих походах против татар и турок и, будучи мужественным человеком, быстро заслужил уважением своих товарищей, виртуозно владея боевым оружием. Северин Наливайко всегда был в самой гуще сражений, проявляя завидную даже для самих запорожцев удачу и отвагу. Среди его казаков было немало и белорусов, которые рассказывали о тяжелой жизни в белорусских землях. С Беларусью Наливайко связывало и то, что он служил под началом гетмана Великого княжества Литовского и Русского Константина Острожского. Константин Острожский был последним православным шляхтичем такого большого уровня. Он многое делал для сохранения

православия, учреждал православные братства, школы, пытался сохранить в Беларуси местную русскую культуру и православие. Но его сил было недостаточно, и со временем практически весь род Острожских перешел в католичество, со временем утратив свое влияние среди шляхты.

Все это хорошо знал Наливайко, и его личный опыт показывал, что польская шляхта гораздо лучше понимает героический язык сабель, нежели язык униженных просьб. Кроме того, все чаще до Запорожья доходили слухи о том, что поляки вознамерились сжечь и саму Сечь, уничтожить сердце общерусской вольницы.

С тысячным отрядом запорожцев Северин Наливайко в 1595 году направился в Подолию. Его с восторгом встретило местное население, недовольное засильем прибывающих из Польши панов и ксендзов. В Подолии и Волыни запылало многотысячное казацко-крестьянское восстание. Паны и ксендзы массово бежали в Польшу. Но все это не понравилось казацкой старшине — тем казакам, которые вошли в число реестровых. Они получали от короля Речи Посполитой жалованье за службу, шляхетские звания и сами становились панами. Против Наливайко двинулось войско из реестровых казаков. Невеселы были казаки в двух армиях — где это было видано, чтобы казаки воевали друг против друга. Сражения так и не произошло — Наливайко со своими отрядами, чтобы избежать братоубийственной резни, двинулся на Беларусь. Наливайко понимал, что только в случае общего восстания всей Западной Руси он может рассчитывать на успех.

В Беларуси в отряд Северина Наливайко начали вливаться тысячи крестьян и городская беднота. Наливайко осадил хорошо укрепленный Слуцк. Слуцкий замок, обороняемый польско-литовской шляхтой, продержался всего три дня. Важную роль при штурме сыграли сами жители Слуцка, которые делали все, что могли, для победы Нали-

вайко. После Слуцка отряды Наливайко разгромили отряды шляхты под Копылем, прошли через Бобруйск и в декабре 1595 года заняли Могилев. Часть своих сил под началом казачьего полковника Матвея Шавулы Наливайко отправил в сторону Гомеля. Панские усадьбы вокруг Гомеля и Пропойска (нынешнего Славгорода) подверглись опустошительным набегам. Белорусские крестьяне вместе с запорожцами жгли маентки, убивали и изгоняли издевавшуюся над ними польско-литовскую шляхту.

События в Беларуси вызвали тревогу у польско-литовской знати. Гетман Великого княжества Литовского и Русского Христофор Радзивилл направил против Наливайко хорошо обученную 18-тысячную армию. У Наливайко в Могилеве было всего 2 тысячи казаков — остальную часть его войска составляли белорусские крестьяне и горожане.

Основное сражение произошло под Могилевом на знаменитом Буйничском поле — том самом поле, где в 1941 году почти на две недели были приостановлены немецко-фашистские танковые колонны, рвущиеся к сердцу нашей страны. Начавшееся с самого утра сражение продолжалось до позднего вечера. Польско-литовское войско теснило отряды Наливайко, и казачий атаман приказал составить из повозок временную походную крепость, как это не раз делали запорожцы. Благодаря его таланту и отваге враги так и не смогли одолеть повстанцев. Но, конечно же, Наливайко понимал, что Могилев ему не удержать. В Русском царстве внимательно следили за тем, что происходит у соседей, и уже готовы были укрыть у себя отряды повстанцев, приняв мужественного атамана на русскую службу. Была договоренность, что Наливайко перейдет через границу в Россию в районе Смоленска или Чернигова.

Но Северин Наливайко воевал не из-за денег или спокойной сытой жизни — наверное, он мог бы сделать хорошую

карьеру в Русском царстве, но предпочел другой путь — путь борьбы за свободу своего народа. Как мог знаменитый казак оставить в беде своих соплеменников? Наливайко принимает непростое решение — воспользовавшись тем, что так и не одержавшее над ним победу польско-литовское войско отошло к Новогрудку, Северин направляется в сторону Речицы. Польско-литовские войска бросились за ним в погоню, но тут их подвели союзники — приглашенные для борьбы с казаками крымские татары, вместо того чтобы воевать с Наливайко, которого они хорошо знали и побаивались, принялись грабить окрестности Новогрудка и Вильно. Это еще больше обозлило местное население, и шляхте стоило больших трудов удержать от восстания жителей окрестностей и прекратить татарские бесчинства.

Тем временем Северин Наливайко расправлялся со шляхтой в Пинске, Речице, Турове, Петрикове. По всему Полесью пылали панские усадьбы, казаки жгли крепостные и долговые документы. Но у Наливайко оставалось совсем мало казаков, а крестьяне хоть и были мужественными воинами, но мало что смыслили в военном деле.

Слава о Северине Наливайко широко распространилась по всей Западной Руси. Дошли до него слухи и о том, что в Сечи готовы провозгласить его гетманом. Чтобы пополнить свои отряды опытными казаками, Наливайко вновь идет на Украину.

Там он становится гетманом нереестровых казаков и организует ряд походов против крымских татар, вновь начавших совершать свои набеги. Речь Посполитая, опасаясь большой войны с Турцией, лишает казаков большинства их вольностей и требует полного подчинения. Северин Наливайко отказывается подчиниться и ведет казаков на Польшу.

Последняя битва казаков Наливайко состоялась под Лубнами на реке Суле. Превосходящие польско-литовские

силы гетмана Жолкевского в ожесточенном сражении одержали победу. Казацкая старшина подло захватила помощников Наливайко и передала их полякам — Матвея Шавулу сразу замучили, а казака Панчоку жестоко четвертовали.

Самому Северину Наливайко удалось уйти, но польско-литовские власти делали все возможное, чтобы заполучить его в свои руки. Вновь свою предательскую роль сыграла богатая казацкая реестровая старшина — за шляхетские подачки они захватили Северина Наливайко и передали его полякам. Чтобы успокоить возмущенных этим казаков, поляки заверили, что с Наливайко ничего не случится: «волос не упадет с его головы». Его просто отвезут для переговоров к королю.

Северина Наливайко перевезли в Варшаву, замуровали в темнице, а затем вместе с несколькими приближенными ему казаками четвертовали на варшавской площади при большом скоплении народа. Мужественно держался Наливайко во время жестокой казни — он знал, что умирает за свободу своей православной веры и свободу своего народа. Эта история во многом вдохновила Н. Гоголя и стала основой при описании казни казаков в Варшаве, описанной в повести «Тарас Бульба», — те муки, которым был подвергнут сын Тараса Остап, пришлось вынести легендарному запорожцу Северину Наливайко.

Восстание Наливайко стало знаковым событием для Белоруссии и всей Западной Руси в целом. Белорусы ощутили себя людьми и поняли, что могут сбросить вековое иноземное рабство. Пройдет всего полвека и казацкое восстание Богдана Хмельницкого завершит то, к чему стремился Наливайко, — через кровь и подвиг даст свободу части Украины и станет важным этапом на пути освобождения Беларуси.

Андрей Геращенко

Минск, Белоруссия

МАЛЕНЬКИЙ КРЫМ

Горы и горки,
море и камни,
дымка и дым.
Кто поместил вас
в это название —
Маленький Крым?
В тесном ущелье —
скромная келья:
вот и приют.
Ангелы Света
Богу из лета
песню поют.
Пламенным утром
вижу как будто
дом кораблей —
царского роста
крошечный остров
жизни моей.

Уходят дома...

У меня на руке — почерневшая дробь из черники.
Не растет на лугах эта страшная спелая дробь.
Вот опять Петербург дал ночлег переходной калике,
И Луганку мою заменила холодная топь...

Как трамваи, дома уходили и прятались в дыме.
Их съедал этот дым, как последнюю пищу иуд.
Я оттуда ушла, ведь на площади Горького ныне
Только травы, как свечи, и свечи, как травы, растут...

Изнаночная

Блаженной Ксении Петербургской

В старую нашу шкатулочку
Сердце по крохам сложу.
Я — рукодельница-дурочка —
Только изнанку вяжу.

Нет, чтобы белою пряжею
Судьбы навеки скрестить!
Дурочка будет и сажевый
Свитер с изнанки носить.

Видно, вязать я обязана
Кофты, что греют в метель.
Были бы силы завязывать
Узел до сброса петель.

Выбросьте эту шкатулочку —
Я без нее не грущу.
Жизнь свою (видите — дурочка!)
Всю на людей распущу.

Наталья Романова

Луганск, Украина — Петербург, Россия

МОНОЛОГ БЛАЖЕННОГО

Из кантаты «Ксения Петербургская»

Божьи люди — божьи свечки
оплывают и чадят.
Не боли, мое сердечко,
заверну тебя я в плат.
Божий дом метель качает,
все ступени замело...
Сердце чует, сердце чаёт —
мне от свечечки тепло.
Богу — дочкой, Богу — сыном,
все едины, все едино...
Коль монетка из руки не скатилась,
Глядь, а крестик оборвался — и в снег...
Подыми свой крестик Богу на милость,
пожалей-ка ты себя, человек.

Одинокий, одинокий,
шуба тяжкая до пят...
И богатый, и убогий —
помолюся за тебя.
Человечки, человечки —
Божьи свечки, божьи свечки...

Ох, пиджак мой на морозе колом застыл,
да тепло, тепло у Бога за пазухой!
Богу всяк един, Богу всякий мил,
только зябко тем, кто его забыл...

Помолись со мной, погрейся-возрадуйся!
Богу — дочкой, Богу — сыном,
все едины, все едино...
Опусти глаза к земле — подыми наверх:
сердце-луковка да купол золотой.
Я жалею вас, а Бог — Он жалеет всех,
Бог с тобой, мой свет, Бог с тобой...
Человечки, человечки —
Божьи свечки, божьи свечки...

*Галина Илюхина
Петербург, Россия*

КРЕСТОВЫЕ БРАТЬЯ

Рассказ

В старые времена, бывало, живут два помора между собой в ладу большом и согласии, словно братья родные, поровну делят радости и горести, выручают друг друга в бедах, вместе ходят на промыслы и дружно обрабатывают скудную северную землю. А для теснейшего скрепления уз обмениваются товарищи крестами, при крещении священником на них надетыми. Именуют тогда их «братьями крестовыми», ибо они братосотворились. С того времени всеми признавалось родство их, не уступающее по степени кровному. Знали о древнем беломорском обычае по всей Русской земле, а с некоторых пор заговорили и в далеких заморских странах.

...Ранним утром в один из зимних дней 17** года выехали из Архангельска, в сторону столичного города, три богатых купца или, по-поморски, гостя. Мерно цокали о мороженую землю копыта лошадей, тянущих за собой вереницу саней с торговцами и товаром. Проплывавший перед глазами путников обычный северно-русский пейзаж разнообразием видов не отличался. Бесконечная дорога и столь же бесконечные заснеженные ели наводили на путешественников дрему. Казалось, что все окружающее замерло, замерзло и таким неизменным сохранится в самой вечности.

Благо в санях, приобретенных купцами в Архангельске и перестроенных тамошними мастерами для комфортного путешествия, весьма удобно мог улечься один путник. Для защиты от холода гости имели шубы и добротные одеяла. Задок саней для тепла покрывался рогожей, а все остальное было обвито плотным сукном. Крыша, закрывавшая от ветра и снега, сооружалась из сшитой в единое полотно кожи. Купцы по временам ненадолго просыпались, прислушивались к ругани мужиков и снова погружались в томительный дорожный сон. Караван неспешно двигался по дороге, пока путь ему не преградил ствол срубленной кем-то вековой сосны. Возничие, боязливо оглядываясь, подошли к дереву, расположившемуся ровно поперек дороги, взялись дружно... И тут лес ошарашил оглушительный пищальный выстрел, в один момент взвив в воздух всех окрестных птиц и оголив придорожные деревья. Заметались и заржали кони, забегали растерявшиеся мужики. В мгновение ока с разных сторон белоснежной кромки леса скатились на дорогу три десятка разбойников и окружили караван. Быстро, под выстрелы и ругань, было подавлено сопротивление возничих. И вот уже исчезает из саней заморский дорогой товар, перемещаясь в бездонные короба и мешки напавших. Неведомо как, под галдеж лихих людей, в одном исподнем оказались чуть живые от страха купцы.

Слаженно и шустро шло все у разбойничков, как вдруг у саней купцов начала собираться сутолока, послышалась ругань, готовая в любой момент перерасти в побоище. Привлеченный шумом атаман шайки подошел к спорщикам и увидел в центре ватаги одного из гостей, грудь которого украшал, переливаясь на утреннем солнце, огромный серебряный крест. Под стать святыне — не тоньше пальца — оказалась и удерживавшая его цепь. Именно это богатство и стало причиной потасовки, вызвавшей остановку грабежа.

Разбойники жадно смотрели на серебро, но никто из них не решался снять святыню с купца, так велик был страх, не благоговейный, конечно, а, скорее, суеверный. Страх этот изначально заключал в себе впитываемое с молоком матери многими поколениями беломорских жителей истинное благоговение перед святыней, но со временем уступившее место в сердцах грабителей малодушному суеверию — как бы чего не вышло.

Подошедший атаман потянулся к шее дрожащего купца и уже взялся за драгоценную цепь, как раздались неodobрительные крики разбойников:

— Па, ватаман, ты што?

— Ужа-ты, ватаман!

— На всех беду накличешь!

— Брось ты его...

— Ужа-ты, ватаман, ну его... Пусть катится...

Предводитель шайки, замерший на мгновение под причитания соратников, решительно снял крест с купца и надел его на себя. После этого атаман достал из-за пазухи свой — самый простой, оловянный, висевший на засаленной веревке крест — и надел на купца. Схватив трясущегося и готового в любой момент потерять сознание торговца за уши, грабитель трижды громко поцеловал его в щеки. Последнее, что услышал медленно сползавший на землю гость, был шепот атамана:

— Ну, теперь мы с тобой крестовые братья! А коль родню свою забудешь, то и Бога скоро забудешь. Свидимся еще!

Ватага разбойников, притихшая и внимательно наблюдавшая за происходящим, разразилась оглушительным смехом.

Долго еще вслушивались растерянные торговцы и возничие в гомон удалявшейся шайки, пока наконец он

не сменился тоскливой северной тишиной, прерываемой лишь редкими вскриками удивленных ворон.

Три года минуло с того злополучного утра. Купец, лишившийся драгоценного креста, вновь прибыл по какой-то торговой надобности в Архангельск. Целыми днями пропадали торговцы в Немецкой части Гостиного двора, суетливо закупаясь разными товарами. Подолгу торговался и спорил о качестве приобретаемого амстердамского атласа и английского сукна, стеклянной посуды и венецианского бархата, стараясь всячески не упустить своей выгоды. Во время одной из сделок, сулившей коммерсанту значительную прибыль, явился в Гостиный двор стрелец с приказом незамедлительно доставить гостя на съезжую.

В заледенелых сенях канцелярии торговца подчеркнуто учтиво встретил караульщик. Служивый провел доставленного купца по узкому темному коридору и остановился у последней двери. Опасливо ее открыв, конвойный пропустил сопровождаемого в небольшую горницу. Первым, что увидел в ней купец, была согбенная фигура человека, стоявшего в углу. Руки и ноги его были закованы в кандалы, соединенные между собой широкой цепью. Изможденное тело арестанта было покрыто свежими побоями: кровь на ранах едва успела запечься. Купец сразу узнал в нем своего крестового брата. От неожиданности такой встречи торговец не сразу заметил второго находившегося в горнице человека. Это был дьяк, сидевший за маленьким столиком у восточной стены и листавший какие-то бумаги. Полчаса приказной человек делал вид, что не замечает вошедшего купца. Наконец, посчитав, что воля торговца достаточно сломлена, дьяк начал свой опрос:

— Ну вот что, купец... Пригласили тебя по моему приказу. Большой значимости дело. Попался нам сей разбойник.

Дьяк встал из-за стола и, пристально оглядев атамана, продолжил:

— В городе Архангельском пытался он выдать себя за богатого негоцианта. Продавал в великом множестве товары заморские. И, надо сказать, не без значимой выгоды. Да тут узнали верные люди в нем первого на Белом море разбойника. Вот беда только: не признает тать вины своей... И на дыбе, под опытом не признался. Хробоской, так, кажется, двиняне говорят?

Не дождавшись ответа купца, сыщик взял со стола ворох испещренных мелкими строчками бумаг, долго их перелистывал и, найдя нужный лист, вновь обратился к торговцу:

— С твоих слов, купец, в допросной грамоте три года назад писано о похищенном серебряном кресте... Тут и описание оного имеется. И, по всему, совпадает оно с тем, что найден у этого «негоцианта». Узнаешь ли крест?

Оторвав взгляд от бумаг, дьяк указал купцу на стоящую в углу горницы скамью с разложенными на ней вещами, найденными при аресте у атамана. Среди прочего торговец увидел и свой, похищенный в то злополучное утро, серебряный крест на толстой цепочке.

— Почто молчишь? А, может, сразу уж и обидчика своего признаешь? — торопил дьяк купца, ожидая скорой развязки дела.

Торговец ненадолго задумался, всматриваясь в окровавленное лицо разбойника. После чего нерешительно ответил дьяку:

— Нет, не мой крест. А о лихом человеке... Шибко боязно ошибиться. Столько лет минуло! Да, признаться, испугался я тогда так, что чуть сам себя не забыл! Прости меня, но не могу указать я на него как на своего обидчика.

Дьяк, вначале усмехнувшийся ответу купца, пришел в ярость. Быстро подойдя к двери, приказал он конвойному

увести разбойника. Вернувшись за стол, сыщик записал все в допросную грамоту и, сунув перо купцу, указал, где расписаться.

— Ладно. И ты, купчина, иди. Коли понадобится — призову еще. А пока, до особого распоряжения, сиди в городе Архангельском, — произнес, чеканя каждое слов дьяк.

В сенях купец вновь столкнулся с братом: конвоиры, не желавшие идти на ледяной, пробиравший до костей ветер, решили внутри дожидаться стрельцов, призванных сопровождать разбойника.

— Почему? — услышал купец хрип лишившегося зубов атамана.

— Брат ты мне крестовый. А коль родню свою забудешь то, и Бога скоро забудешь, — шепотом ответил торговец, спешно выходя на улицу.

— Свидимся еще! — слышалось купцу, стремящемуся как можно скорее покинуть это жуткое место, уже за дверями съезжей. Или, может, ему это только показалось?

Спустя несколько дней весь Архангельск говорил о состоявшейся казни первого на Беломорье разбойника. Выходит, что так и не удалось оправдаться атаману. Уж очень много людей пострадало от его злодеяний: кто-то вспомнил самого грабителя, кто-то признал свои похищенные товары.

Всю жизнь молился торговец о крестовом своем брате, считая, что за грехи сам Бог послал ему в названные родственники грабителя. А еще, по всякому случаю, любил вспоминать он разбойника, что первым вошел в Царство Небесное.

Дмитрий Хорин
Архангельск, Россия

1914

А жизнь была пугающе тиха.
И благодна. И так легко писалось.
Внезапная истерика стиха
В среде поэтов вызывала жалость.

Никто не верил, что придет беда
И где-то — «Дранг нах остен!» — крикнут зычно.
Лишь мальчиков в последние года
Рождалось многим больше, чем обычно.

Четырнадцатый... Рослы и стройны,
Юнцы готовы послужить Отчизне.
Шесть месяцев осталось до войны,
Которая перечеркнет их жизни.

Ну а пока: прозрачна и чиста,
Глядит заря в окошко слюдяное.
И время пишет с чистого листа
Привычное, банальное, земное...

Александр Тихонов
Омск, Россия

НИКОЛАЙ П

Ох, ты, заря рассветная
С янтарною улыбкою!
Ты жутко неприветная
Лихою вьюгой зыбкою!

А по Руси метет пурга,
Гуляет страх околицей,
Кружа колючие снега,
Хлестая ветром по лицу.

Везде добычу рыская,
Громит ЧК поместья,
Где нынче большевистская
Вовсю гуляет бестия.

Чернят души хоругви
Глазницы жуткой полночи.
Нет правды в мире нонече,
Что яростью поругана.

Ох, ночи, злые ноченьки!
Уж нет и в вас спасения,
Где попрекают склочники
Кровавым воскресением.

Кошмарною химерою
Бесчинствует распутица.
Помянем светлой верою
Григория Распутина.

Ой, царство с жуткой тризною,
Что горем переделено!
Ох, сколько всех поизгнано,
Да сколько душ расстреляно!

О Боже, волей случая,
Пусть будет не пропащая,
Великая, могучая —
Русь наша уходящая.

Александр Вольный

г. Белгород-Днестровский, Одесская область, Украина

1918

1

Ольга, Татьяна, Маша, Анастасия,
я перед вами каюсь за всю Россию
и, на коленях стоя, молюсь часами.
Рядом со мной впритирку стоят другие —
мы говорим невпопад, но русскими голосами
о том, что беда случилась под небесами.

2

Ольга, Мария, Настенька и Татьяна,
место, где вас убили, давно поросло бурьяном.
Над домом купца вороны страшно и зло сгустились.
Убийцы, дрожа трусливо, сжимали в руках наганы.
«За что нас?» — глядя в глаза, вы кротко у них спросили.
За вашу невинность, девушки, и за любовь к России.

Мария, Анастасия, Танечка, Ольга,
 о вас, мои дорогие, мы вспоминаем с болью.
 Святые княжны убитые — четыре стороны света,
 величина Империи, размерами с треть планеты.
 Земля, по которой ходим, пропитана вашей кровью.
 Вы нас простите, милые, за то далекое лето.

Мария, Анастасия, Татьяна, Оленька,
 Господа за Россию вы неустанно молитесь.
 Вновь времена беспокойные: брат убивает брата,
 видно, часы истории перевели обратно.
 Вы помолитесь, девушки, чтоб обошло нас горе,
 чтобы смогла Россия крови очистить пятна.

Максим Бурдин
 Кострома, Россия

ЦАРСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Бегут года, кипит работа,
 Плетет интриги злая ложь...
 А ты взгляни на эти фото
 И сразу многое поймешь.

Тот, кто стрелял в угаре пьяном,
 Извечной злобою томим,
 Забыл, что он с большим изъясном,
 Что растворится, аки дым.

А государь с императрицей
 И дети их — еще взойдут...
 О, эти благостные лица,
 Как звезды в небе над столицей,
 Россию к Богу приведут!

Михаил Аникин
 Петербург, Россия

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Рассказ

Теперь все переменчиво. Как ветер. Вчера увели коня. Пришли и, не церемонясь, отвязали от изгороди и увели. Иван Сергеевич коня любил и звал его ласково Соколик. А кто увел, теперь и не понять. Власть теперь и на пару часов захватывают. Кто пришел в село, того и власть. Одни от других бегут. А те, другие, видать, догоняют. Когда чехарда эта закончится, в селе никто не знал. Иван Сергеевич был небогатым человеком. Конь да жена с сыном — вот и весь капитал. Со дня на день ждали пополнения этого капитала. Жена Ивана Сергеевича, Дарья, вот-вот должна была родить сына. В том, что будет сын, Иван Сергеевич на минуту не сомневался. Так и получилось. Он радовался, когда повитуха показала ему младенца. Его Дарьюшка не подвела и в этот раз. Он любил жену. Дарьюшка стройная, невысокого роста, веселая. Все у нее спорится под руками легко и быстро. Старший его сын Григорий был как отражение его самого. Каким будет младший? Иван Сергеевич размышлял, размашисто перекладывая сено на телегу. Сена он запас много. Но теперь нет его Соколика. Завтра он повезет сено в Горловку на базар. Зимой сено в цене. Телегу с сеном придется везти на себе.

В Горловке на базаре было шумно. Торговля шла бойко на фоне выступления неведомого оратора. На вид оратор

напоминал учителя земской школы. Рот открывал широко, говорил о том, что Украина для украинских трудящихся. Его пенсне отражало яркое декабрьское солнце, и люди не могли разглядеть глаз выступающего. Вокруг говорили, что это от самого Ленина Троцкий приехал. Иван Сергеевич хотел было посланцу от новой власти на кражу коня пожаловаться, да, постояв на морозе, телегу свою с сеном повез ближе к торгующим. Сено продал быстро. Зашел по традиции обмыть удачу в местный кабак с двумя столами да печкой посредине. Ферапонт из-за стойки вышел и тепло поздоровался с Иваном Сергеевичем, поздравил с рождением сына и собственноручно налил новоявленному отцу стопку прозрачного самогона. С мороза самогон показался Ивану Сергеевичу сладковатым. Нутро потеплело, и тепло это приятно разлилось по телу. Иван Сергеевич запыхтел от удовольствия и, попрощавшись с Ферапонтом, отправился домой. Пока он шел по Горловке, до него долетали обрывки слов выступающих и гомон толпы, собравшейся поглазеть и послушать. Все в округе говорили, что скоро придет Деникин и жизнь займет привычное русло. Иван Сергеевич это приветствовал, потому как любой мир хуже войны. Здесь, на Донбассе, люди жили всегда бедно, но строго соблюдали старый уклад жизни, сложившийся еще со времен Екатерины. Вся жизнь местного населения была связана с горно-обогатительным комбинатом и с железной дорогой. Дорогу эту царица и построила. На ней местные служили, торговали, работали. Иван Сергеевич служил на станции телеграфистом. Был на хорошем счету у начальства и ожидал повышения по службе. Теперь, когда не стало коня, до станции придется ходить пешком. Но два километра не пугали подвижного и крепкого тридцатилетнего красавца-казака. Густые черные волосы с казацким чубом и черные, как масляные сливки, глаза ввергли в пучину душевных волнений

не одну красавицу в его родном селе. Теперь казацкий чуб аккуратно подстрижен и не выбивается из-под форменной фуражки. Погоны с желтой оторочкой указывают на его принадлежность к телеграфной службе железной дороги. Дарьюшка всегда содержит в порядке его форменную одежду. Он чувствовал тепло ее рук, когда надевал форму.

Она влюбилась в него сразу. С первого взгляда, как говорят в народе. А он был покорен ее не свойственной местным девушкам утонченностью и ироничной веселостью характера. Пронзительная лазурь ее глаз довершала образ его любви. Он не ошибся, женившись на ней. По хозяйству она была быстрая и умелая. Virtuозно варила щи с фасолью. Любила сыграть с ним в карты. Играла азартно и обдуманно. Как жила. И он любил ее за этот обдуманный азарт, за нежность рук, не боящихся тяжелой работы. За добрый и веселый нрав. Она всегда искренна в своих эмоциях и поступках. Иван Сергеевич был счастлив. Она подарила ему уже двух сыновей. Старший Григорий рос смышленным парнишкой. На следующий год он пойдет в школу.

Иван Сергеевич частенько по дороге на станцию вспоминал детство. В возрасте своего первенца Гришуни он уже всю умел управлять лодкой, рыбачил кефаль и севрюгу на мохнатого червя, которого они копали здесь же, на берегу Джарылгачского залива. Он бесстрашно плавал один на лодке отца к острову в заливе. Грести поначалу было тяжело, но потом он уже справлялся с лодкой легко и умело. Рыбалка была одним из основных промыслов местного населения. Рыбу варили, жарили, сушили и солили. На острове охотились на зайцев и оленей. Но охотились только взрослые. Урожай хлеба здесь были скудными, а порой и вовсе в селах царил голод. Только рыбалка и выручала. Он вспоминал и свои первые свидания с Дарьюшкой на берегу за-

лива. Здесь тишина берегла красоту пейзажей. Они много гуляли по берегу, забирались на обрывистые склоны. Иногда он катал девушку на лодке. Море снилось ему по ночам и здесь, в степях Донбасса. Рядом с нынешним домом протекает река Ингулец. По реке и железнодорожную станцию назвали. Но река не море. И он верил, что когда подрастет младший сын Николай, он повезет своих сыновей к морю на Джарылгач.

* * *

На станции сегодня было беспокойно. Вешенское восстание Деникина подарило надежду противникам красной революции на восстановление прежней жизни. Для Ивана Сергеевича это не имело никакого значения. Железная дорога нужна и тем и другим. Значит, у него всегда будет работа. А богато он никогда не жил. И сейчас в хозяйстве они еле сводили концы с концами на его жалованье тысячу рублей в год. Если его повысят по службе, то дадут казенное жилье здесь же, на станции. Тогда дом можно будет продать. Да и жалованье будет больше. Он старался. Работу свою исполнял добросовестно. Иногда играл с сослуживцами в карты за рюмочкой местного коньяка, который делали неподалеку в Тавриде иностранцы. В основном французы. Виноградники здесь, в отличие от пшеницы, давали отличные урожаи. Дома они с Дарьюшкой ставили виноградное вино. Так делали все в округе. И делали вроде бы все одинаково, а вкус в каждом дворе свой.

Сегодня на станции полно жандармов. На телеграфе все шепчутся. Иван Сергеевич занял свое рабочее место. Рядом с ним сидел Степан. Молодой и вездесущий. Тут же Степан заговорщицки зашептал Ивану Сергеевичу, что

ищут, мол, украинских националистов, которые вопреки русскому украинский язык для Великороссии пропагандируют.

На станции всегда всех искали. Путь для спасения по железной дороге самый быстрый. Всю смену передавали только депеши с приметами укрофилов да с наказами, как их задержать и куда доставить. Сегодня Иван Сергеевич остается дежурным телеграфистом станции на ночь. Очевидно, смена будет беспокойной. Но его это не пугало. Раскланявшись из-за перегородки с уходящими домой коллегами, он набрал воды в старый выдавший виды самовар и разжег угли. Откуда здесь появился этот разлапистый экземпляр, никому было неизвестно. Уже много лет телеграфисты пили из него чай. Окошко телеграфа погрузилось в сумерки. Суета на станции улеглась. Пустой перрон свидетельствовал о том, что пассажирских поездов не будет до утра. А грузовые составы везли уголь с комбината и военную технику. Война где-то громыкала вовсю. И только здесь, на Херсонщине, она выражалась в калейдоскопе смены власти да в мародерстве. Иван Сергеевич вспомнил своего коня и тяжело вздохнул.

Дверь в телеграфную приоткрылась, и в щель эту буквально просочился молодой паренек в тулупе и в сапогах, которые казаки носили круглый год. Иван Сергеевич вопросительно посмотрел на казачка, собравшись уже сказать, что это служебное помещение и посторонним входить не полагается. Но паренек закрыл за собой дверь и опустил глаза на тулуп, из которого прямо в глаза Ивана Сергеевича смотрело дуло обреза. Иван Сергеевич поднял глаза на казачка и тот тихо произнес:

— Сиди тихо, дядько. Я в тебе до Катеринославського посиджу в закутку. А ти працой, на мене не глядай, коли хочеш жити.

Иван Сергеевич поговору и по украинской вышиванке под тулупом понял, что это один из тех, кого искали днем.

Телеграф ожил. Иван Сергеевич отвел глаза от незваного гостя, стал писать в журнал пришедшее сообщение. Сообщение было под грифом секретно и содержало информацию о Екатеринославском составе, ожидаемом через два часа. Сообщение предписывало освободить перрон во время минутной стоянки и не досматривать состав по причине секретности груза. Иван Сергеевич понимал, что это на руку хохлу, державшему его сейчас на мушке. Он сможет сообщить о нем, когда казачок уедет. Но только в том случае, если уезжая тот его не застрелит. Мысли Ивана Сергеевича переметнулись к Дарьюшке и детям. Младшего Коленьку он только недолго покачал на руках.

Казачок смотрел на Ивана Сергеевича не мигая. Или это дуло обреза двоилось у него в глазах. Иван Сергеевич искал выход. И не находил. Наконец он решился сказать:

— Я должен пойти к дежурному по станции и передать ему телеграмму. Таков порядок.

Голос не дрожал, но прозвучал как-то необычно звонко. Казачок ответил:

— Не дурий.

За дверью послышались шаги, и через мгновение в дверях появился помощник дежурного Микола. Иван Сергеевич знал его еще по Кривому Рогу, когда они вместе работали на шахтах. Микола — крестный его старшего Гришуни. Казачок исчез за перегородкой. Микола шумно поприветствовал Ивана Сергеевича и присел к самовару. Когда их ночные дежурства совпадали, они вместе пили чай и беседовали по душам. Вот и сейчас Микола делился новостями:

— Говорят, с Музыкиных хуторов утек хохол. С утра на станции шукають.

Микола шумно прихлебнул чай. Иван Сергеевич невольно смотрел туда, где за перегородкой притаился хохол. Он оторвал страницу с недавним сообщением и передал ее товарищу. Микола испустил привычное: «Тю-ю!» Иван Сергеевич молчал, наблюдая за углом, где притаилась опасность.

— Бачут, что уже дачники наехали в Скадовск, — Микола выжидательно смотрел на Ивана Сергеевича.

Раньше они с Дарьюшкой сдавали дачникам на лето половину дома. Но сейчас сообщение о приезде дачников удивило его. Кругом война. Власть меняется так часто, что мародерство не прекращается. Теперь у них в семье пополнение. Дарьюшке с новорожденным сыном будет не до дачников. Он собирался все это сказать Миколу, но присутствие чужака сдерживало. И он только кивнул на слова друга. Микола поглядел на него и спросил:

— Не хвораешь, часом?

Иван Сергеевич отрицательно мотнул головой.

— Екатеринославский сегодня без досмотра, — констатировал Микола.

Иван Сергеевич перевел взгляд из угла на товарища и, стараясь прервать его, попросил:

— Микола, что-то у меня сегодня спину ломит. Сено вчера на базар грузил. Не сочти за труд, дружка, отнеси начальнику телеграммы.

Микола согласно кивнул и стал давать советы пишущему телеграфные сообщения на специальных бланках для начальника. За окном прогремывал состав с рудой. Комбинат добывал руду открытым способом. Это упрощало и ускоряло процесс, и поезда с комбината шли часто, мелкая вагонами доверху засыпанными рудой. Иван Сергеевич дописал и передал бумагу Миколу, предварительно сложив ее вдвое. Микола, прихватив форменный картуз со стойки,

направился к выходу. Когда он протянул руку к двери, раздался выстрел и товарищ на глазах Ивана Сергеевича упал и исчез за стойкой перегородки. Казачок из угла наставил дуло обреза на Ивана Сергеевича и грозно сказал:

— Не дурий, дядько!

Опять ожил телеграф. Иван Сергеевич механически писал сообщение в журнал. Слышал возню за перегородкой. «Наверное, Миколу от двери оттаскивает», — фиксировал он про себя. Сразу после поступившего сообщения он телеграфировал в ответ: «Я заложник. У меня на телеграфе убийца. Помощник начальника станции убит. Ждет Екатеринославский».

Хохол вновь выглянул из-за стойки.

— Зачем ты Миколу стрельнул? — не сдержался Иван Сергеевич.

— И тебе пристрелю, коли що не так.

Опять ожил телеграф. Иван Сергеевич открыл журнал, но писать не стал. Харьковский телеграфист требовал разъяснений. Но Иван Сергеевич не мог рисковать и склонился с пером над журналом, делая вид, что усердно пишет. Когда замолк телеграф, Иван Сергеевич спросил:

— А что делать будешь, как хватятся Миколу?

— Вистачить! Нема плану, — послышалось из угла.

Казалось, что прошла вечность, на перроне слышались свистки жандармов и топот множества бегущих ног. Иван Сергеевич в одну секунду нырнул под стол, за которым сидел. Дверь распахнулась, впусив шум и толпу жандармов. Выстрел из угла никого не настиг и уже через мгновение хохла скрутили и увели. К Ивану Сергеевичу подошел начальник станции и помог ему подняться. Руки у Ивана Сергеевича дрожали. Санитары выносили на носилках Миколу. «Лицо не накрыли, значит, жив», — промелькнуло в сознании Ивана Сергеевича.

Это ночное дежурство ускорило повышение Ивана Сергеевича по службе. Они с Дарьюшкой переехали в казенный дом из красного кирпича при станции. Через год у них родился третий сын, Юрий. Микола выздоровел и ушел на пенсию по причине сильной хромоты после ранения. В 1929 году Ивана Сергеевича вместе с Дарьюшкой и тремя сыновьями вышлют на Урал в село Таборы с мотивировкой «за антисоветскую деятельность». Его старший сын Григорий станет министром при новой власти и Героем Социалистического Труда. Средний Николай станет инвалидом в боях с фашизмом в Великую Отечественную. Затем поедет поднимать народное хозяйство в братскую Литву. А младший Юрий проживет короткую жизнь военного летчика в Советской России. Дарьюшка уже без Ивана Сергеевича будет нянчить их семерых внуков. Через девяносто лет село, в котором родился Николай, снесут из-за расширения горно-обогатительного комбината. А через сто лет история повторится...

Инна Начарова

Уфа, Башкирия, Россия

МАТУШКА

Рассказ

Ранним апрельским утром по грязной, размытой дороге, ведущей в город, шла немолодая женщина лет пятидесяти. Одета она была в короткое потертое пальто из темно-коричневого сукна, длинную черную юбку, высокие ботинки. Из-под клетчатого платка выбивались пряди поседевших волос. В одной руке она несла узелок, другой опиралась на палку, чтобы не поскользнуться. По усталой походке и налипшим на ботинки комьям грязи было видно, что шла она давно.

Это была матушка Лидия — супруга сельского священника отца Глеба, две недели назад увезенного в городскую тюрьму. Именно туда и направлялась матушка.

Она шла и вспоминала, как еще лет пятнадцать назад по этой дороге в город и обратно одна за другой ехали повозки. Тогда обязательно кто-нибудь останавливался и предлагал подвезти. Сейчас дорога была пустынной, все лошади куда-то подевались. Да и появившись вдруг на дороге лошадь — вряд ли бы кто остановился: люди стали осторожными и недоверчивыми. Матушка приостановилась, вытерла со лба пот, посмотрела в светлеющее высокое небо, на котором бледными пятнами растворялись звезды, и двинулась дальше. Надо было торопиться. Было около восьми утра, а пройти предстояло еще

километра четыре. Это была уже вторая попытка матушки узнать о судьбе супруга. В первый раз она, простояв в очереди у ворот более трех часов, так ничего и не узнала. На этот раз матушка надеялась, может, что-нибудь прояснится.

Отца Глеба забрали ночью: это было в правилах новой большевистской власти. Суровых людей в форме он ожидал давно, поэтому мешок со сменой белья и сухарями держал наготове. Это ожидание началось после того, как в небольшом сельском храме стали появляться незнакомые люди. Они не молились, не крестились, а, стоя в притворе и зевая, озирались по сторонам. Только во время проповеди неведомые гости оживлялись и протискивались вперед, чтобы, видимо, послушать, что будет говорить священник.

Село Подгорное, где служил отец Глеб, осталось в ту пору на всю округу единственным местом, где еще сохранился храм и шли службы. Священник сам удивлялся такой великой милости то ли от властей, то ли от Бога, поэтому служил ревностно, с особенным благоговением, будто в последний раз. Омрачало радость одно: народу в храме становилось все меньше, да и то все больше старухи. А когда на службы стали приходиться незнакомые люди, он понял: дни храма сочтены. Он, конечно, был осторожен, к проповедям готовился дома, заучивая каждое слово. Но в середине марта, в день праздника Державной Божьей Матери, он вспомнил отречение царя от престола. На проповеди отец Глеб сумел удержаться, чтобы не сказать о том, как осиротела русская земля без царя, а вот на панихиде не смог: помянул всю убиенную семью. Он спиной почувствовал, как сразу ринулись из храма чужие люди: они услышали, чего ожидали. А ночью за ним приехали...

К воротам тюрьмы матушка подошла, когда совсем рассвело. Очередь из таких же несчастных и потерянных родственников растянута на сотни метров. Общее горе

сделало людей похожими: мрачные, потерявшие надежду лица; темные одежды, тихие, редкие разговоры. Изредка кто-то вскрикивал или начинал рыдать у окошка, которое еще пару минут дарило надежду, а теперь вот грубо и резко ее отнимало. Этих людей никто не жалел, не успокаивал, им говорили: «Отойдите в сторонку, не мешайте». И к окошку подходили следующие.

Матушка заняла очередь, прикрыла глаза и стала читать про себя Иисусову молитву, добавляя в нее и имя своего супруга. Очередь продвигалась медленно, к обеду не сократившись и наполовину. Матушка замерзла, ей очень хотелось есть. Она вытащила из-за пазухи кусок хлеба и стала жевать, не ощущая ни запаха, ни вкуса. Но, видимо, почувствовав запах хлеба, оглянулась впереди стоящая девушка в серой шали. Она ничего не сказала, только посмотрела на хлеб в руке матушки. Матушка отломила половину:

— Возьмите.

— Спасибо, — сказала девушка. — У вас тоже здесь враг народа?

— Какой враг? — не поняла матушка. — Супруг здесь у меня. Священник.

— Священник? — переспросила девушка, усмехаясь. — Значит, точно враг. Все, кто здесь стоят, — дети, жены врагов народа. Или вы газет не читаете?

— Не читаю, — ответила матушка. Ей больше не хотелось разговаривать, ей хотелось плакать. Какой враг? Ее батюшка, ее Глебушка враг? Что за глупость великая? Он за весь русский народ молится, почему враг?

Матушка стала читать все молитвы, сохранившиеся в памяти. Девушка еще пару раз что-то спросила, но матушка, углубленная в молитву, не ответила.

Она будто очнулась, когда услышала: «Следующий!» К окошку подошла девушка и назвала имя отца. Железная

заслонка на окошке резко захлопнулась и минуты через три вновь отворилась.

— Такого нет.

— Как нет, был же на прошлой неделе!

— Нет такого в списках, этапирован. Следующий!

Девушка развернулась и, прислонившись к стене, словно окаменела. Глаза ее застыли, рот в немом крике то открывался, то закрывался. Матушка хотела сказать ей что-нибудь утешительное, но недобрый окрик: «Вы что, глухая? Имя!» — подтолкнул ее к окошку.

— Отец Глеб. Перов, — волнуясь, заговорила матушка.

— Отец? — недоверчиво переспросил молодой человек в военной форме. — У нас стариков нет.

— Не старик он, — спохватилась матушка, — священник!

— Дура, — зло буркнул военный и стукнул железной дверцей окна.

Матушка чуть не заплакала. Какая глупая! Правильно он обозвал ее «дурой». Какой священник! Это в селе он был священником, уважаемым человеком, а здесь он заключенный, такой же, как все. Окошко открылось, и военный коротко бросил:

— Давайте передачу. Запрещенной литературы, острых предметов, веревок нет?

— Нет, — выдохнула матушка.

Военный заглянул в мешочек с сухарями, надорвал бумажный кулек с сахаром, перетряхнул портянки, белье. Потом он разломил пополам буханку хлеба, и на пол выпала книжка. Это было Евангелие, которое в ту страшную ночь не позволили взять отцу Глебу с собой.

— Не положено! — отрывисто бросил военный и швырнул книжку матушке. — Еще раз попытаетесь передать запрещенную литературу, запретим передачи. Ясно?

— Он священник! — со слезами в голосе простонала матушка. — Пожалуйста, возьмите!

— Не положено. Следующий!

Матушка прислонилась к стене, где минуту назад стояла девушка, и недоуменно обвела взглядом очередь, словно искала в чужих глазах понимание.

— Не разрешили. Священнику не разрешили передать Евангелие!

В голосе ее читалась такая скорбь, такое непонимание явной несправедливости, что женщина, стоявшая неподалеку в очереди, вздохнув, проговорила:

— Священнику не разрешили передать Евангелие, а моему больному мужу — лекарства. Тоже сказали: не положено.

Матушка отошла в сторону, села на бревна, лежащие у забора, и открыла книгу. «...И будете ненавидимы всеми за имя Мое, но и волос с головы вашей не пропадет, — терпением вашим спасайте души ваши...» — прочитала она. Матушка задумалась. Строчки, которые она много раз читала и слышала, сейчас вдруг заимели особый смысл. «Каждому слову этой книги верьте», — вспоминались ей слова из проповедей супруга. Матушка медленно поднялась и побрела с тюремного двора.

Солнце уже опустилось за вершины домов. Матушка только теперь вспомнила, что дома остались дети, и заторопилась. Она шла, ускоряя шаг, и, словно проснувшись, снова недоумевала. «Господи, что это я? Передачу приняли, значит, живой, значит, никуда не сослали. Евангелие не взяли? Сама виновата, глупая, в хлеб спрятала. Слава Богу, что не сильно рассерчал солдатик и принял передачу. А Евангелие батюшка наизусть знает, по памяти будет читать! Слава Богу, все успела, еще и домой к ночи вернусь, еще с ребятишками чаю попою!»

Она шла быстро, поскользываясь на грязной дороге. «Домой, скорее домой, к детям! Вася-то, наверное, заскучал и плачет. А Дарьюшка одна как управилась, накормила ли детей, дала ли корму козам?»

В семье священника было четверо детей. Не сразу Бог подарил матушке радость материнства. Двенадцать лет ждали они первенца, не переставая молиться и надеяться. А потом пошли детки друг за дружкой: две дочки да два хлопчика. Малому Васеньке-то всего пять годиков, любимец батюшки. На глаза матушки навернулись слезы. Тяжело стало жить, тяжело кормиться. Раньше народ подкармливал, носили в храм кто крупу, кто хлеба, кто меду. Курочек своих держали. Теперь куры порублены, а люди сами бедствуют, самим есть нечего. Две козочки, слава Богу, есть, кормилицы, они и выручают.

Подходя к селу, она увидела на дороге тонкую детскую фигурку. Тревога поднялась в душе матушки, когда она признала в бегущем навстречу человечке сына Даню.

— Данюшка, сынок, что случилось?

— Мама, беда! Приезжали храм разорять. Иконы снимали, во дворе бросили. Забрали всю утварь, завтра приедут колокола снимать! Мама, что мы батюшке скажем, как вернется?

Мальчик расплакался. Тельце его сотрясалось от рыданий, он весь дрожал. Матушка нагнулась над мальчиком, подняла его подбородок.

— А кто у нас за батюшку остался? Кто у нас теперь самый старший? Не Даниил ли? Не следует отроку унывать, не следует и слезы лить. Посмотри-ка, что батюшка тебе передал, — она протянула мальчику книжку.

— Евангелие! Батюшка мне передал свое Евангелие? — глаза мальчика засияли, и он улыбнулся.

Они пошли рядом, и Даня, прижимая к груди книжечку, взволнованно рассказывал матери, как наехали на

подводах люди в гимнастерках, с винтовками. Как сломали засов, зашли в церковь и стали выбрасывать прямо на улицу иконы, книги, батюшкины облачения. Только утварь погрузили на подводы, спешно сваливая все в единую кучу. Мальчик рассказывал, как набежали после старушки и стали уносить иконы. А они с Дашей и Нюрой принесли домой фелони, подризники.

— Вы мои умники, — хвалила матушка, а душа ее между тем разрывалась от ужаса и горя.

Дома ее встретили плачущие дочери и маленький Вася. Успокоив детей и попив с ними чаю, матушка уложила младшенького спать. Потом посадила старших детей за стол и заговорила:

— Родные мои, времена наступили трудные. Батюшки с нами нет, но он обязательно вернется. Надо сделать все, чтобы сохранить имущество храма. Ты, Дарья, иди сейчас же по домам и узнай про иконы, кто какие взял. Скажи, чтобы сохранили. Ты, Нюра, бери мой платок и беги во двор церкви. Собирай книги, увязывай и неси домой. Не дай Бог, дождь пойдет в ночь: намокнут. А ты, Данюшка, сходи к дядьке Семену, что батюшке в алтаре прислуживает, и скажи, чтобы завтра с утра собрал всех мужиков около храма, пусть несут веревки: будем сами снимать колокола.

Голос матушки звучал решительно и твердо. Она понимала, что нельзя допустить того, чтобы колокола сбросили — разобьются. Так случилось в соседнем селе Сосновке. Люди и там пробовали отстоять церковь, но приехавшие люди — милиция, как они себя называли, стали стрелять, и мужики отступили.

Дети убежали в ночную мглу, а матушка встала на колени перед иконами. «Господи, спаси и помилуй иерея Глеба, дай ему, Господи, сил, подкрепи его, в темнице страж-

дущего... Господи, просвети ум людской, омраченный ненавистью и злобой. Насади в сердцах их милосердие и любовь....»

Она молилась долго: за супруга, детей, за врагов Христовых, за всех христиан. Она молилась, пока не прибежал Даня и не сообщил, что книги из алтаря дядька Семен унес домой, что он пошел по домам звать назавтра мужиков. Девочки вернулись домой уже полночь, уставшие, замерзшие. Нюра притащила целый узел книг; клиросные книги, как ей сказали, унесла домой местная регентша — бабка Аксинья.

Матушка немного успокоилась. Она была благодарна людям, в трудную минуту не растерявшимся, не предавшим ни Бога, ни священника. Только бы иконы сохранить к батюшкиному возвращению! А в том, что он вернется, матушка не сомневалась.

Ночь она снова стояла у икон, то с надеждой вглядываясь в лики, то замирая в земных поклонах. Дети спали.

Тревожный рассвет начал медленно пробиваться в окна, когда матушка, закончив молиться, встала с колен. Было пять часов утра. Пора было доить коз и готовить детям завтрак. Быстро поделав привычные дела, она разбудила старшую дочь Дарью.

— Доченька, я пойду в храм, приберу там. Вы завтракайте без меня.

Когда она подошла к храму, сердце ее оборвалось. Повсюду были видны следы вчерашнего разорения. Был повален забор, сорвана с петель дверь, валялись горы какого-то мусора. На крыльце сиротливо стояла хоругвь, другой не было видно.

Матушка с замиранием сердца вошла в храм и снова содрогнулась. Храм был пуст: не было ни паникадила, ни подсвечников, ни икон, только возле окна стоял Крест-

Голгофа. «Господи, в который раз Тебя распяли», — простонала матушка. Она долго стояла в пустой церкви, вспоминая, как плакали здесь прихожане, испрашивая прощения друг у друга накануне Великого поста, как целовались-христосовались в Пасху, как одаривали нищих странников яблоками на Преображение. Была жизнь, была радость, жил в сердцах Бог. А теперь вот схоронили Его до лучших времен в самых потаенных уголках своей души, а кто-то и вовсе отвергся Его — смалодушничал. «Без Бога — широка дорога», — такую надпись на растянутом куске красной материи матушка как-то увидела в городе.

Вдруг до ее слуха долетели звуки пения. Что это, показалось? Матушка вышла на крыльцо и увидела странное шествие. К храму приближалась стройная, будто в крестном ходе, толпа сельчан. Впереди, высоко подняв хоругвь, шествовал дурачок Гараська. «Воскресения день, просветимся, людие! Пасха Господня, Пасха!» — радостно выводил он, ступая босыми ногами по лужам. Подойдя к церкви, он поклонился матушке в пояс:

— Христос Воскресе, матушка.

— Герасим, пост только начался, погоди христосоваться!

— Нет, матушка, Воскресе! — настойчиво и с обидой в голосе повторил Гараська.

— Ах ты, миленький. Душа твоя чистая, прозорливая, воистину Воскресе.

Мужики сгрудились вокруг матушки:

— Матушка, мы пришли колокола снимать. Благослови нас за батюшку!

— Бог нас всех благословит. Ну, за дело!

Мужики полезли на колокольню. Они стали увязывать веревками самый большой колокол. Перерубив топором старую петлю, они, дружно взявшись, стали осторожно спускать колокол с высоты. Колокол ухал языком о стенки:

то ли возмущался, то ли жаловался, что нарушили его многовековую размеренную жизнь.

Снизу Гараська командовал, размахивая руками:

— Сторожко, сторожко, идолы!

Когда колокол коснулся земли и замер, матушка пошла и погладила его «плечи». Сквозь позеленевшую поверхность «благовестника» проступала надпись: «В лето 1802-е от Рождества Христова вылит сей колокол для храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы, в благодарение Господа стараниями раба Божьего Никодима».

— Царство тебе Божие, Никодим, — перекрестилась матушка и подняла глаза вверх. Оттуда уже спускался второй колокол.

Через пару часов все пять колоколов стояли в ряд у основания колокольни.

— Куда же их, матушка? — спросил алтарник Семен.

Об этом матушка и не подумала. Куда же их девать? Увезти их — не увезут: слишком тяжелы, но разбить от злости могут. И вдруг матушку осенило: закопать!

Тут же неподалеку между храмом и погостом были вырыты ямки, и колокола с прежней осторожностью перетаскивали и опустили во временные убежища. Когда все было закончено, матушка низко поклонилась мужикам, поблагодарила. Потом подала Гараське вторую хоругвь и наказала:

— Скажи матери, Герасим, пусть спрячет хоругви дома. Понял?

— Понял, матушка, — и счастливый Гараська, схватив обе хоругви, помчался домой, распевая ликующим голосом: «Светися, светися, новый Иерусалиме!..»

Повеселевшие мужики расходились домой, следом за ними пошла домой и матушка. Уже на подходе к дому увидела она въезжавшую в село подводку: в ней сидели люди в форме. Подводка направилась в сторону церкви. Матушка

видела издали, как люди ходили вокруг храма, задирали вверх головы, снова ходили, потом сели на подводку и уехали. Матушка перекрестилась.

Потянулись дни — однообразные, безрадостные. Приходили сельчане, приносили скромные дары: постные пироги, крупу, яйца. Матушка старалась изо всех сил экономить еду, отделяя крохи и для супруга. И она видела, как вытягивались, худея, лица ребятишек. Сама она почти ничего не ела, однако молиться стала больше. А однажды матушка, войдя неслышно в дом, увидела Даню, стоящего на коленочках перед иконами. Сложив руки на груди, озираясь на дверь, он тихонько молился:

— Боженька, миленький, спаси матушку и батюшку. Им трудно, Боженька. Выпусти из тюрьмы батюшку, помоги матушке, Даше, Нюре, братику Ваське.

Он молился неумелой, но чистой детской молитвой, а матушка стояла за дверью, слушала, и по лицу ее текли слезы.

— Господи, — шептала она, — будь милосерден, услышь его чистую ангельскую молитву. Помоги ему и всем нам, Господи!

Матушка еще пару раз ходила в город, носила передачи. Как-то случайно во дворе тюрьмы она увидела Владимира — батюшкиного крестника. Отец Глеб крестил Владимира давно, еще в отрочестве. Владимир потом из села уехал и несколько раз, заезжая в гости к родителям, навещал и батюшку. Матушка обомлела, увидев его во дворе. Владимир был в военной форме, фуражке с лаковым козырьком, из-под полы гимнастерки виднелась кобура. Матушка бросилась к нему, но Владимир, заметив ее порыв, отрицательно покачал головой. Матушка сникла. Но вместе с тем в душе ее зародилась надежда. «Не может быть, чтобы он не знал о батюшке», — думала она и умоляла: «Помоги ему, Володюшка».

Наступила Страстная Седмица. Душа матушки скорбела: в такие дни и нет служб! В доме дрожащими печальными огоньками теплились лампадки, а мальчишки шепотом спорили: будет ли матушка на Пасху красить яйца. Матушка решила: беда бедой, а Христос Воскрес! В пятницу на ночь она замесила тесто, чтобы на другой день рано утром поставить в печь куличи. Когда дети уснули, она по привычке встала на молитву. Что-то волновало ее, и молитва не шла. Матушка сердилась на себя, корила за рассеяние, но волнение, почему-то радостное, не проходило. Сердце возбужденно колотилось в груди в предчувствии события значительного и светлого. Она все поняла, когда в окно постучали.

«Это Глеб», — подумала она, поднимая разом обмякшее тело с колен. Пошатываясь, прошла в сени, открыла дверь и вышла на крыльцо. Перед ней стоял ее супруг Глеб, ее бесценный батюшка.

— Лида... Лидушка, — проговорил он и опустился на колени.

Матушка провела ладонью по его остриженной голове и тоже опустилась перед ним. Они оба плакали. Матушка смотрела на дорогого человека и старалась узнать в нем родные черты. Она видела изможденного старика с ежиком отросших седых волос. Бороды не было. Не было и нескольких передних зубов. От него шел какой-то чужой, пугающий запах.

— Где же твои волосы, Глебушка? — спросила матушка.

— Ничего, Лидушка, отрастут.

— А зубы, зубы-то?

— И зубы вырастут, Лидушка, еще лучше прежних будут, — радостно смеялся он сквозь слезы. — Все будет хорошо, Лидушка, все будет хорошо...

Они долго стояли на коленях, смеясь и плача, медленно узнавая друг друга в постаревших и исхудавших лицах, поседевших волосах, в скорбных морщинках в краешках губ, в непривычных запахах. Они, как в молодости, крепко обнимали друг друга и верили: теперь даже смерть не разлучит...

Лариса Карикова

Брянск, Россия

* * *

России дух вовек не источится,
Как тысячу, как десять лет назад...
Бескровные, родные вижу лица
Погибших за нее солдат.

Отчизна — суть извечных упований
Героев Бреста, Ясс, Бородина.
России сердце — это поле брани.
С победой не кончается война...

И наши православные границы
Тьма одолеть пытается опять.
России дух вовек не источится,
Пока на Бога будем уповать,

Покуда в горний край Господни слуги
Возносят, утешая, души тех,
Кто отдал их за веру и за други,
И русских душ пред Богом больше всех.

Валентина Ефимовская
Петербург, Россия

ТРИ СЫНА — ТРИ ГОЛУБЯ

Сказание

Жене посвящаю

1

В тридцати верстах от Чернигова, на берегу живописной речки Снов расположилось село Седнев. Сюда с женой и сыном я приехал по совету нашего друга — художника из Киева.

Место, воспетое в известной песне «Стоит гора высокая...», действительно подобно раю земному.

Поселились мы в небольшом домике, что стоял под той самой горой. Хозяйкой его была сельская учительница Александра Федоровна. Дом, в котором она жила с детьми, стоял через дорогу, напротив нашего. Нам было предложено ходить к реке через ее двор. А дальше по тропке, через сочно-зеленый огород, пахнувший забытыми ароматами помидоров, цветущими початками кукурузы, огурцов, укропа и всякой радующей глаз всячины, выходил к реке под сень вековых верб. За столетия породнившиеся, накрепко переплетенные и связанные корнями, они стояли вдоль всего берега, до самого края села. И там открывался простор — и вширь, и ввысь. У небольшой плотины шумела вода, пенилась. Пузыри искрились на солнце и, с любопытством поглазев на старенькую, заброшенную водяную мельницу, лопались.

Раненько с этюдником я выходил за околицу села.

Солнце, отоспавшись в лесной берлоге, подымалось над дальним лесом. На широкие луговые просторы высыпало стадо коров.

Все вокруг, как по команде невидимого дирижера, за-сверкало, защебетало, застрекотало... Тут тебе и пастуший рожок, и жаворонок в небе, и грозные мохнатые шмели, и слаженный многоголосый хор кузнечиков. И только всю эту гармонию, спетость разрушали своим бездарным карканьем начисто лишённые музыкального слуха и птичьего бельканто черные вороны.

Какое счастье, удобно расположившись, писать этюд под звуки этой торжественной симфонии, которую можно назвать не иначе как «Рождение счастливого дня». И этюд, и написанная позже по нему картина, скорее всего, получат такое же название.

Пройдут годы. Наступит новый, двадцать первый век, а картину о рождении счастливого дня я так и не напишу. И не потому, что чувства мои о том времени притупились или что-то забылось, нет. Просто однажды там, за околицей, на исходе дня я испытал глубокое душевное потрясение, от которого у меня и сейчас холодеет душа.

А дело было так.

С целью присмотреть новые мотивы, а заодно и полюбопытствовать, что за хуторок виднеется вдали, я отправился прогуляться, прихватив с собой только приспособления для зарисовок.

Три километра не расстояние. Вот уже по глинисто-песчаной дороге с низины поднимаюсь на горку и иду вдоль тына, за которым стоит побеленная хата, покрытая соломой. Невольно вспоминаю «Вечера...» Николая Васильевича Гоголя, которые не раз приходилось иллюстрировать.

Вдоль тына цветут стройные красавицы мальвы. На кольях неизменные горшки и глечики. Во дворе куры и гуси. Гогот и кудахтанье. А вот и хозяйка из хаты вышла. «Боже мой! — думаю, — не в Диканьке ли я!»

— Здравствуйте! — улыбаясь, приветствую ее.

— Драствуйте! — отвечает мне гоголевский персонаж.

— Хорошо ли живете? — спрашиваю.

— А чего ж, слава Господу! — отвечает и подходит к тыну. — А вы ж откуда будете? — любопытствовала она.

— Из Ленинграда, — говорю и уже с восторгом разглядываю ее. «Хороша бабка!» — думаю, зарисовать бы ее.

— А не найдется ли у вас кислого молочка, бабуся? — спрашиваю, все так же улыбаясь.

— Та чего ж не найдется, заходите в хату.

И вот я уже в ее светлице. Иконы, портреты обрамлены расшитыми рушниками. Всюду чистота и порядок. Гляжу, на столе появилось и молоко свежее, и молоко кислое, сметана, отварной картофель и сало.

— Сидайте та поижте. Як вас вельчать? Ага, Анатолий, а я Горпина, ижте на здоровья!

Тронутый гостеприимством бабки Горпины, я прикладываюсь к угощению и с любопытством ее разглядываю. Похоже, с еще большим любопытством она разглядывает меня. Сидя напротив и подперев рукой подбородок, она не спускала с меня глаз. А потом неожиданно спросила:

— А чы ты не жид?!!

Я чуть не поперхнулся от столь необычного вопроса. Справившись с собой, сдерживая смех, говорю:

— А что, похож?

— Тани, я всих пытаю, — не отрывая руки от своего лица, она продолжала: — Тут була у мене вчора одна женщина, тоже приезжая, за сметаной приходила, так я ее тоже спрашиваю, а чи ты не жудовка? А вона як закрычить: «Што вы!

Нельзя так говорить!» — «А как надо говорить?» — пытаю. «Надо говорить — еурейка!» — «Э-э-э! — отвечаю ей, — еурейка, не еурейка, а все равно жудовка!» А она мне: «Лучше бы вы ударили меня по лицу, чем так говорить», — сказала и пишла. Може, и не прыйде бильше за сметаную...

Так еще какое-то время мы пообщались, и, поблагодарив вполне гоголевскую бабку Горпину за щедрое угощение, я простился с ней и отправился в Седнев.

По дороге сделал несколько зарисовок подходящих мотивов для написания этюдов к следующему дню.

Удовлетворенный впечатлениями прожитого дня, шел я неторопливо, созерцая картину угасающего дня и наступления вечера. Короткая пауза между днем и ночью, а сколько в ней несказанной красоты! Что-то есть в этой паузе праздничное и величественное. Картина художника Куинджи «Вечер на Украине» — яркое тому подтверждение.

Солнце, отработав свою смену, скатывалось за перекатные холмы, по верхнему краю которых виднелась полоска зреющей ржи. Оттуда снимались стайки птиц и тихо, без шума устремлялись через широкую долину к чернеющей полосе леса.

Когда я подходил к селу, оно уже погрузилось в сумерки.

И вдруг откуда-то издалека донеслось:

— И-д-и-т-ь, д-и-т-ы, до-до-му-у-у!

Голос матери, зовущей своих детей, пролетал высоко-высоко над землей, небесным эхом умножался, проникая в самые отдаленные уголки.

В голосе матери было так много страдания, усталости и отчаяния, что мне стало страшно.

Потрясенный, я не мог двинуться с места. Стоял, глядел в небо и ждал, не повторится ли еще так взволновавший меня зов матери. И он повторился: «Идите ди...». Остальное растаяло, потому как прозвучал он уже где-то далеко-далеко, за тысячи километров от Седнева.

Что же это было?! Мать сзывает к дому своих детей. Это ясно. Всякому знакомо это из детства. Тогда почему же от этого зова матери сжимается сердце, а к горлу подступает удушающий ком?

Кто она? При каких обстоятельствах потеряла своих детей? Наверное, не так уж важно, потом подумал я, зная это, важно то, что она Святая мать.

Мог ли я предположить, что этой ночью узнаю, и кто она, и что хожу по той же улице, по которой ступали когда-то и ее ноги.

Когда подходил к дому, в сумерках увидел группу женщин у калитки Александры Федоровны. Словно опасаясь чего-то, они говорили тихо, а умолкнув, горестно вздыхали. После моего приветствия несколько женщин заторопились домой. Остались Александра Федоровна и ее соседка, бабка Меланья.

— А вы слышали зов матери? — начал я.

— Слышали, слышали, — почти в один голос ответили они. А бабка Меланья продолжила:

— Мы уже более пятидесяти годков слышим голос Ганны. Как только стемнеет, она кличет своих детей. Бывает, что подолгу ее не слышать. Значит, носится, бедолашная, где-то очень далеко и голос ее сюда не долетает. А нынче вернулась в наши края...

Мое желание немедленно все узнать было так велико, что бабке Меланье, хорошо помнившей Ганну, не оставалось ничего другого, как пригласить меня в свою хату. При свете тусклой лампочки она указала на иконку, что висела за лампадкой. Иконка, как это принято на Украине, была покрыта рушником, расшитым крестиком красной и черной нитью. На двух его сторонах были вышиты петушки и красной нитью выведено «С добрым утром!».

— Когда Омельян-то, муж ее, помер три года тому, я забрала к себе эту иконку, родительское благословение Ган-

ны, и этот рушник, расшитый ее руками. Омельян до последнего дня ставил в углу, водил рукой по вышивке, будто касался рук своей Ганны. Губами шевелит — говорить-то он не мог, — глаза закрыты, а из них слезы по щекам скатываются. Так-то... Настродался Омельюшко. Так называла его Ганна. Бывало, допоздна не заходит в хату, а сидит под ней, прислушивается, ждет ее голоса. А как услышит, вскочит, рот раскроет, видать, кликнуть Ганну хочет, а закричать не может, тут и падает без памяти. И так каждый раз. По утрам, хромым, едва живой, поднимался на гору к своим сыночкам. Там их могилка. Погорюет, погорюет, да и к дому.

Попейте молочка с хлебом и послушайте, что я вам расскажу.

2

Ганна, дочь Василия Пластуна, была уже, как говорят, на выданье... В свои восемнадцать годков она была подобна тому редкостному цветку, что цветет только один раз в жизни.

«Ах, до чего же хороша девка!» — встретив Ганну, подумала о ней старая Явдоха, добрая ивашковская гадалка и знахарка.

— Здравствуйте, бабуся! — приветствовала девушка старуху.

— Здравствуй, мое золотко, здравствуй! Нарядилась-то как гарно! С чего бы это?

— Дак ведь праздник, бабуся! Десять лет власти советской! За околицей будем песни петь и хороводы водить...

— Тьфу, прости господи! — сплюнула Явдоха. — В такой праздник впору слезами обливаться, а не то что веселиться!

— Отчего же? — спросила Ганна.

— А оттого, золотко мое, что при прежней власти ты, моя красавица, не босая стояла бы сейчас передо мною, а в красных сапожках! Да и шейка твоя лебединая в хорошем наместе была бы!

Смущенная девушка, склонив голову, украшенную веночком из самодельных цветов и разноцветными атласными лентами, теребила в руках свою длинную косу и глядела на свои босые ноги. Мысли ее тотчас устремились в прежнее время. Девочкой-подростком отец брал ее на Черниговскую ярмарку, где видела она нарядных панночек, разъезжающих на разукрашенных каретах, и как вокруг их вьонком вились кавалеры, один краше другого.

Явдоха, кажется, угадала мысли Ганны.

— Была бы ты краше любой панночки, и вились бы вокруг тебя не ивашковские голодранцы, а видные и знатные кавалеры...

Неловко улыбнувшись и все так же глядя куда-то в некое темное пространство, Ганна проговорила:

— С панночками, бабуся, покончено... А сапожки красные и наместо хорошее у меня непременно будут.

— Дай тебе бог, моя дорогая! Краса ненаглядная! Всякий раз гляжу на тебя и наглядеться не могу...

Ганна обняла старую Явдоху и расцеловала:

— Как же я люблю вас, бабуся! Сколько помню, вы всегда были добры ко мне. В страшное лихолетье поддерживали нас с мамкой. Последним кусочком хлеба делились. Татко-то на войне был! Он всегда говорит: «Явдоха — моя сестра. Она спасла мою семью! По гроб ей буду благодарен! А конфетка ваша, бабуся! Помните, как я всегда радовалась вашему угощению конфеткой! Нет и, наверное, никогда не будет более вкусной конфетки, чем ваша! А что выдалась я такая, то, может, только благодаря вам! Ой, заговорились мы, побегу, бабуся, без меня петь не станут!

— Знаю, знаю, золотко мое. Ты ведь первая певунья, и твой голосок ни с кем не спутаешь. Бывает, ввечеру распахну окошко, поют то там, то сям. А я слухом своим старушечьим отыщу твой голосок, слушаю, и, ей-богу, слезы с моих глаз текут и текут...

И уже глаза растроганной Ганны увлажнились от наворачившихся слез. Явдоха протянула свои старческие руки, с нежностью взяла ими головку девушки, поцеловала ее в лобик и сказала:

— Ну, беги с Богом! Беги, моя дорогая!

И уже Ганна готова была сорваться с места и бежать, но Явдоха остановила ее:

— Постой, Ганночка! Никогда мне так не хотелось посмотреть твои ручки, как теперь. Дай-ка мне их!

Протянула Ганна руки и с любопытством посмотрела на свою добрую гадалку.

— Что же вы видите, бабуся? — спросила Ганна.

— А что вижу? Вижу, совсем скоро замуж пойдешь, золотко мое!

— Да быть того не может! — засмеялась девушка. — И кто же мой суженый?

— Хороший человек, дитя мое! Большая любовь свяжет вас, и будет у вас три сына...

Выхватив руки из рук Явдохи, Ганна обняла ее.

— Сбылось бы это, бабуся! — заволновалась девушка.

— Сбудется, конечно, сбудется! Сегодня я вижу как никогда прежде, поэтому дай-ка мне досмотреть твои золотые ручки.

Счастливая Ганна протянула руки и, уже не надеясь услышать более счастливого предсказание, глядела поверх головы старенькой гадалки куда-то далеко вдаль.

— О боже праведный! — закричала Явдоха. — Нет! Нет! Не доведи, господи!

Она уткнулась своим лицом в жаркие ладони Ганны, а когда подняла голову, ладони девушки были мокрые от слез.

Встрепенулась Ганна:

— Что вы увидели, бабуся? Скажите же мне скорее!

Полуживая, Явдоха поглядела на Ганну и спокойно сказала:

— Что-то мне, Ганнусю, нездоровится... голова закружилась.

— Я провожу вас к дому! Я не оставлю вас! — забеспокоилась Ганна.

— Не тревожься, доченька, пройдет. И до дому я дойду... Вот здесь, у калитки Марьяны Моторной, посижу на скамье и после пойду домой... А ты беги... Там уж заждались тебя...

Побежала счастливая Ганна. Оглянулась и снова побежала. На ветру развевались ее яркие ленты. И вскоре до Явдохи донеслась девичья песня, в которой верховодил голос ее обожаемой Ганны. Потрясенная увиденным на ладонях своей любимицы, Явдоха шептала одну молитву за другой. Она просила, умоляла Господа:

— Останови, всеильный Боже, неизбежность беды и горя, уготованного Ганне!

Силы оставляли старую Явдоху. Тяжело дыша, она глядела туда, откуда доносился голос поющей Ганны, а губы ее прерывисто шептали: «Ганнуся моя, золотко мое... Скоро ты полюбишь... Выйдешь замуж... Будешь счастлива... Один за другим родятся у тебя три сына... Как ты их будешь любить! Да почти детьми ты их потеряешь... Бедная, бедная моя детка! Это еще не все... Еще более страшное испытание уготовано тебе... Ты никогда не умрешь... Ты будешь вечно искать своих сыновей по всей земле...»

Это были последние слова старой Явдохи. Вся Ивашковка была опечалена уходом из жизни всеми почитаемой

знахарки. Пуще же всех убивалась по своей бабушке Ганна, дочь Василия Пластуна.

Для Ганны наступило томительное ожидание прихода в ее жизнь чего-то нового, светлого, радостного. Все реже она появлялась в обществе своих подруг. А дома отец и мать стали замечать перемены в поведении их дочери. То она вмиг зальется краской, то места себе не находит, то ни с того ни с сего обнимет и расцелует их. То вдруг взгрустнет, подумав: «А не ошиблась ли бабушка в своем предсказании?» И будто услышав голос Явдохи: «Сбудется, непременно сбудется, золотко мое!» — она вскакивала, бежала за околицу и, нарвав букет цветов бессмертника, несла их на ее могилку. И тут, срывая сорную травку с могилки, она вслух обращалась к Явдохе:

— Ах, бабуся! Если бы знать, откуда придет оно, мое счастье, кинулась бы ему навстречу и бежала бы, не давая себе ни минуты отдыха, а встретив, низко поклонилась бы ему и сказала: «Прости меня, счастье мое! Не стало сил моих больше ждать тебя! Вот и побежала тебе навстречу! Возьми же мое сердце, а мне дай свое! Я буду беречь его, лелеять! Я пронесу его через всю свою жизнь!»

В один из дней Василий Пластун стал с вечера готовиться к отъезду на мельницу в Седнев. Как узнала об этом его дочь, то настойчиво стала просить отца взять ее с собой. Прежде такого не бывало. А тут: «Таточку, тату, возьмите меня с собой на мельницу!» Глаза горят, щеки зарделись.

Попробовал Василий пресечь странную просьбу Ганны:

— Нечего тебе там делать! Не маленькая раскатываться! Да и зачем тебе в такую рань подыматься. Отоспишься да на лугу сено повороши — не задохлось бы после дождя...

Увидела мать отчаяние дочери и говорит Василию:

— Батько, да возьми ты ее! Пускай девка развеется! Дома ведь засиделась!

Сдался Василий.

«Ладно,— подумал он,— и правда, пусть прокатится наша Ганнуся. Да и мне веселее. Двенадцать верст — не малый свет, от молчания устаешь...»

Забросили втроем в телегу мешок с зерном. Одному Василию не справиться: давало о себе знать ранение в спину — память о недолгом пребывании его в войске батьки Махно.

Отправляясь ко сну, Василий напомнил дочери:

— Ежели проспичь, доченька, повороши сено!..

Непонятное возбуждение охватило Ганну. Оно не давало ей предаться сну. Она долго ворочалась и наконец уснула. И проспала бы, не явись к ней во сне добрая Явдоха: «Не проси счастье свое, золотко мое!»

Только-только начинало светать. Конь, которому Василий дал кличку Махно, мерно бежал по накатанным степным дорогам. С обочин иногда взлетали разбуженные птицы. На темно-синем небосводе еще хороводили звезды. Некоторые, выбыв из игры, стремительно летели к земле.

Ганна ехала навстречу своей судьбе! Она еще этого не знала, но сердцем чувствовала: что-то должно произойти очень для нее важное.

— Доченька, хорошо ли тебе? Не продрогла ли? — обратился к ней отец.

— Хорошо, тату! Никогда прежде мне не было так хорошо! Спасибо вам! Я люблю вас с мамкой!

Тронутый словами дочери, Василий взял горячую руку Ганны, нежно стиснул ее и сказал:

— И мы тебя любим, доченька!

Уже рассвело настолько, что хорошо просматривались дали. Небо перед ними зажелтело, потом зарозовело,

и вскоре показался краешек восходящего солнца. Оно поднималось быстро.

Проехав небольшой хуторок, дорога круто повернула, и они спустились в широкую долину. Справа по огромному ее простору петляла речка. Слева группы огромных верб образовали несколько тенистых роц. За ними вдоль дороги пошли перекастистые холмы.

— Впереди, дочка, виден Седнев! — сказал Василий.

— Таточку, остановите коня! — Ганна умоляюще глядела на отца.

— Тпр-р-р! — скомандовал коню Василий.— Что с тобой, доченька?

Ни слова не говоря, она соскочила с телеги и какое-то время шла, ступая босыми ногами по росяной траве. Потом сорвалась и побежала.

Василий, ничего не понимая, крикнул вслед:

— Ганно! Куда же ты? Постой!

Но она уже не слышала отца.

Он хлестнул батогом коня. От неожиданного удара Махно стал на дыбы, потом рванул и понесся...

Василий гнал коня, стегал его батогом и кричал:

— Ганно! Постой же, доченька!

Вскоре он потерял ее из виду.

Въехал в село. Промчался по пустынной улочке и свернул к реке. И глазам своим не поверил: возле водяной мельницы его дочь не торопясь срывала лютики и ромашки и сплетала их в венок.

Остановил Василий взмыленного коня. Подбежал к дочери. Лица на нем нет. Перепуганный, трясется весь, обнимает ее:

— Что с тобой, доченька? Зачем ты убежала от меня? Зачем ты это сделала?

— Таточку! И сама не знаю, что со мной! Помню, сошла с телеги, ступила на росяную травку. И тут почудилось

мне, что нахожусь я в сказочном царстве. Солнышко нежно ласкает меня. В мягкой шелковистой траве горит множество разноцветных огоньков... То красный, то голубой, то желтый и снова красный! Все вокруг мерцает, переливается. Большие шмели перелетают от одного огонька к другому и грозно гудят! А вороны, таточку! Они совсем не такие, как в нашей Ивашковке! Вы видели, как они сопровождали нас! Перелетая с холма на холм, они радовались нашему здесь появлению! Вдруг мне почудилось, что за моей спиной выросли крылья! Я про все на свете забыла! Снялась и полетела...

— Как же ты, Ганнусю, нашла дорогу на мельницу? — спросил Василий.

— И сама не знаю, тату... Ноги сами привели меня сюда!

— Ах ты, боже ты мой! Досмерти ты меня напугала, доченька! И зачем только я тебя взял! Больше не просись — не возьму!

— Не жалеите, может, больше и не нужно будет! — сказала Ганна, прилаживая к голове веночек.

— Ладно. Ты уж никуда не убегай, дочка! Побудь у телеги, а я зайду в мельницу, попрошу Омельяна снести мешок.

Много раз слышала Ганна, как отец расхваливал мельника Омельяна. Но сейчас для нее это имя прозвучало как-то по-особому. Она почувствовала волнение.

— Что же со мной происходит? — спрашивала она себя.— Что ждет меня здесь? Отчего всем сердцем я рвалась и летела сюда, не чувствуя под ногами земли?

От мельницы доносился шум падающей воды.

Река искрилась, слепила глаза Ганне.

В огромных вербах стаи птиц, укрывшись в густой листве, старались перекричать друг друга.

На телегах с зерном съезжались люди.

— День добрый!

Ганна вздрогнула. Обернулась.

Рядом с ее отцом стоял припорошенный мукой тот самый мельник Омелян.

Как увидел он лицо Ганны, растерянно запнулся и почему-то снова сбивчиво повторил приветствие:

— Д-день д-добрый!

Ганна залилась краской, опустила глаза и едва слышно ответила:

— Добрый...

Вскоре сыграли свадьбу. И не было во всем белом свете более счастливой пары, чем Омелян и Ганна. Через год у них родился первенец. В честь отца Ганны его назвали Васильком. Как хороша была Ганна с младенцем на руках! Как и Богородица, она была достойна кисти святого апостола Луки. Как и мадонна Рафаэля, она несла на руках своего младенца с тем же чувством святой материнской любви и глубокой душевной тревоги за его будущее.

Сельчане, встречая Ганну, невольно уступали ей дорогу. Потом еще долго провожали ее взглядом, любясь и необыкновенной красотой молодой матери, и тем, как несла она на руках свое дитя, как плавно шла, почти не касаясь ногами земли. Лента, вплетенная в ее толстую косу, завораживала, развеиваясь на ветру.

Возле их хаты цвели жасмин, георгины, настурции, мальвы. Ганна очень любила цветы. Много хлопотала возле них. Охотно делилась с сельчанами семенами. Год-другой — и Седнев было не узнать: все хатки утопали в веселом многоцветии.

Увлечением Омеляна были его голуби. Им он отдавал свободное от мельницы время. Привил ему любовь к этим птицам еще его отец, тоже мельник, Иван Сказка. У них

всегда стояла высокая голубятня, и над их хатой многие годы поднимались в небо стаи голубей. Они кружились, кувыркались, потом все разом или поодиночке возвращались в свое жилище.

Подростком забирался Омелян на голубятню, удобно там располагался и мог часами любоваться полетом голубей. Однажды он спускался с голубятни, оступился и упал на землю, повредив при этом ногу. С тех пор при ходьбе хромал.

Потом отца не стало. Омелян вырос и тоже стал мельником. Голубятня обветшала и почти развалилась. Часть голубей ютилась на ее останках, часть поселилась на горнице, а некоторые предпочли обитать на соломенной крыше.

Теперь у Омеляна родился сын. Он вырастет и также будет любить голубей.

И решил Омелян построить новую голубятню, и чтобы была она лучше прежней. Он расположился во дворе. Пилил. Строгал. Невдалеке от него, под развесистой вишней, сидела его Ганна с дитем на руках. Смотрела и любовалась каждым движением умелых и сильных рук своего мужа. Поистине библейская картина!

Так они жили-поживали. За Васильком у них родился Петрусь, а за Петрусем — Иванко. Омелян и Ганна были счастливы и души не чаяли в своих хлопчиках. Хлопчиками любил называть своих сыновей Омелян. Он с ними рыбачил, брал с собой на сенокос. Больше всего дети любили быть поближе к отцу, когда тот был занят на мельнице. Там, у небольшой плотины, они подолгу плескались в реке, пока не доносился до них голос матери, зовущей их к обеду:

— И-ди-ть, ди-ты, до-до-му-у-у!

Вместе с отцом, когда он был свободен, поднимали в небо голубей. Посвистывали. Подбрасывали вверх свои картузики. А старший братец, Василько, прикрепив к длин-

ной палице белую рубашонку, размахивал ею, вынуждая голубей подняться как можно выше. У каждого из братьев был свой любимый голубь, и для каждого он был самый лучший.

Иной раз начинался спор. Чтобы разрешить его, закрывали братья всех голубей в голубятне и выпускали в небо только своих любимцев. А те, будто понимая, чего от них хотят, выделывали в небе такое, что у мальчишек дух захватывало.

Самым виртуозным вертуном был признан голубь по имени Чкалов, младшенького, Иванка. Отец, впервые наблюдавший за кувырканьем этого красавца, дал ему это имя.

— Ай да сукин ты сын! Что вытворяет! Нет, вы только поглядите, хлопчики! Камнем падает с высоты на землю и, чуть не долетев до крыши хаты, взмывает в небо! Ну, форменный Чкалов! — восклицал в изумлении Омелян.

Василько и Петрусь, признавая первенство Чкалова, любили своих голубей не меньше. Вот только имен, столь крылатых, как у голубя Иванка, придумать не могли. Василько назвал своего Рудой, а Петрусь своего — Серый.

В радостях и горестях шли годы. Так уж вышло, что горести не обошли их стороной. В двадцать девятом и тридцать третьем годах страшный голод гулял по Украине. Он стучался в окна их хаты, ломился в двери, требуя свою дань.

Истощенный и обессиленный, Омелян блуждал по окрестным селам в надежде добыть семье хоть что-нибудь съестное. По раскисшим осенним дорогам шел он, время от времени теряя сознание. Как-то во время сильного урагана, настигшего его в степи, он добрел до огромной скирды соломы, спрятался в ней, чтобы переждать непогоду. Не выдержав натиска ветра, половина скирды опрокинулась и завалила несчастного путника... «Это конец...» — подумал

Омелян. Вспомнил своих отца и мать. Встали перед глазами его Ганнуса с Васильком и Петрусем. Она прижимала к себе детей и, глядя в окошко, говорила: «Скоро наш татко придет!..»

Чудом выбрался из-под завала Омелян и продолжил свой путь. Где-то собрал десятка три колосьев с зерном. На пустом поле, в прошлом засаженном картофелем, нашел с полведра полусгнивших картофелин.

Потом горе отступило. Как и все люди, Омелян и Ганна мечтали о будущем, строили планы. Радовались тому, как быстро подрастают их сыновья и как легко они постигают непростые премудрости жизни. Двенадцатилетний Василько объявил отцу и матери:

— Хочу быть мельником, как татко! Только мельница у меня будет не водяная, а электрическая и большая, не то что наша, прохудившаяся и маленькая. И мука, смолотая мною, будет, как у татко, самая лучшая. И хлеб и пряники будут с нее самые вкусные! В Черниговской газете будет мой портрет и под ним подпись: «Лучший в стране мельник Василий Сказка». Вы повесите мой портрет в светлице и всем будете говорить: «Это наш Василек!» — «Ай да Василек! Ай да молодец!» — будут говорить вам люди. Вы будете слушать их и гордиться мною!

— А я,— заговорил десятилетний Петрусь,— моряком буду. Вырасту, построю для начала небольшой кораблик, возле мельницы спущу его на воду и поплыву на нем сначала в Десну, а из Десны в синее море! Побываю в разных странах! Накуплю много конфет и привезу вам. В Москве в газете напечатают мой портрет и подпишут: «Лучший в стране моряк Петрусь Сказка!» Вы повесите мой портрет рядом с Васильком и тоже будете гордиться мною!

— А я буду летчиком, как Чкалов! — выступил вперед восьмилетний Иванко.— Буду летать высоко-высоко и бы-

стро-быстро. Прилечу к вам и стану летать над нашей хатой и кидать с неба вам подарки. Люди будут спрашивать: «Кто же это летает, такой смелый и добрый!» А вы ответите: «Это наш сокол, Иванко!» И будете всех угощать подарками и тоже гордиться мной!

Растроганные детскими мечтами своих сыновей, Омельян и Ганна какое-то время сидели в счастливом оцепенении. Жизнь рисовалась им светлой и безоблачной. Вдруг послышался дробный топот конских копыт. По улице мимо их хаты пронесся в бешеном галопе конь с юным всадником. Чужа недоброе, они кинулись с детьми на улицу. Оставляя за собой шлейф пыли, всадник и конь взобрались на высокую гору, воспетую в народной песне. Вздыбился конь. Юный всадник изо всех сил закричал:

— Война!

Немцы заняли село быстро. По-деловому стали обустройства. Выбрасывали людей из их хат и сами располагались в них. В некоторых дворах неистово, захлебываясь в злобе, лаяли цепные собаки. Звучали одиночные выстрелы. Воцарилась тишина. Всюду чужой смех, чужая речь, чужая музыка. Под горою, на месте сельского пляжика, стояли три танка. На одном из них сидел полуголый немец и наигрывал на губной гармошке веселую мелодию. Остальные танкисты купались в реке. По всему селу неустанно трудились немецкие мародеры. Лезли в сараи. Хватали свиней. Те визжали. Ловили кур, те, испуганные, кудахтали... Опустошались коморы, кладовки, погреба.

Омельян и Ганна с детьми укрылись на мельнице. Ее ветхость не привлекала немцев. Кое-что из пропитания им удалось спрятать на мельнице. Остальное оставалось в их дворе. В сарае — их любимица корова Зорька и десятка полтора кур. Всю их семью выдворили из хаты, как только к ним во двор въехала походная кухня. Повар — здоровый,

рыжий, с лоснящимся красным лицом немец — давал распоряжение солдатам, где удобнее ее поставить. В хату таскали ящики с провиантом, посудой, коробки с шоколадом и тушенкой.

Вскоре задымила кухня. Во дворе солдаты ловили кур и запихивали их в деревянные ящики. Сюда же сносили кур со всего села. За всеми действиями немцев наблюдали Василек, Петрусь и Иванко. Спрятавшись в огороде за высокими подсолнухами, они во все глаза глядели на происходящее в их дворе. Вот рыжий немец снял с себя походной китель и, закатав рукава белой рубахи, подошел к ящикам с курами, достал первую попавшую ему курицу. Какое-то время, широко улыбаясь, он держал ее двумя руками, наслаждаясь ее перепуганным видом. Потом зажал ее головку между двух пальцев, широко размахнулся — и полетела курица в огород и стала там трепыхаться. Посмотрели на нее дети и увидели: курица была без головы. За первой курицей полетели и другие. И скоро весь огород белел бьющими крыльями о землю безголовыми птицами. Таковую экзекуцию курам рыжий немец устраивал почти каждый день.

Братья на это больше не смотрели. Их волновало, что будет с голубями. Еды для них становилось все меньше. Они обследовали все уголки на мельнице и собрали там все до зернышка. Рыжий немец скоро привык к появлению у голубятни мальчишек. Как-то даже угостил их шоколадом.

Мало-помалу братья стали выпускать голубей на волю. А те, соскучившись по небу, кружили над селом и взирали на землю. Все для них казалось странным, непонятным. Куда девались люди, которые всегда глядели в небо и любовались их полетом? Отчего не слышно их смеха и песен? И почему лая собак не слышно, умолкли петушинные крики и куриное кудахтанье? Кто и почему в ночи негромко плачет и стонет? И наконец, что за люди в селе и в их дворе?

И, наверное, размышляя так, голуби с грустью возвращались в голубятню. Братья закрывали их, спускались на землю и через огород шли к реке. Усаживались под вербой и молча смотрели на другой берег.

— Голубям было весело, когда во дворе они видели только нас и татко,— заговорил Василек.— А теперь там рыжий повар. Ему бы только курам головы откручивать. Думаете, голуби не понимают, кто свой, а кто чужой?

— Еще как понимают,— подтвердил Петрусь.— Мой Серый ни за что не станет перед немцами вертеться в небе.

— И мой Чкалов не станет,— сказал Иванко.

— А давайте завтра выпустим голубей,— обратился к братьям Василек,— они полетают-полетают над селом и станут возвращаться в голубятню, а мы им скажем: «Покувыркайтесь, наши голубочки, на радость нам хоть тропешки!» На какое-то время закроем дверцу и помашем им картузами.

— А как станут вертеться наши голуби и это понравится немцам? — засомневался Петрусь.

— Так и что! Пусть нравится, голуби-то для нас будут стараться,— возразил Василек.

— А ежели они захотят отобрать у нас наших голубей, тогда что? — настаивал Петрусь.

— А зачем они им, с них супа не сварить. Им кур подавай да свиной. Верно, Иванко? — обратился за поддержкой к младшенькому Василек.

Иванко одобрительно кивнул головой и сказал:

— А вот станет им завидно, что у нас такие голуби, заберется рыжий в голубятню и открутит всем голубям голловки.

Братья задумались. Но желание хоть немного полюбоваться полетом голубей взяло верх. Петрусь и Иванко согласились с предложением Василька. Солнце, скользнув по

верхушкам деревьев, спряталось за горой. В реке изредка всплескивалась рыба. Со стороны старой церкви доносились мелодия немецкой песенки и пьяные голоса немцев. По зову матери братья вскочили и по тропке, идущей вдоль берега, помчались к водяной мельнице.

На другой день рано утром появился на мельницу староста с полицаем и наказал Омельяну явиться к девяти часам к управе. Его вместе с другими инвалидами и стариками отправят на окопные работы. Староста Михай Добгань в свое время приехал в Седнев из Ужгорода. Устроился на местной пилораме. Женился на Фекле Ткачук и стал законным обитателем села. Он единственный, кто встретил немцев хлебом и солью. За это и получил важную должность.

По иронии судьбы в его доме, вернее, в доме его жены, доживал свою долгую жизнь старый бандурист Олекса Ткачук, дед Феклы. Девяностолетний старец в свое время прошел пешком всю Украину со своей бандурой. Сочинял и пел, вызывая у людей глубокие чувства. В селе о нем почти забыли, забыли и звуки струн его бандуры. А тут, как только вошли в село немцы, достал Олекса свою почерневшую от времени бандуру, с трудом взобрался на высокую гору, сел на знакомый ему камень, ударил по струнам и запел:

Ой як чорна хмара

Налетили вороны на нашу Украину!

На гору потянулись люди. Стояли и слушали старого Ткачука. Слушали и дивились: откуда он взялся, не с того ли света? Стали подходить и немецкие солдаты. С любопытством и непониманием смысла песни старого бандуриста. Они скорее разглядывали его, чем слушали. А он, беловолосый, белобородый, казался пришельцем из тех седых времен, когда в лихую годину по земле ходили

Баяны и своими песнями-сказами поднимали народ против пришельцев на их землю.

Прибежал запыхавшийся староста Михай Добгань с двумя полицаями. Схватили под руки старого Олексу и потащили в управу. Больше бандуриста никто не видел. Не увидела его и Фекла. Узнав об исчезновении деда, она ушла из села. Поговаривали, что ушла к партизанам.

Проводив Омельяна, Ганна побежала к дому доить Зорьку. Молоко отбирал рыжий немец. Она же умудрялась отлить своим деткам хотя бы по стаканчику теплого молочка. Ведь там, на мельнице, они сидят и ждут ее.

Скудно позавтракав, братья отправились к своей голубятне. Подошли к огороду и уже ступили на тропку, идущую от реки к дому, как вдруг услышали свист и хохот. Глянули на голубятню, а на ней стоял рыжий, по пояс голый, и размахивая своей рубахой, выгоняя голубей из голубятни. Под ней стояли немецкие офицеры. Их было пятеро. Задрав головы кверху, они весело гоготали и что-то советовали рыжему.

Перепуганные голуби взмывали в небо, не понимая, чего от них хотят. Сбившись в стаю, они зависли над голубятней. И уже некоторые вертуны изготовились перейти в голубиное пике, как вдруг один из офицеров достал пистолет и выстрелил. Подстреленный голубь упал на землю. Все похлопывали по плечу удачливого стрелка.

Затем все достали оружие и, целясь в доверчивых птиц, стреляли, стреляли, стреляли... Голуби падали, падали, падали...

— Не надо вбивать!!! Не надо вбивать!!!

Услышав душераздирающий крик Василька, немцы прекратили стрельбу. И с удивлением глядели на бежавшего к ним подростка с обезумевшими от ужаса глазами. Василько подбежал к немцам. Он глядел в их холодные глаза и повторял, всхлипывая, едва слышно: «Не надо вбивать!..

Не надо вбивать!..» Потом стал медленно опускать глаза. У лакированных сапог немецких офицеров лежали мертвые голуби. Какое-то время Василько глядел на них, потом опустился на колени и, подняв голову к небу, закричал в страшном отчаянии:

— Та-ту-у-у!

Обессиленный, он упал лицом в мертвых птиц и загребал руками вокруг безжизненные тельца голубей. Он прижимал их к своей голове, весь перемазавшись кровью своих любимцев.

— Сынок!!! Ва-си-ле-е-ек!!!

Через огороды бежала Ганна. Добежав до сына и увидев его, окровавленного, она громко охнув, упала без чувств.

Василек кинулся к матери:

— Мамусю! Мамусю! Я живой, мамусю!

Немцы молча разошлись. Рыжий повар принес в ведре воды и плеснул на Ганну.

Увидев живого сына, она расцеловала его головку, плечики, ручки и, прижимая его к своему сердцу, приговаривала: «Сыночек мой! Золотко мое! Деточка моя ненаглядная, голубь ты мой сизокрылый!»

Как только Василько оставил Петруся и Иванко и побежал к немцам, напуганные братья побежали к мельнице. Бежали и кричали:

— Мамусю! Мамусю! Там немцы вбивают голубив! Там Василек!

— Ой, боже ж ты мий!— закричала Ганна и побежала.

Поутру Омельян взял два мешка и сказал Ганне:

— Пойду, Ганнусю, соберу голубей да захороню их. Смотри за хлопчиками... а я пойду.

— Тату, и я з вами,— подошел к отцу Василек.

Омельян поглядел на сына, повзрослевшего за каких-то несколько часов, притянул его к себе, тихо промолвил:

— Пойдем, сынок...

— И мы, татку, з вами,— выскочили из-за стола Петрусь и Иванко...

— А для вас, хлопчики мои, есть дело. Накопайте червей, вечером возьму вас на рыбалку. Договорились?

— Договорились,— в один голос ответили братья.

Собрав в мешки голубей, отец и сын вышли на улицу.

— Тату, а где же мы их захороним? — спросил отца Василек.

— Они любили небо, сынок. Вот и захороним их поближе к небу, на вершине нашей горы.

Взобравшись на гору, Омелян определил место и стал копать.

— Сынку, пока я копаю, смотай-ка к старой церкви, там хорошие кусты красной калины. Наломай и бегом сюды! Не класть же их просто в землю без подстилочки.

Василько умчался. А Омелян, скрывавший до этого от сына свои глаза, влажные от слез, достал платок и протер их. Посмотрел на мешки с голубями и подумал, что в мешках с пятнами крови — расстрелянная любовь к прекрасным птицам и его отца, и его самого, и его дорогих хлопчиков. «Боже, какая же глубокая, незаживающая рана образуется теперь в их детских душах... Бедные мои ясные соколы!»

С охапкой наломанной калины красной прибежал запыхавшийся Василько. Отец похвалил сына.

— Отдышись, сынок,— заботливо проговорил Омелян. Его пугала глубина потрясения, пережитого Васильком. Все утро он присматривался к нему. С женой они не спали ночь, встревоженные криками Василька во сне: «Не надо вбивать!!!» Они подбегали к сыну, целовали его лобик, гладили головку и оба плакали.

Докончив копать яму, Омелян отложил лопату, подтянул к яме мешки с голубями и ветки калины и хотел уже

приступить к печальному действию. Взглянул на сына... и ком подступил к его горлу. Василек отвернулся от ямы. Судорожно прижал ручки к глазам, чтобы только не видеть, как отец будет укладывать их голубей в сырую землю. Тело его вздрагивало. А из недр его ангельской души вырывались такие звуки, как если бы через тонкое отверстие пропустить громогласный крик отчаяния.

— Что же я делаю, боже праведный! — прошептал Омелян.

Он встал на колени перед сыном, нежно отвел его ладони от переполненных слезами глаз и, с трудом изображая улыбку, заговорил с ним тем просительным тоном, от которого сыновья всегда были готовы выполнить любое желание отца.

— Василечек, сынок! Ты вот что: беги сейчас на мельницу и проверь, накопили Петрусь и Иванко червей или нет. Сегодня должна быть хорошая рыбалка. Наша матуся мировую ухичку сварит. Хорошо?

Василек кивнул головой.

— Ну вот и хорошо! Беги! А про голубятню сейчас забудьте и не ходите туда больше. Не дразните рыжего немца. А голуби у нас будут! Еще какие голуби! Я тут скоро справлюсь и приду. Так матусе и передай...

Слетел с горы Василек. Мимо трех танков по тропке вдоль берега помчался к мельнице. Захоронил Омелян голубей. Насыпал холмик и украсил его ветками калины красной с яркими гроздьями ягод.

Весь день Ганна не спускала глаз с детей и не отпускала их от себя ни на шаг. Она тревожилась и за них, и за Омеляна. Не раз, мельком взглянув на мужа, она видела, с какой силой сжимались до хруста его кулаки. Как от нахлынувшей ярости лицо его наливалось кровью, а спустя мгновение покрывалось мертвенной бледностью. Она бро-

сала все и кидалась к нему, успокаивала. А он, стиснув зубы, стучал себя по ноге и со стоном говорил:

— Эх, эта проклятая хромота!

Из-за нее Омельяна не взяли на фронт. Ему казалось, что в расстреле голубей и в душевных травмах его сыновей есть и его вина.

И теперь Ганна видела, с какой отцовской нежностью он занимался с детьми. Как старался отвести их мысли от вчерашнего потрясения.

Собирал их на рыбалку: «Василек, принеси то! Петрусь, подай это! Иваночку, помоги, сыночек, Васильку!»

Ганна глядела, слезы невольно текли по ее прекрасному лицу, а губы шептали: «Боже! Как же я всех вас люблю!»

На третий день после случившегося Омельян пораньше отправился на хутор, что был в трех километрах от Седнева, в надежде поменять кое-что из своих вещей хоть на какую-нибудь еду.

Ганна собрала все, что нужно было в стирке, понесла к реке, наказав детям далеко не отлучаться.

Василько сказал матери, что пойдут они на рыбалку к своему излюбленному месту, под старую вербу, стоящую на берегу в конце их огорода.

Ганна, подумав, что голубей в голубятне больше нет и дети туда не пойдут, согласилась.

Собрали братья удочки и отправились к месту ловли.

Еще издали они увидели голубятню и уже не спускали с нее глаз, пока не пришли на место.

Пришли. Прислонили к вербе удочки и, впившись глазами в голубиный домик, долго стояли молча.

— Василек, а ты моего Серого видел мертвым? — спросил Петрусь.

— Не видел,— ответил тот.

— А моего Чкалова видел застреленным? — спросил Иванко.

— И Чкалова не видел,— ответил Василек.— Я и своего-то не видел! Может, не разглядел я их. Мне страшно было голубей разглядывать. Они такие хорошенькие и в крови!

Снова молчание.

— Василек,— обратился к брату Петрусь,— а мой Серый любил подыматься в небо только с моих рук, когда я подбрасывал его вверх.

— И мой Чкалов поднимался в небо только с моих рук,— сказал Иванко.

— Да и мой Рудой не взлетит, если его не подброшу вверх,— согласился Василек.— Может, они и вправду рыжего немца не послушались и не взлетели вместе со всеми, а остались там, в голубятне и ждут нас? Вот что, вы оставайтесь здесь, а я пойду на разведку. Если голуби есть, я вас позову!

— Я рыжего немца боюсь,— захныкал Иванко.

— Не бойся, Иваночку, он нас не тронет. Помнишь, он нас шоколадом угощал! Ну я пошел!

Василько подошел к хате.

Под вишней спал немец, а из хаты раздавались пьяные голоса немцев. Только он взялся руками за лесенку, как услышал наверху знакомое воркование.

Бегом вернулся к братьям.

— Там наши голуби! Я слышал! Бежим скорее!

Забрались братья в голубятню, бережно взяли каждый своего голубя и счастливые вышли на площадку.

Осталось только спуститься по лесенке и потихоньку убежать. Да на беду, спящий под вишней немец проснулся. Увидев детей с голубями, стал кричать.

Из хаты выбежали пьяные немцы. Один из них был рыжий повар.

«О мой бог! — наверное обрадовался Рыжий.— Есть еще голуби! Сейчас я покажу, что стреляю не хуже господ офицеров!»

— Айн момент! — крикнул он.

Забегал в хату и тут же появился с автоматом.

Изготовившись к стрельбе, стал требовать, чтобы дети отпустили голубей.

Сначала весело. Потом стал злиться и громко кричать:

— Шнель! Шнель!

Братья не понимали немца, но чувствовали: рыжий требует отпустить голубей. И они, прижимаясь друг к другу, еще крепче их держали.

Раздалась автоматная очередь.

Пули просвистели над головами детей.

Бедная Ганна обмерла, услышав стрельбу.

Еще издали увидела на голубятне своих детей. «Слава богу! Они живы!» Сейчас она заберет их и никогда-никогда не отпустит от себя!

Вторая автоматная очередь.

И оттуда, где только сейчас стояли хлопчики, взлетели три прекрасных голубя.

Ганна остановилась как вкопанная.

Голуби пролетели над ее головой.

Ганна глядела им вслед. Руки ее невольно потянулись за ними.

— Куда же вы, сыночки мои!

Испугавшись, что они улетят и она навсегда потеряет их из виду, как легкокрылая птица, мать снялась и полетела. Через реку по узкой плотине выскочила на широкий луг и побежала к лесу, за которым вот-вот скроются три голубя.

Омельян, взвалив на плечи небольшой клумачок, возвращался домой. Люди на хуторе хорошо знали мельника, уважали его и давали кто что мог, не взяв у него ничего из вещей.

Довольный добычей, он уже спустился в низину по той же дороге, по которой когда-то Ганна впервые ехала с отцом к нему на мельницу.

Вдруг он услышал голос Ганны, будто стояла она здесь, рядом.

— Беда у нас, Омельюшко! Сыночки наши улетели, и я бегу их искать, а ты не печалься, милый, жди нас...

Бросив клумачок на землю, Омельян завертелся, хватая руками говорящую пустоту, и закричал:

— Ганночко! Ганнусю!

Он кидался то в одну, то в другую сторону. Не услышав более ни звука, он, почти обезумевший от ужаса, побежал в сторону села.

Хромая нога не позволяла ему бежать быстро. Но он бежал быстрее, чем мог.

Задыхаясь от бега, он шептал: «Ганночко! Хлопчики мои!»

Вот и мельница. Омельян оглянулся вокруг. На ветру трепыхалось только что развешенное белье и детская одежонка.

Вокруг ни души.

«Кто это плачет?»— спросил у самого себя Омельян. Вконец обессиленный, он похромал на звуки этого плача. Через заросли орешника вышел на огород Конона Кичатого.

— Там люди... там кто-то плачет...

Ноги его отказывались идти.

Его увидели... Почему же они смотрят на него с такой печалью? Почему они стали громче плакать? Отчего стали жалеть его?

Подошел к ним Омельян, заглядывает им в глаза, желая получить ответы на свои вопросы.

Старый Конон, не в силах взглянуть в лицо Омельяну, подошел, положил руку ему на плечо и заплакал...

— Нету больше хлопчиков твоих, Омельян Иванович!

— Как это нету?! — возмущенно выдохнул Омелян.

Несколько женщин расступились, и увидел несчастный отец на земле, на трех вышитых рушниках лежат его хлопчики.

Потом очевидцы этого рассказывали.

Как увидел Омелян своих пострелянных детей, долго глядел на них, потом встал на колени у их изголовья, поглаживал их головки, поправлял рубашонки, а когда рука его окрасилась кровью, он поднес ее к глазам... И будто прозрел. Руки его безжизненно повисли. Подняв голову к небу, он стал медленно открывать рот, давая выход крику души, придавленный невыносимым горем... Крика не вышло... Теряя сознание, он опрокинулся на землю.

Всем селом схоронили детей на горе. Этого хотел Омелян.

Постаревший, потерявший дар речи, он приходил сюда, садился на камень и глядел вдаль, за темные леса, куда, по словам деда Конона, убежала его Ганна.

Потом Омелян будто в воду канул.

Его никто не видел.

Только однажды старик Кичатый слышал странный короткий всплеск. Окрик, донесшийся с реки. Прислушался — тихо. В наступивших сумерках он увидел, как из кустов орешника вышел Омелян и торопливо похромал к своей мельнице. Вскоре вышел из нее с небольшой поклажей, отвязал стоявшую за мельницей лодчонку, сел в нее и по течению, сильно налегая на весла, скрылся в окутавшей землю темноте.

На другой день поутру немцы подняли тревогу. Пропал их рыжий повар. Стали искать и нашли его тело в реке у плотины.

Что-то учуявший староста Михай Добгань примчался к мельнице с полицаями. Все обыскали, но тщетно. Мельник пропал. Допытывали людей. Те отвечали, что мельника уже давно никто не видел.

Старик Конон закрыл двери своей хаты, подошел к иконе, висевшей в углу светелки, зажег лампаду и трижды перекрестился.

— Храни тебя Господь, Омелян Иванович! — тихо произнес он.

Кончилась война. Омелян поставил памятник своим сыновьям. С местным кузнецом Тарасом Падалкой выковали трех голубей. Омелян укрепил их над обелиском, покрасил белой красной. И всем, кто приносил сюда цветы, казалось, что вспугнули они трех прекрасных птиц и те вмиг рванулись в небо.

3

Влекомый течением реки поплавок покачивался то в одну, то в другую сторону. Иной раз на него садилась изумрудная стрекоза. Поглядев на старого Омеляна Сказку, она торопливо улетала дальше, в сторону заброшенной водяной мельницы.

— Ну и посидела бы,— очнувшись от тяжелых мыслей, с досадой подумал Омелян. Сколько мог, он глядел ей вслед. Потом перевел взгляд на другой берег реки. Только что на нем расположилось стадо коров, пришедшее на водопой и обеденную дойку.

Под полуденным солнцем стадо отдыхало.

В знойном мареве Омеляну почудилось, что на том берегу вошла в воду их любимица корова Зорька и призывным мычанием звала Ганну:

— Хозяюшко! Молоком переполнено мое вымечко! Невмоготу удерживать его более! Белой росой окропляет оно луговые травы и луговые цветы!

Замешкалась Ганна.

Пока готовила обед. Пока усадила за стол проголодавшихся от купания в реке сынов. После снесла узелок с обедом на мельницу ее дорогому Омельяну. Время незаметно и пролетело.

От любимого мужа сразу-то не уйти! Так подолгу и глядела бы на него, голубоглазого, припорошенного белой мукой и так похожего на мраморные изваяния знаменитых людей из далекого прошлого, что видела она в книгах.

Услыхала Ганна зов кормилицы Зорьки.

Схватила ведро и бежит к реке.

— Зоренька! Красавица моя! Бегу-у-у!

Вздрыгнул старый мельник, услышав живой голос Ганны. Боясь вспугнуть видение, он все же посмотрел в сторону своей старенькой хаты. И увидел ее, побеленную, покрытую свежей соломой. Стояла она среди цветущих подсолнухов и разноцветных малъв, так любимых Ганной. Чуть поодаль возвышалась голубятня. Над ней кружили голуби.

— О боже праведный! — прошептал Омельян... По тропинке, ведущей к реке, бежала его Ганна.

Дрожащими руками нащупав свою суковатую палку, он заторопился встать, чтобы кинуться навстречу Ганне, пасть перед ней на колени и умолять:

— Не зови больше наших хлопчиков, Ганночко, не ищи их по белу свету! Возвращайся домой! Наши дети здесь, на высокой горе! Люди приносят им цветы и песни о них слагают! А я помру скоро, Ганнусю моя, потому как нету больше сил моих слышать твой разрывающий мое сердце зов.

Да не встать старому Сказке вмиг, как хотелось. А она уже рядом. В белой хусточке с подтороченным передником весело садится в челн и плывет на другой берег. Руки Омельяна тянутся вслед уплывающему челну, а губы беззвучно шепчут: «Ганнусю... Ганнусю...»

— Здравствуйте, диду! Клюет ли рыбка?

Вздрыгнул старик, поглядел на незнакомца и опустил голову. Заезжие люди всякий раз заговаривали со старым Сказкой. Не получив ответа, они шли дальше — поглядеть на останки его водяной мельницы.

Кто бы мог подумать, что этот старец, от непереносимого горя потерявший дар речи, и есть тот самый мельник Омельян Сказка, о котором когда-то шла молва по всей Черниговщине.

Такой муки смолоть, пожалуй, не мог никто на всей Украине.

Поднял голову Омельян — пропало видение. На том берегу пусто. Оглянулся назад, его старенькая хата с прохудившейся соломенной крышей уже озарена лучами заходящего солнца. Облюбовавшая его жилище горлица настойчиво о чем-то твердила.

Было слышно, как по улице возвращались с пастбища коровы. Начинили звенеть оцинкованные ведра, по дну которых уже ударяли струи теплого, пахнущего медом молока.

В густой листве вековых верб утихомирились наконец птицы. Над широким лугом по ту сторону реки незаметно появилось облачко тумана.

Наступало время вечерней тишины.

Каждый вечер уже более пятидесяти лет Омельян ждал этой тишины, готовился к ней, как к неизбежной пытке, мучительной и желанной.

Бывало, сердце его не выдерживало и он терял сознание. Нынче же, после посетивших его видений, оно и вовсе разладилось: то затрепыхает, как подраненная птица, то замрет. А то, отравленное ядом горестей старого Сказки, оно стучит и стучит, громко и настойчиво, требуя выпустить его на свет божий, чтобы могло оно прокричать всему миру: «Поклонитесь же, люди, этому страдальцу! Чаша горестей его переполнена! Непосильно тяжелый крест уже не даст ему подняться никогда!»

Чтобы не слышать стука своего сердца, он снял с головы потрепанную кепочку и прижал ее к груди.

Уже более месяца он не слышал ее голоса.

Он поднял голову, закрыл глаза и стал ждать. И вот наконец его несостарившийся слух уловил едва слышный зов его Ганны:

«И-д-и-ть, ди-ты, до-до-му-у-у!»

В изнеможении Омелян откинулся на свой старый ватник. И, не открывая глаз, он просидит еще долго. По щекам его будут течь слезы, а губы беззвучно шептать: «Ганночко... Ганнусю...»

Ночью старый Сказка почти не спал.

Болело сердце. Видения далекого прошлого взволновали его и не давали покоя.

— К чему бы это?..— размышлял в своей темной комнате Омелян.

Утомившись от тревожных мыслей, он наконец вздремнул. И привиделся ему сон. Сидит он, как всегда, под своей вербой, рыбачит. Поплавок то и дело уходит под воду. Он ловко подсекает и вытаскивает одного за другим больших лещей. Но лещи мертвые! Уже весь берег устлан мертвой рыбой. В отчаянии он ломает свое маленькое кривое удилище и, размахнувшись, бросает его далеко в реку.

— Тату! — слышит он и видит: с того берега по речной глади идут к нему его сыновья. У каждого в руках его любимый голубь. Веселые, подходят к отцу и в один голос говорят:

— Тату, пойдёмте с нами!

— Василько! Петрусь! Иванко! Хлопчики мои,— обливаясь слезами, обращается к ним отец.— Где же вы запропастились? Матуся ваша совсем с ног сбилась, все зовет вас и зовет, а вы не слышите, не отзываетесь! Теперь она ищет вас по всему белому свету! Пойдемте же скорее в хату, обнимите и успокойте ее, бедную!

— Тату, и матуся наша пойдет с нами, поглядите, она уже вышла с хаты...

— Плохой из меня ходок, хлопчики мои. Теперь, когда я стар и немощен, с моей-то ногой далеко не уйдешь...

— Не печальтесь, тату... — И берут они на свои детские руки своего старенького отца и несут с собой обратно по речной глади. Вот выходят на луг, на котором когда-то весело носились на колхозных лошадаках. Теперь он весь в крупных, ярких разноцветных цветах.

— А где же Ганна?! — спохватился Омелян. Оглянулся и с облегчением вздохнул. Поодаль вслед за ними с веночком на голове шла Ганна. Она срывала цветы и пела:

Ой не свиты мисяченьку, не свиты никому,
Тильки свиты мыленькому як иде до дому...

— Боже праведный! — уже вслух произнес Омелян. — Теперь мы навеки вместе!

Да святится имя Твое, Господи...
Да будет воля Твоя!

Проснулся Омелян. За окном уже рассвело. Во всю кричали седневские петухи.

Не желая так вот сразу расстаться с обретенным во сне душевным упокоением, он закрыл глаза. Мысленно прочел «Отче наш...» и стал размышлять о только что увиденном сне. «Скоро заберут меня к себе мои хлопчики. Надо бы пойти в церковь, поставить свечки и службу заказать, да, пока в гору подымешься, все силы и уйдут. Их хватит дойти только до могилки...»

С небывалой легкостью он поднялся с постели. Наскоро собрался. Выпил стакан молока. Благодаря доброй соседке,

дочери Конона Кичатого, Мелании, оно всегда стояло свеженькое в прохладных сенцах его хаты.

Вышел во двор. Огляделся вокруг.

«Боже праведный, как хорошо-то!» — подумал Омельян. Утреннее солнце ласкало его лицо.

Он поднял к небу голову, закрыл глаза и какое-то время стоял без движения. Впервые за многие годы почувствовал красоту и запах начинающегося дня.

Захлопнув за собой калитку, он пошел со своей суковатой палкой по неширокой улице, временами обходя большие, во всю ширину дороги, лужи.

Он почувствовал, что лицо его способно улыбаться. Прежде он никого и ничего не замечал. Теперь же он заглядывал шедшим ему навстречу людям в глаза. В легком поклоне, как делал он когда-то давно, в своей счастливой жизни, приподнимал над головой свою кепочку и приветствовал сельчан. Они отвечали ему приветствием, удивляясь: тот ли это Омельян Иванович Сказка, всегда согбенный под бременем своего горя? Теперь, помолодевший и какой-то просветленный, он поднимался на гору к своим сыновьям.

Проведав сыновей, Омельян вернулся в свою хату, еще раз подошел к иконе, трижды перекрестился и, как всегда, прикоснулся руками к вышивке на рушнике, обрамлявшем это родительское благословение Ганны. Сколько минуло лет, а он видит ее сидящей у окна и вышивающей на рушнике двух петушков и надпись над ними «С добрым утром!»...

Потом Омельян пойдет под свою вербу.

Сколько просидит он под ней и, как-то по-новому взирая на все вокруг, будет воскрешать в памяти прожитое, никто не узнает. Вечером его найдут мертвым.

Анатолий Слепков

Седнев, Украина — Петербург, Россия

КРЕСТИК

Крестили во Львове мальчишку.
Был яркий и солнечный день.
Священник читал свою книжку
И крестик вручил мне: «Надень!»

Серебряным, но самодельным —
Такие кустарь штамповал —
Я крестиком этим нательным
Друзей убивал наповал.

Дивились диковинке редкой,
Опасной по тем временам:
Недобрая стала соседка
Все чаще заглядывать к нам.

И мама, тревожась немало,
Сказала мне строго: «Сними!»
Обидно и горько вдруг стало:
Да что же такое с людьми?!

И в школе, уже в Ленинграде,
Не дали мне крестик носить —
Лишь только спокойствия ради...
Но можно ль за то укорить?

Полвека минуло, полвека —
И мамы не стало, увы...
А в шкафчике старом аптека,
И там, средь лечебной травы

Он все же нашелся, мой крестик,
Утраченный мой талисман!..
Мы с ним поживем еще вместе
И жизни допишем роман.

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА

Были письма, и долго хранились они —
Треугольники желтые помнятся с детства —
Но сгорели однажды в ненастные дни,
Обрели с небесами соседство.

Сколько было в тех письмах солдатских дорог,
От горячего пороха и до привала!
Не хватало мне тех непрочитанных строк,
Словно ласки мужской не хватало!

Ты прости, мой отец, постаревшую мать
За сожженные письма простого солдата.
Лишь недавно, с годами я стал понимать,
Как тебе было трудно когда-то.

Обелиски стоят на родной стороне,
Только имя отца вы на них не найдете,
И все чаще теперь представляется мне,
Что отец — в бесконечном полете...

Владимир Симаков

Львов, Украина — Петербург, Россия

РАЗВЕДЧИЦА ОЛЯ

Быль

С Ольгой Ипполитовной Смирновой мы встречались неоднократно: и в ее скромной петербургской квартирке, и в музее Политической истории на Гороховой улице, дом 2. Ни для кого не секрет: здесь нередко собираются наши общие друзья, а также многочисленные любители и знатоки истории отечественных спецслужб. Мы вели с ней долгие душевные разговоры за чашкой чая. Чувствовалось, что этой необыкновенной пожилой женщине хотелось выговориться. Судьба ее и на самом деле сложилась не просто.

Я постараюсь передать этот рассказ так, как я его услышал из уст самой девяностолетней петербурженки, — как всегда бодрой и энергичной, не утратившей искренности, душевной открытости и теплоты, а главное — огромной любви к миру и неподдельного интереса к жизни.

В деревне Колтуши Ленинградской области, где протекало детство маленькой Оли, в соседнем доме проживала молодая женщина — немка по национальности. Она же была учительницей немецкого языка в поселковой школе. Девочка была частой гостьей в доме учительницы, подолгу задерживалась после уроков в школе. Видя явные наклонности Оли к изучению чужого языка и культуры, ее любознательность и доброжелательный характер, опыт-

ный педагог легко передавала развитой школьнице свои знания. К окончанию школы Оля говорила и писала по-немецки почти как этническая немка.

Как рассказала Ольга Ипполитовна, политическое напряжение в 1940 году достигло такого уровня, что никто из числа советских граждан не сомневался — война не за горами. В июне 1941 года девушке исполнилось семнадцать лет. После объявления войны Ольга добровольцем записалась в отдельный истребительный батальон, в котором прослужила медицинской сестрой до конца 1941 года. Батальон принимал самое активное участие в ожесточенных боях в знаменитой Невской Дубровке. Во время одного из воздушных налетов фашистской авиации Оля была тяжело ранена и в течение нескольких месяцев находилась в госпитале на излечении.

В стенах госпиталя она и познакомилась с сотрудником Управления НКВД по городу Ленинграду Александром Петровичем Гвоздарёвым. В то непростое для страны время капитан Гвоздарёв занимался подбором и подготовкой юношей и девушек в диверсионно-разведывательные группы с целью дальнейшей заброски в тыл к противнику. Безусловно, ставка делалась на физически развитых молодых людей, желательно, владеющих немецким языком. В условиях замкнувшегося кольца блокады, тяжелейших людских потерь, острой нехватки кадров, жесточайшего военного противостояния, требовавшего мобилизации всех ресурсов, крайне остро стоял вопрос получения оперативной информации о дислокации воинских частей вермахта, совершения диверсий в его тылу.

Времени для тщательной подготовки разведывательно-диверсионных групп у чекистов не было, а был лишь приказ любой ценой получить требуемую информацию или уничтожить тот или иной объект. С высоты сегодняш-

них дней кажется невероятным, но на подготовку оперативной группы из пяти-семи человек уходило тогда всего две или максимум три недели. За этот короткий срок членов группы обучали технике минирования, стрельбе из огнестрельного оружия, ориентированию на местности, обеспечивали документами. Радистов готовили отдельно, но из-за нехватки аппаратуры радисты присутствовали не во всех отрядах. Как раз в опергруппе Ольги радиста не было.

Особенно тщательно обрабатывалась линия поведения разведчиков в случае столкновения с представителями секретных служб фашистской Германии. Легенда прикрытия, согласно которой группа продвигалась по оккупированной территории, должна была быть убедительной и не вызывать ни тени сомнения. В противном случае разведчиков ждала неотвратимая и мучительная смерть. Такое, особенно в начальный период войны, случалось, увы, довольно часто.

Ольгина опергруппа была сформирована из четырех девушек-комсомолок. К сожалению, сегодня мы знаем их только по именам, да и они, возможно, были придуманы чекистами исключительно в целях конспирации. И все-таки, со слов Ольги Ипполитовны, приведем их полностью: молодых комсомолок звали Зина, Фаина и Анфиса.

Группа получила задание собрать дополнительную информацию о частях, находящихся в ближайшем тылу — в районе Пулковских высот.

Согласно легенде, отработанной ленинградскими чекистами, стайка легкомысленных девушек — молодых «актрис» одного из районных клубов Ленинграда — бежала из блокадного города в поисках работы и более-менее «сытой жизни» на оккупированных территориях. У каждой в кармане полшубка лежал пропагандистский листок, который являлся пропуском для тех, кто хотел добровольно пере-

йти на сторону врага. Листовки в обилии разбрасывались с самолетов противника. У девушек-разведчиц имелись, конечно, самые что ни на есть «подлинные» документы на вымышленные фамилии и имена.

Линию фронта группа переходила в середине февраля по льду Невы и в течение нескольких дней благополучно прошла несколько постов. Но уже на второй день девушек злобно допрашивал придирчивый следователь гестапо. Их содержали в отдельных камерах и избивали ежедневно в течение двух месяцев. Сегодня только Бог знает, какие изуверские пытки, мучения перенесли юные комсомолки. Ни одна из девушек не назвала своего настоящего имени, не выдала истинной цели «визита» к оккупантам. Они до конца придерживались в своих показаниях легенды. Не получив доказательств, измученных, но не сломленных духом молодых разведчиц гестаповцы отправили на военные заводы в Германию.

Много времени спустя, вернувшись в послевоенный Ленинград, Ольга Ипполитовна каждый год поминала своих верных подруг, клала букетики алых гвоздик на могилу Неизвестного солдата и ставила свечки в местном храме в городе Пушкине в память о погибших Зинаиде, Фаине и Анфисе.

Весной 1942 года Оля попадает в немецкий пересыльный лагерь города Тильзита, ныне Советск Калининградской области. Там она предпринимает первую попытку побега, который закончился неудачей. А в сопроводительных документах фашистской канцелярии девушка получает клеймо закоренелого врага Рейха, «склонного к побегу» и политически неблагонадежного.

С такой характеристикой она попадает на один из военных заводов «Маузер Вернер», где вступает в контакт с группой антифашистов. Патриотка не оставляет мысли

быть полезной своей стране в борьбе за независимость и свободу. Разведчица активно занималась пропагандой, саботажем, скрытым вредительством. Упорно боролась с теми, кто активно сотрудничал с фашистами, собирала информацию военного характера.

Естественно, в первую очередь для кадрового разведчика стоял вопрос о передаче в центр собранной информации. Она пыталась из числа обслуживающего персонала завода найти лиц, лояльных Советскому Союзу. Для этого, пользуясь отличным знанием языка, Ольга однажды вступила в контакт с одним из инженеров — как выяснилось, убежденным антифашистом. Вскоре, рискуя жизнью, он начал передавать на «волю» ценную информацию, в которой так нуждалось сопротивление.

До последнего дня жизни Ольга Ипполитовна вспоминала этого смелого молодого немца. Кроме того, инженер тайно доставлял Ольге и ее друзьям продовольственные пайки и тем самым, несомненно, спас девушку от полного истощения и смерти. Немецкого патриота звали Хольт, и ему было в то время около тридцати лет.

Однако в конце концов негибемая русская попала в поле зрения агентуры гестапо. После серии очередных пыток ее направили в нацистский женский лагерь Равенсбрюк, располагавшийся на северо-востоке Германии, в 90 километрах к северу от Берлина. О судьбе Хольта она так больше ничего не узнала, считая его погибшим от рук гестаповцев.

На территории лагеря Ольга оказалась в январе 1943 года. С ее слов, группу женщин, в которой она находилась, построили на плацу, предварительно приказав раздеться догола. В таком виде их продержали несколько часов на морозе. Часть наиболее ослабленных женщин, не выдерживая напряжения и переохлаждения, теряли сознание.

Людей уносили на носилках и больше их никто не видел. Только позже Ольга узнала, что выстрелом в затылок комендантская группа СС убивала в день от пятидесяти до шестидесяти узниц. Выживших женщин группами заводили в барак, стригли наголо, выдавали полосатое платье и деревянные колодки, подвергали обязательному медицинскому осмотру на специальных креслах. «Они, то есть нацистские врачи, подвергая нас осмотру, вели себя как гнусные животные, понятно, не считая нас за людей», — рассказывала Ольга Ипполитовна, и в ее глазах, обычно излучавших детскую жизнерадостность, я прочитал жгучую ненависть к убийцам, растоптавшим человеческое достоинство сотен тысяч узниц разных национальностей Европы.

Каждой заключенной присваивался номер и, в зависимости от категории, выдавался треугольный знак определенного цвета, который нашивался на левый рукав. Ольге выдали знак алого цвета с буквами SU и присвоили порядковый номер 14775. Красный знак означал не национальность и даже не страну узницы, а указывал на то, что владельца — опасная политическая заключенная.

Самым тяжелым и изнурительным моментом в распорядке дня был подъем, который наступал в 4 часа утра и сопровождался утренней перекличкой, длящейся более двух часов. Дважды в месяц надзирательницы в сопровождение охранников с овчарками выбирали из числа узниц лиц, которые подлежали ликвидации. В первую очередь ликвидировали тех, кто был не способен к работе или страдал полным истощением. Даже самые стойкие ждали этого часа с содроганием, так как никто не был застрахован от капризов надзирательниц. Как правило, это были молодые немки, фанатично преданные идеям национал-социализма, внешне холеные, с аккуратными прическами, спортивными фигурами и с ярко выраженными садистскими наклонностями.

Мгновенная смерть от выстрела в затылок считалась среди узниц за благо. Но широко применялись и более изощренные, особо мучительные формы уничтожения. Например, газовая камера, куда, якобы для санитарной обработки, загоняли от ста до ста пятидесяти человек. Здесь в течение невыносимо долгих пяти-пятнадцати минут наступала агония жертв. Не «лучшим» средством были инъекции яда, иными словами, преступные опыты над людьми, которые проводили врачи СС — утонченные изуверы в белых халатах.

К слову замечу, говоря о высшем суде и человеческой справедливости, практически все надзиратели и врачи — убийцы лагеря Равенсбрюк — впоследствии были выявлены, судимы и казнены в разное время. В основном в Германии, либо в других странах, где их настигало справедливое и неотвратимое возмездие.

Большинство заключенных старалось попасть в дневную смену: во-первых, при 14-часовом рабочем дне узницам предоставляли получасовой перерыв. Во время обеда им давали пол-литра теплой воды с брюквой или с картофельными очистками. В ночную смену работали без перерыва. Десятки узниц не возвращались в бараки. Тех женщин, кто не мог двигаться и выполнять работу, охранники пристреливали на месте.

Вечерняя проверка длилась так же, как и утренняя, больше двух часов. После ее окончания каждой узнице выдавалось двести граммов хлеба и полстакана холодного кофе. Только молодые и от природы очень сильные могли выжить в этом земном аду, созданном сумрачным извращенным и человеконенавистническим фантомом национал-социализма.

Темный, душный дым крематория напоминал всем о «преимуществах» Третьего рейха — самой «свободной страны» в Европе, создавшей уникальную систему расово-

го превосходства, уничтожения свободы слова и человека. Горы пепла, образовавшиеся после уничтожения трупов в крематории, сбрасывали в живописное озеро Шведтзее, находящееся в сотнях метрах от территории лагеря. Воды этого озера поглотили прах несметного числа жертв — представительниц более сорока стран и стали своеобразной купелью памяти жертв фашизма.

От Ольги Ипполитовны я слышал легенду, что, стоя на берегу в весенние дни последних лучей уходящего солнца, можно увидеть сияние радуги и услышать легкий звон. Она утверждала — это тысячи душ замученных девушек и женщин стонут о своей несостоявшейся любви, призывая ныне живущих к миру и состраданию. «Это нужно только суметь услышать», — уверяла, понизив голос, Ольга Ипполитовна.

В конце 1943 года Ольгу, в составе группы узниц Равенсбрюка, направили в Берлин для работы на секретном заводе. Там, благодаря своему уникальному природному обаянию, она познакомилась с другим здравомыслящим немцем — майором вермахта Клаусом. Убедившись в его скрытых симпатиях к России, подпольщица рискнула пойти на вербовочную акцию. Улучив момент, она доверительно сообщила, что состоит в группе подпольщиков-антифашистов, которые готовят восстание в лагере. Разведчица убедила майора, что война Третьего рейха проиграна и дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Во время одной из встреч Клаус доложил девушке, что его отправляют на Восточный фронт — в район окруженного Ленинграда. В ответ Ольга предложила майору не рисковать жизнью, а при первой возможности сдаться в плен. Разведчица вручила ему ценную оперативную информацию и медное кольцо со своими инициалами. Информация предназначалась для капитана Гвоздарёва, а кольцо она просила передать своему отцу Ипполиту Артамоновичу.

«Ты скажи папе, что со мной все в порядке и я обязательно вернусь», — прошептала Ольга на прощание.

Клаус действительно при первой возможности перешел на сторону советских войск, был тщательно допрошен сотрудниками «СМЕРШ» и привлечен к сотрудничеству. Он добросовестно работал переводчиком, а после окончания войны вернулся в Восточную Германию, где принял активное участие в строительстве нового государства — ГДР.

Информация, переданная Ольгой, попала по назначению, с ней был ознакомлен капитан Гвоздарёв. Чекист разыскал Ипполита Артамоновича, вручил ему кольцо и сообщил главное — Ольга жива. Так кольцо из лагеря смерти Равенсбрюка попало в Ленинград, а в семье Смирновых появились не только надежда, но и драгоценная реликвия, символизирующая нестигаемый характер отважной дочери.

В апреле 1945 года Ольгу Ипполитовну, как активную антифашистку, перевели в тюрьму, расположенную на площади Александерплац в Берлине, где содержали наиболее опасных противников фашистского режима. Технологии мастеров из гестапо по «вышибанию» показаний в тюрьме, куда попала Ольга, были доведены до совершенства. В этом каменном мешке человека «ломали», превращали в живой бифштекс, а затем, используя металлическую петлю, лишали жизни.

Вероятно, история молодой советской патриотки могла бы прерваться именно в этом мрачном заведении смерти, но помог случай. Во время одного из налетов англо-американской авиации тюрьма, где содержали Ольгу, была сильно разрушена. Под покровом темноты и ввиду временного отсутствия охраны Ольга выскользнула на улицу Берлина. Именно тогда она, мысленно обратившись к высшим силам, поклялась сама себе: «Если останусь в живых, обязательно рожу троих детей!»

Забегая вперед, заметим: в мирное время Ольга даже перевыполнила обещание — родила шестерых детей!

А пока, многократно рискуя жизнью, под видом беженки, утратившей во время пожара документы, разведчица продвигалась на восток навстречу наступавшей Советской Армии.

В итоге линию фронта Ольга перешла в составе... отделения солдат вермахта, предварительно склонив их утратившего всяческую браваду командира к сдаче в плен русским — головному дозору советской танковой бригады. Именно в составе этого танкового подразделения Ольга закончила войну в качестве переводчика. И до 1947 года находилась в Германии, работая в составе группы советских войск.

Во время боев за Берлин была дважды ранена. Вернувшись на Родину, разведчица активно включилась в мирную жизнь, ведь ей тогда исполнилось всего-навсего 24 года.

В конце пятидесятых, 20 декабря, во время традиционной встречи ветеранов в Клубе имени Феликса Дзержинского, Оля встретила седого, но еще подтянутого полковника. Она узнала его сразу, это был Алексей Петрович Гвоздарёв. В тот вечер они проговорили допоздна, да и было о чем. Рассказывала главным образом Ольга, а седой полковник, не скрывая скупой слезы, только слушал и чуть кивал, вновь и вновь сопереживая ее удивительной и страшной судьбе. Расставаясь, Гвоздарёв признался: он считал Ольгу погибшей дважды — после того, как ее группа не вернулась с задания, а второй раз, когда передали информацию из Равенсбрюка, и в придачу — медное кольцо для подтверждения ее истинности.

Позднее Ольга Ипполитовна вела переписку с женами Юлиуса Фучика, Эрнста Тельмана, Гельмута Колля. Как бывшая узница Равенсбрюка, многократно выезжала в Гер-

манию на встречи, посвященные памяти жертв фашизма. Она часто в задумчивости стояла на берегу того самого озера Шведтзее подле лагеря смерти, и ей казалось, что она вновь слышит печальные голоса душ замученных женщин, чей прах растворился в призрачных водах.

Последний раз мы виделись с Ольгой Ипполитовной летом 2014 года. Заслуженная бабушка торжественно сидела во главе стола в окружении детей, внуков, правнуков. Это была счастливая женщина с особенными, всегда ярко и тепло сияющими глазами. Она пела русские романсы и танцевала так, что многим было завидно.

А ровно через месяц, когда ей исполнился 91 год, нашей всеобщей любимицы не стало...

Похоронили Ольгу Ипполитовну на малой родине, за деревней Колтуши, среди звенящих берез на высоком холме. Сейчас это удивительно тихое место, крохотная пядь русской земли, которую так любила и которую с такой отвагой защищала юная разведчица Оля.

Сергей Рац

Кант, Киргизия — Петербург, Россия

ВЛАДИМИР

Рассказ

1

Федор лежал неподвижно. Глаза его были чуть приоткрыты, тихое прерывистое дыхание едва заметно, а беспомощные руки, лежавшие поверх одеяла, беспокойно подрагивали, словно протестовали против этой нагрянувшей непривычной и не свойственной им бездеятельности. Было заметно, что пожилой исстрадавшийся человек мучительно о чем-то размышлял. Рядом на покосившемся обшарпанном табурете сидел его поседевший сын и с тяжелым чувством вглядывался в бледное заострившееся лицо своего отца. Он решил для себя, что не уйдет из больницы и будет с ним до конца. Отец болел давно, но в стационар согласился лечь лишь с неделю назад, сказав, что не хотел бы умирать на глазах у внуков. Прогноз врачей был суровым и однозначным.

За эти несколько дней Владимир заметно похудел, хотя был и без того строен, не в пример своим округлившимся сверстникам, с которыми недавно праздновали 25-летие окончания Киевского университета и где он в который раз уверился в том, как счастлив в своей жизни, слушая рассказы о неудавшихся судьбах, новых и тоже неудачных семьях и проблемах с детьми.

Владимир не ощущал усталости, хотя сидел у койки практически не отлучаясь, на улицу выходил лишь покурить, не замечая ничего вокруг, и машинально возвращался в палату. Он смутно предчувствовал, что отец должен сказать ему что-то очень важное, чего раньше никогда не говорил, но для него это как бы и не имело значения, гораздо важнее была воля отца, чтоб он мог покинуть этот мир с чистой душой. Владимир видел его подрагивающие веки, иногда просветленные глаза, и умоляющий осмысленный взгляд их был для него невыносим. Федор молча просил сына потерпеть и дать ему собраться с духом.

Его дежурство должна была сменить младшая сестра Галина, но Владимир коротко и ясно сказал ей, что не хочет, чтоб она видела, как страдает их отец. Он привык заботиться о сестре, с которой вырос, любил ее трогательно и серьезно, без нее не представлял своей жизни и твердо решил, что будет с отцом лишь он один. Своих домашних он тоже просил не приходить в больницу по той же причине, объяснив, что как мужчина должен оградить их от тяжелых переживаний.

Владимир забросил завершающий этап работы над докторской диссертацией по теории атомной энергетики, теперь она казалась ему незначительной и даже никчемной, хотя он и отдавал себе отчет, что чувство это преходяще и, рано или поздно, он непременно к ней вернется. Работа была чрезвычайно интересной, имела практические перспективы, и Владимир очень надеялся, что его труд останется не только на бумаге. Эту же отрасль выбрал и сын-студент, дочь заканчивала школу и тоже собиралась поступать на физический факультет университета, где Владимир в должности доцента работал на кафедре ядерной физики. Курс своих лекций на неопределенное время он поручил одному своему энергичному и способному аспиранту,

который был несказанно рад такому повороту событий. Сейчас Владимир меньше всего думал о работе.

Вдруг он вспомнил, что жена принесла пакет с едой, и надо было бы перекусить, но мужчина почти не ощущал голода, и пакет со вчерашнего вечера так и лежал на тумбочке нетронутым. Ночью он кое-как подремал на голой кушетке в коридоре и понимал, что не имеет морального права думать об усталости. В его жизни это было первое такое серьезное испытание, и Владимир дал себе слово, что сделает все, что в его силах, чтобы избавить себя от каких бы то ни было угрызений совести в будущем.

Он понимающе кивал головой в ответ на пристальные взгляды отца, бессмысленно поправляя одеяло и изо всех сил пытался улыбаться. Но вместо улыбки умирающий старик видел жалкое лицо своего любимого сына, это не давало ему сосредоточиться и сбивало с мысли. Своим ясным пока еще умом Федор вдруг осознал, что может не успеть рассказать Володе то, с чем он жил долгие десятки лет, поклявшись себе однажды открыться ему в свой последний день. Все это время Федор мучительно размышлял, надо ли погружать сына в ту правду, сквозь которую они прошли много лет назад, и наконец решил, что все произошедшее в их жизни — обязательно стать совершенно особой вехой истории страны, в которой они живут, и сын сделает все, чтоб она осталась в незыблемой и неподкупной вечности, отдав должное его не постижимому человеческим разумом мужеству...

2

Владимир терпеливо ждал. Ему было невероятно жаль отца, хотя он и помнил, что все люди рано или поздно уходят, что отец прожил долгую жизнь и вот настал его

черед. Он был бесконечно благодарен ему за то, что один вырастил их с сестрой, работал, себя не жалея, чтоб дети могли выучиться и выйти в люди. Семье удалось пережить немецкую оккупацию, и Владимир хорошо помнил, как берег отец свою дочь-подростка от немцев и полицаев, как старался, чтоб дети не голодали и были одеты. Он научился шить сапоги, и это нехитрое, но и нелегкое ремесло дало возможность выжить всем троим. Доучивались дети уже после войны. Мать умерла от голода в тридцатых годах во время коллективизации, когда Володе было около шести лет, и он ее почти не помнил.

Как-то однажды Владимир, перебирая старые бумаги, увидел маленькую истертую пожелтевшую фотокарточку, где была изображена, по всей видимости, вся их семья: молодой отец — он узнал его — держит на коленях маленького мальчика, мать — примерно годовалую девочку, двое старших — мальчик и девочка сидят у их ног. В девочке он узнал свою младшую сестру Галинку. У всех грустные, можно сказать, скорбные лица, даже у детей.

Отец был не только чрезвычайно разъярен, он иступленно и злобно закричал, увидев фотографию в руках сына. Резким движением старик грубо выхватил ее, сунул в карман и выбежал на улицу. Он долго не возвращался, но Владимир знал, что искать его не нужно, это могло вызвать еще больший взрыв такого странного, внезапного и дикого гнева.

Владимир успел заметить слезы в глазах отца, его помутившийся обреченный взгляд и дрожащие руки. Он никогда не видел его в таком состоянии, был невероятно обескуражен и огорчен и долго потом размышлял о возможных его причинах, но так и не пришел ни к какому умозаключению. Всякий раз, вспоминая о том событии, Владимир переживал невыносимо гнетущее волнение с тяжелой

головной болью, и тем сильнее было его желание узнать запечатленную на старом семейном фотоснимке тайну.

Долгие годы он искал удобный предлог, чтоб прояснить ее, но он так и не представился. Случай тот оставил какую-то совершенно особенную, невыносимо мучительную рану в его сердце, и избавиться от нее было невозможно. С тех пор Владимир втайне ощущал свою какую-то необъяснимо жуткую неполноценность, которая угнетала и о которой никому рассказать не мог.

Владимиру вспомнились его детские годы, окруженные неустанной заботой отца. Федор отчаянно, до боли любил сына и дочь, гордился их успехами в школе и мечтал увидеть детей людьми состоявшимися и уважаемыми. И даже когда они стали взрослыми и встали на ноги, он и тогда старался помогать им. Жил один в новой хате, с хозяйством управлялся, ежегодно заводил какую-нибудь живность и к каждому Новому году с затаенной гордостью и нескрываемым удовольствием приезжал в украинскую столицу к своим детям с хорошим продовольственным подспорьем для их молодых семей. Переезжать к ним Федор не хотел и согласился лишь пару лет назад, когда почувствовал, что совсем скоро без посторонней помощи ему не обойтись. Болезнь не сразу дала о себе знать, он держался, не жаловался и изо всех сил старался не обременять собой сына, невестку и внуков. Киев давил его своими масштабами и шумом, но выбора не было, и Федор смирился со своей новой жизнью.

Государственный университет им. Шевченко, где работал Владимир, был недалеко от дома, можно было ходить пешком, и Федор иногда украдкой подходил к старому красному кирпичному зданию, чтоб увидеть, как из его стен выходит подтянутый импозантный мужчина, в хорошем костюме, с галстуком, в модных очках и с портфелем

в руке. Всякий раз он боялся, что Владимир заметит его, и через какое-то время, повернувшись в противоположную сторону, обычно долго бродил по улицам, взволнованный и счастливый. Старик знал, что прожил жизнь не зря...

Владимир сидел не шевелясь и думал о том, как скоротечна жизнь, какой несладкой была она у отца, хотя он никогда не говорил об этом. Мужчина мысленно благодарил свою удачно сложившуюся судьбу, был признателен жене, своей сокурснице, за участие и понимание и, конечно же, любил ее за то, что повзрослели нормальные дети. Не так давно семья переселилась из общежития в трехкомнатную квартиру, где появились приличные импортные стеллажи для книг на всю стену, и для семьи Владимира эти события были самым настоящим счастьем. Он вдруг вспомнил, с каким воодушевлением раскладывал книги по новеньким полкам, и теперь удивлялся, что такое никчемное занятие могло вызывать у него радостные чувства.

Отец тихо спал, иногда просыпался и спокойно смотрел на сына, словно обдумывая свой разговор с ним. Взгляд его был вполне осмысленным, но он уже почти не разговаривал, иногда односложно что-то произносил, и Владимир что-то отвечал. Но сегодня отец находился как бы в забытьи. Через какое-то время он очнулся и пальцем поманил его к себе. Четко проговаривая слова, словно боясь, что сын его не расслышит, но все же заметно волнуясь, Федор спросил:

— Ты помнишь Петю и Катю?

Владимир вздрогнул. О ком говорит отец? Федор пристально всматривался в сына с явно просветленным разумом и молча ждал. Оглушительная тишина, внезапно накрывшая своим леденящим крылом окружающее пространство, безжалостно звенела, набирая силу, и Владимир, покрывшись холодным потом, ощущал ее невыносимость.

Он мучительно старался догадаться, к кому относились эти имена, и ничего не мог с собой поделать. И вдруг его осенило: он скорее почувствовал, чем вспомнил: так звали его младших брата и сестру, которых не стало во время голода в период коллективизации в их родном селе на Черниговщине. Владимир утвердительно кивнул. Отец закрыл глаза, лицо его было тихим и спокойным, дыхание ровным, и сын догадался, что он собирается с духом и обдумывает свою следующую фразу.

3

Федор решил пробираться в город. Коллективизация с неумолимой жестокостью сжимала его семью в своих железных щупальцах. Голод, уже самый настоящий, медленно пожирал жизни четверых детей, и молодой, еще не так давно крепкий мужчина выдерживать этого больше не мог. Однажды поздно вечером он решил разведать дорогу, по которой наметил увести семью. Выйдя за околицу села, Федор, оцепенев от ужаса, где-то впереди услышал многочисленные ружейные выстрелы и душераздирающие крики. Он все понял: это была застава...

Изможденная, похожая на подростка, одетая вся в черное, Оксана, с ввалившимися, некогда красивыми карими глазами на миловидном лице и бледной, почти прозрачной кожей от голода, неподвижно сидела на глиняном полу низенькой покосившейся мазанки под почерневшей соломенной крышей около деревянных полатей, где тихо спали четверо детей. Старшему — Володе было неполных шесть лет, Гале — четыре с половиной, Петруше — три года, Катюше — два.

Оксана пыталась вспомнить события последних лет, но у нее ничего не получалось: все мысли поглощали ис-

тощенные дети, они уже перестали играть и разговаривать, есть не просили и почти все время спали. Сейчас Федор тоже спал рядом с детьми. Оксана судорожно впивалась пальцами в колени, стараясь сделать себе как можно больнее, словно искала проблеск в своем помутившемся сознании и осмыслить сегодняшний разговор с мужем. Она не перечила, только молча сидела напротив и из последних сил пыталась понять то, о чем только что сказал Федор. Он был немногословен...

Оксана боялась пошевелиться, чтоб кто-нибудь из спавших не проснулся. В то же время она хорошо понимала, что это не может длиться вечно. В тот момент ее самым сильным желанием было, чтоб время ускорило свой ход. Оксана смотрела на двух старших, тесно прижавшихся друг к другу детей и уже плохо соображала. С большим трудом она вспомнила, что рано утром все они должны собраться в дорогу и ей предстоит поднять детей на ноги. Теперь только эти мысли не давали ей покоя, и Оксана твердо решила, что они с мужем найдут в себе силы заставить детей идти.

На раннем рассвете семья двинулась в путь. Стояла теплая сентябрьская погода, дождь еще с вечера моросить перестал и Федор удовлетворенно подумал, что они не замерзнут. Шли гуськом. Село было словно вымершим, не было слышно ни лая собак, ни птичьего щебета, вечный старый месяц освещал дорогу своими тусклыми лучами, словно выполняя повинность.

Оксана и дети, шатаясь, машинально передвигали ноги, не издавая ни слова, ни звука. Они напоминали какие-то потусторонние уродливые тени и то, что старшие дети молчали, Федора вводило в ярость. Лучше бы они спрашивали, куда они идут! Он много дней готовился к ответу на этот вопрос и именно поэтому они идут только сейчас. Баклага с водой больно впивалась в плечи Федора, но

он старался этого не замечать, понимая, что вошел в новое, неизбежное и дотоль неведомое ему сознание. Оксана решила во что бы то ни стало не останавливаться, иначе — чувствовала — упадет и уже не встанет.

Шли долго. Вдали завиднелась подернутая первой золотисто-багровой рябью в роскошных лучах поднимающегося солнца, молчаливая, как и весь окружающий мир, опушка лиственного леса...

4

Владимир жестоко страдал. Лоб покрылся густой испариной, руки лихорадочно дрожали, голова, словно чужая, раскалывалась от какого-то непонятного чувства. Он изо всех сил пытался понять, почему последними словами отца являются имена его младших детей, о которых он никогда не вспоминал, словно их и не было.

И тут вдруг, в одно мгновение, Владимир вспомнил старый фотоснимок. Каким-то неясным чутьем он догадался, что именно сейчас наступил тот самый случай, которого он мучительно ждал долгие годы.

Перед глазами, словно из небытия, медленно всплывали два детских лица — младших братишки и сестренки. Они были похожи друг на друга, как две капли воды, и казались единым целым. Владимир, словно в отраженном мире, но и все же явственно видел картину: Петя и Катюша сидят, тесно прижавшись друг к другу, на земле, напротив, за костром, в ночном лесу и смиренно, не двигаясь, смотрят на огонь. Пляшущие языки жаркого пламени освещают их бледные, как нарисованные, лица. Почему-то вспомнился большой материн коричневый клетчатый платок, которым были накрыты их плечи. Мама неподвижно лежала рядом.

Еще помнился шалаш, где они с Галинкой, скорчившись от холода и пытаясь согреться, прижимались к отцу. А через какое-то время внезапно перед глазами Владимира появилось расплывчатое лицо матери, и он снова будто услышал ее тогдашний раздирающе истошный нечеловеческий крик: «Ни, ни, ни!» Затем, кажется, отец ее ударил, и она упала. Больше Владимир ничего вспомнить не мог.

Время тянулось невыносимо долго. И вдруг... Мужчина почувствовал, как чудовищно оцепенело сердце, он стал медленно клониться к полу, но какая-то неведомая сила удержала его, и Владимир цепким обезумевшим взглядом широко распахнутых глаз впился в лицо умирающего отца. Тот открыл глаза, какое-то время смотрел на сына, затем сдвинул веки, словно давая ему возможность заострить свое внимание. Владимир, с белым лицом, бешено колотящимся сердцем и помутившимся разумом, сидел как изваяние, уже ничего не видя и не слыша.

Федор, облегченно вздохнув, спокойно продолжал смотреть на сына. Он чувствовал, как постепенно светлеет его ум, он сделал первый самый трудный шаг и теперь старательно обдумывал свою речь. Старик понимал, что наступил тот самый момент, к которому он готовился многие десятки лет и который должен выдержать перед своим уходом.

Владимир, с сумасшествием в глазах, с грохотом опрокинув табурет, машинально поднялся и сгорбленной тенью, шатаясь, вышел из больничной палаты. Он шел по улице, не помня себя, ничего не видя, натываясь на прохожих, которые возмущенно крутили пальцем у виска, считая, что мужчина либо не в своем уме, либо в стельку пьян.

Время остановилось. Владимир, уже явно не в себе, продолжал идти. Он шел с тем же помутившимся и невидящим взглядом, но внезапно четко и ясно, прямо перед

глазами, через ветровое стекло машины увидел перекошенное от ужаса лицо водителя. В одно мгновение он успел ощутить свой миг. Бесконечно малый и кристально чистый миг своего случайного, подлинного и совершенно безумного счастья. Никогда дотоле он не испытывал ничего подобного. Это был головокружительный всплеск невероятно сладостного и неземного блаженства, молниеносно пронзившего его разум и тело...

5

Федор терпеливо ждал сына. Ему показалось странным, что он так долго не возвращается, ведь он не успел поведать Владимиру свою тайну и теперь не знал, как быть. Каким-то чудом жизнь его зацепилась за эти неожиданные размышления, она отчаянно искала истоки своего существования в исстрадавшемся теле и, как ни странно, находила. Старику почудился какой-то давно забытый, приятный и едва ощутимый прилив животворных сил, тоненьким ручейком наполнявший его измученный, истерзанный болезнью, но все еще ясный ум.

Он решил, что обязан найти в себе силы дождаться Владимира, ведь он должен вернуться, он всегда был преданным и благодарным сыном, он не может покинуть его в этот час, он, конечно же, вот-вот вернется. Старик закрыл глаза и снова почувствовал удивительно приятное умиротворение, растекавшееся по всему телу, — он, конечно же, успеет. Он ждал... Федор знал, что совсем скоро он вновь встретится с сыном...

Валентина Беляева

Бурынь, Украина — Воронеж, Россия

9 МАЯ

Не стареет память о войне,
Притупилась только боль отчасти
О сгоревших в яростном огне
И надежде, и мечтах о счастье.

В День святой Победы каждый год,
Потеряв в войне любимых, кто-то
Письма фронтовые перечтет
И погладит выцветшие фото.

Кто-то рюмку полную нальет,
На нее положит ломтик хлеба ...
По тому, кто в памяти живет,
Будет эта искренняя треба.

Юрий Герловин
Штутгарт, Германия

ВЫСТРЕЛ

Рассказ

Как празднично цветут вишни! Кажется, множество маленьких мотыльков с нежными белыми крылышками облепили ветки, даже листьев не видно.

Вишневые деревья всюду — в садах, палисадниках, вдоль тротуаров. Одноэтажные кирпичные дома прячутся за белыми кронами, и только потемневшие шиферные крыши выдают их. От нежного цвета солнце ярче, а день — светлее.

Вера Николаевна, опираясь на клюшку, подошла к калитке, открыла ее и заглянула в белый вишневый тоннель. По нему со стороны автобусной остановки медленно приближалась соседка Лидия Петровна.

— Здравствуй, Вера! — Лидия Петровна опустила на землю сумки с продуктами. Поохивая, разогнула спину и потеряла рукой поясицу. — Устала — спасу нет. Что ни говори — восьмой десяток... — Достала из кармана синей кофты носовой платок и промокнула потное лицо.

— День добрый, Лидочка! Похоже, полрынка скупила. Наверное, всю пенсию потратила.

— Да, — вздохнула Лидия Петровна. — Все дорого, но ради такого случая... Гость у меня. Внук Денис приехал... Отсыпается от городской суеты...

— Дениска? Радость-то какая!.. — улыбнулась Вера Николаевна. — Давно он здесь не появлялся. Я теперь его и не узнаю... Наверно, подрос, настоящим мужчиной стал... Зайду посмотреть... — Вера Николаевна перевела взгляд на сумки соседки. — Нам ли такие тяжести на своем горбу таскать? Место хоть уступили? А то я вчера влезла в автобус — мест свободных нет. Держусь одной рукой за клюшку, другой — за поручень, чуть не падаю. А передо мной сидит парень, бритоголовый. Плечи — шире сиденья! Ему один пожилой мужчина говорит: «Уступи место бабушке!», а тот — в окно смотрит. Мужчина — давай его воспитывать, как нас когда-то учили. Тут парень вскочил с места да как заорет на весь автобус: «Ты че добиваешься, чтоб я вены себе порезал?» Боже ты мой!.. Мне садиться расхотелось. Сошла на первой остановке и другим автобусом доехала.

— Спасибо, уступили... — усталым голосом ответила Лидия Петровна.

— Завтра пойдешь к памятнику Победы? — перевела разговор Вера Николаевна.

— Пойду, если здоровье не подкачает. Я всегда ходила. Сейчас на митинге не так многолюдно, как бывало раньше. Да и ветеранов совсем мало осталось.

— И мы с Алексеем любили этот праздник. Алексей мой надевал в этот день все награды. Идем по улице — все головы поворачивают. А уж я какая гордая рядом с ним!... Двадцать лет прошло, как Алеши нет. Я теперь не на праздничный митинг хожу, а на кладбище мужа проведать... — немного помолчав, Вера Николаевна предложила: — Дениска, наверное, на танцы вечером побежит? А ты, Лидочка, приходи сегодня вечерком ко мне. Посидим, поговорим, чайку попьем...

Лидия Петровна кивнула, взяла с земли сумки и скрылась за своей калиткой.

День Победы для Веры Николаевны был особым праздником. С него она исчисляла начало своей жизни, а то, что было до него — военное детство, — не хотела вспоминать, а забыть не могла. Только погрузится в воспоминания — слезы на глазах. До сих пор ей не верится, как они, мама и три сестры, смогли пережить голод и бомбежки. Зато ее глаза вспыхивают радостью, если она вспоминает долгожданный День Победы. Вера Николаевна на всю жизнь запомнила счастливые лица соседей, когда она, девчонка-подросток с русыми косичками, неслась по пыльной улице и, забегая в каждый двор, кричала: «Победа! Победа!»... Ее семья, не веря похоронке, все еще ждала отца...

Когда солдаты вернулись с войны и началась мирная жизнь, Вера познакомилась со своим будущим мужем Алексеем. В душе она чувствовала: есть и ее доля в том, что он вернулся домой, потому что она, ее мама и сестры ежедневно перед иконой Казанской Божьей Матери молились за Победу, за возвращение солдат, и в том числе за Алексея, которого тогда еще не знала. И Алексей, хоть и был дважды ранен, вернулся!

Закатное солнце опустилось за сады, унося полоску света со стола. Вера Николаевна включила лампу. Достала толстый фотоальбом. Вот Алексей в форме сразу после войны — высокий и подтянутый. А вот его портрет: густые черные брови, сросшиеся на переносице, лихой вихор... и синие смеющиеся глаза. Хоть фото черно-белое, но Вера Николаевна видит их цвет...

Тут ее взгляд остановился на фотографии с оторванным уголком, на ней — она с мужем у цветущего куста боярышника, сидят на траве, она в своем любимом белом платье в черный горох, в белых носках и босоножках. Светлые

волосы, собранные сзади, открывают лоб. Голова на плече мужа... И Вера Николаевна погрузилась в воспоминания: как они с Алексеем на весеннем лугу майских жуков ловили... как дом строили и соседи им помогали...

— Вера, ты дома? — она услышала голос соседки, быстро закрыла альбом и вышла навстречу, — я раз постучала, другой — никто не отвечает.

Лидия Петровна стояла в дверях и держала тарелку с блинами.

— Проходи, Лидочка. Я и не слышала, как ты стучала: фотографии смотрела... Жалко, что Алеша так рано ушел. Иногда забудусь, разговариваю с ним, и вроде на душе легче, — Вера Николаевна достала из шкафа плетеную вазочку с пряниками, из холодильника — банку с яблочным повидлом.

— Я вот блинов напекла, с творогом, — Лидия Петровна придвинула ей тарелку, присев на табурет. — Да, без Алексея плохо. Он и мне, бывало, помогал по-соседски. Что говорить, подорвал здоровье свое: все по окопам... да ранние еще...

Вера Николаевна, ставя на стол чашки, продолжила разговор:

— Да... Уважали его... Когда открывали памятник возле завода, ему доверили ленточку перерезать... И в школу каждый год приглашали! О жизни на фронте рассказать, о боевых товарищах, о себе... На фронт добровольцем ушел. В семнадцать лет. Прибавил себе год в военкомате... Пол-Европы в пехоте прошагал. И до Берлина дошел!.. Любил повторять: «Наша возьмет!»... А когда совсем слег, каждый год в День Победы ждал пионеров. Знал: придут они, в белых рубашках и красных галстуках, с цветами, с горнами и барабанами. «Бом-бом-бом-бом!» — слышалось во дворе, когда к дому подходили. А у меня сердце выпрыгивало!..

Посажу ребят за стол, пирогами с вишней угощаю, смотрю: они хоть и стесняются, а с удовольствием кушают, хвалят...

— А мы отца с войны ждали. Я все представляла, что однажды он подойдет незаметно сзади и закроет ладонями мне глаза... Не дождалась... Он в танке заживо сгорел... В письме своем последнем, из Белоруссии, как чувствовал, написал: «Эх, жить чертовски хочется!.. Не плачь, утри слезы. Жалей, люби детей. Целую вас в последний раз»... Хорошо, фотографии сохранились. Внук Денис на него похож: такой же рослый и плечистый!

Помолчав, Лидия Петровна тихонько запела: «...Легат в земле сырой Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...» Вера Николаевна тоже вспомнилась эта песня. Пластинку с ней в исполнении Марка Бернеса она хранила в шкафу. Она бы поставила ее сейчас, но сломанный проигрыватель давно выбросили.

Вера Николаевна потянулась за блином:

— Для внука старалась? — перевела разговор: — Дениска приехал: так он уже все экзамены сдал?

— Да нет, — Лидия Петровна опустила голову, словно провинившийся ребенок, — бросил он институт. Родители столько денег в его учебу вбухали... Теперь ему повестку за повесткой из военкомата шлют. Вот он у меня от армии и прячется...

— Ой, да как же так?! — Вера Николаевна заслонила ладонью рот и пристально посмотрела на подругу.

— Ты, Вер, молчи... — голос Лидии Петровны стал тише. — За тысячу километров не найдут! Не отдам единственного внука! Сама знаешь, сколько ребятишек погибло в Афганистане и Чечне. Тебе, Вера, не понять, у тебя нет внуков...

— Да, мне не понять ... — с болью в сердце отозвалась Вера Николаевна.

Сколько она ни просила Бога, не дал он ей деток. А теперь, когда ушел в мир иной ее муж Алексей, испытала на себе, каково — быть одной...

Дальше разговор не клеился. Чай допивали молча. Разошлись, думая каждая о своем...

...Вера Николаевна среди ночи проснулась. От выстрелов. Нехорошо стало на душе: где-то недалеко палят «А может, это салют в честь Победы? Что-то рановато... Завтра салют будет. Тренируются, может...» И снова задремала.

Утром поднялась рано, про себя сказала: «Вот и еще один день начался. Дай, Господи, здоровья мне и всем добрым людям!» Вскоре дом наполнился запахом выпечки. Вера Николаевна разделила пирожки: в глубокую тарелку сложила и накрыла салфеткой — соседей угостить, в сумку — на кладбище взять.

Оделась по-праздничному: светлая вязаная кофта поверх темно-зеленого платья. Седую голову прикрыла белым капроновым шарфом, завязала его свободно под подбородком. Медленно ступая, понесла тарелку с пирожками по вишневому тоннелю, соединявшему дворы.

— Возьми, Лида, сама покушай и внука угости. Да Алексея моего помяни. А я сейчас пойду его проведу, — подала соседке тарелку с румяными пирожками.

Городское кладбище располагалось неподалеку. Как до конца улицы дойдешь, повернешь направо, пройдешь мимо церкви, разрушенной еще до войны, но так и не восстановленной, окажешься у его ворот. Помогая себе клюшкой, брела Вера Николаевна по пыльной грунтовой дороге. У ворот кладбища продавали яркие искусственные цветы. Она такие цветы никогда не покупала. Для себя она решила: «Пока силы есть и ноги носят — на могиле Алексея живые цветы будут. Посажу!»

Рядом с продавцами цветов сидели две нищенки — просили подаяния. Вера Николаевна положила им по пирожку. На кладбище у многих могил копошились люди. Ограды и памятники блестели свежей черной и серой краской, изредка голубой, — их обновили перед Пасхой. Вера Николаевна шла по знакомой дорожке к голубому памятнику с красной звездой наверху.

Вот и добралась. Остановилась перед памятником:

— Здравствуй, Алеша мой родной... Не могу быстро ходить... Но ты знал, что я в этот день обязательно к тебе приду...

Наклонилась, пощипала траву на холмике среди красных тюльпанов. Села на скамейку. Смотрит на овальную фотографию — улыбается с нее Алексей. «Что это на ней?» — Вера Николаевна достала носовой платок. Протерла портрет — не оттирается. Провела по эмали пальцем и нащупала пробоину. Губы ее задрожали:

— Не поняла сослепу... А это же... это след от пули... выстрел!.. Войну прошел и живым вернулся... Чья же пуля его достала?.. Не уберегла я его...

Долго сидела Вера Николаевна на скамейке у могилы мужа, плакала и причитала. Огляделась — у других могил тоже женщины плачут. Поговорила с ними: такая же беда...

Когда с кладбища возвращалась, остановилась у разрушенной церкви. Поднялась на невысокое крыльцо, заросшее сочным чистотелом: «Кто? Кто это сделал? У кого рука поднялась?» — обращалась она к Всевышнему. За горькими раздумьями не заметила, как спряталось солнце. Сумрачное небо опустилось ниже. По его темно-серой глади плыли друг за другом холодные облака. Теперь сады виделись ей мертвыми заснеженными холмами. Показалось: она замерзает среди них под ледяным небом.

Не заходя домой, побрела к Лидии Петровне: захотелось поделиться горем с подругой.

Та усадила ее на диван. Выключила телевизор. Внимательно, не перебивая, выслушала.

— Кто же это стрелял?.. И я слышала выстрелы... ой... неужели это... — голос ее осекся, — неужто это внук мой, Денис? Вчера на пистолет наткнулась, когда в его комнате убирала... И пришел под утро...

Потемнев лицом, Лидия Петровна крикнула:

— Денис, ну-ка, иди сюда!

Из спальни появился широкоплечий парень в черной майке с крестом, похожим на свастику.

— Где-то я видела этого парня... — попыталась вспомнить Вера Николаевна, — и этот страшный крест на майке...

— Денис, это ты на кладбище стрелял? Или дружки твой? — строго спросила Лидия Петровна, — чувствую, что — ты! Завтра же отцу позвоню! Пусть забирают тебя!

— Ты че добиваешься, чтоб я вены себе порезал? — загремел в ушах Веры Николаевны раздраженный голос парня, мгновенно скрывшегося за дверь.

Грудь Веры Николаевны сдавило так, что дышать нечем. Захотелось поскорее на свежий воздух. Встала с дивана и — к выходу.

— Ну и что с ним делать?! А ничего не сделаешь... Времена такие... — попыталась оправдаться Лидия Петровна, провожая соседку до калитки, — спросила у него: «Откуда пистолет?», а он гаркнул: «Молчи!»... А фотографию заменить можно... Ты, Вера, прости его, дурака... Внук ведь...

— Да, времена... — вздохнула Вера Николаевна.

У калитки обняла подругу:

— Лида, у тебя такое горе...

Галина Стеценко

Донецкая область, Украина — Москва, Россия

ВДОЛЬ СЕМИ ВЕТРОВ

Вдоль семи ветров поперек судьбы
Путь держу дорогой неторною.
Эх, узнать бы мне, если б да кабы,
Где сложу главу непокорную.

Вдоль семи ветров поперек судьбы
Маятой какой век мой маяться?
Где б добыть такой ворожбы-волшбы,
Что сама собой песня бается?

Вдоль семи ветров поперек судьбы
Ретивое, что ж ты забилося?
Птицу вольную в клеть да не сади.
Мне вослед кручина пустилася.

Вдоль семи ветров поперек судьбы
Ты не бойся, встань, успокой меня!
Не иначе как без твоей любви
Стану ветром восьмым мятежным я.

Донецк

Щекочут ноздри
листва и порох...
Война и осень
взрывают город.

Все будто в ключья:
и дни, и ночи.
Ноябрь пророчит,
что жизнь короче.

Рыдает счастье
в твоих куплетах.
Но я во власти
твоих проспектов.

Мои пароли,
твои секреты.
Маршруты скрыты
и под запретом.

Но это небо
тобой воспето.
И будет солнце,
и будет лето.

Натали Воробьева
Донецк, Украина

ОРДЕН

Рассказ

В купе, тускло-сером от мартовской погоды за окном, не сразу стал виден попутчик. Он сидел, как-то скрючившись в углу, чуть откинувшись от окна. Впечатления никакого он не производил, точнее, производил, так сказать, обратное, что-то вроде неприятного. И, может быть, даже не из-за своего вида, а вследствие досады, что мы оказались не одни в почти пустом поезде.

А выглядел он в самом деле непрезентабельно. Маленький, худенький, со сморщившимся небольшим личиком, жидкими волосиками, с видневшейся из-под непонятно какого цвета рубашки тонкой шеей, положенными на колени землистыми жилистыми руками, он казался совсем ненужным в этом купе.

Разговаривать не хотелось — ни с ним, ни между собой. Он, видимо, чувствовал это, ерзал, покашливал, смотрел то в окошко, то на свои руки. С чего начался разговор, уже и не помнится, но с чего-то, скорее всего, сам по себе. У него оказался обычный старческий надтреснутый голос с украинскими нотками.

Сказал, что едет к больному сыну, вызвали родственники. Захотелось, раз уж разговорились, что-то узнать о попутчике. Спросили. Оказалось, что он сел в поезд за несколько

станций до нас, в Винницкой области. «Война», — подумалось сразу. Да, застал, конечно, войну, немцев, оккупацию, но колхозное хозяйство продолжало работать и при них, даже поощрялось. Потом стали вывозить в Германию, и он бежал на восток, навстречу Красной Армии, которая уже подступала к Днепру.

Только он переправился через него на левый берег, как их подразделение в числе сотен других получило задачу «любой ценой» форсировать реку в обратном направлении. Они были не первыми, входившими в холодную осеннюю воду, там уже были занятые нашими плацдармы. Теперь вспомнился уже Юрий Бондарев с его «Батальонами, просящими огня», трагедией умышленно не подержанных командованием передовых правобережных отрядов.

А попутчик тем временем разговорился. Вот они долго до берега монтируют плоты, выжидают удобного часа, чтобы подтащить их поближе к воде. Впрочем, о таком удобстве говорить не приходилось: канонада над Днепром не умолкала ни днем, ни ночью, прожектора ощупывали буквально каждый речной и близбереговой участок суши, трассирующие пули, оставляя свой след, с визгом падали в воду и на землю. Но все-таки что-то уллучили и пошли, втащили на мелководье в воду. Плотов одновременно плыло много. От желания как можно быстрее достичь берега, остаться в живых, а также от отсутствия, во многих случаях, опыта и сноровки переправы через большие реки плоты часто сталкивались между собой, в воду, скользя и пытаясь удержаться, падали сдавленно кричащие люди, хрипящие от подвязанных морд лошади, воинская техника, провиант. Но другие, оставшиеся, гребли и толкали эту несовершенную и незащищенную, но единственно возможную конструкцию вперед и вперед. Летели в воздух и по сторонам деревянные обломки и искореженные куски металла, вода

вспучивалась от снарядов, в месте точного попадания в плот становясь в ночи бурой от людской крови и маслянистой от технических жидкостей.

В темноте, да еще из-за нависающих утесов берег был почти не виден, его почувствовали лишь по толчку, когда под плотом закрипела песчаная отмель и застучали донные камни. Соскочили, поддерживая замазанные глиной и забрызганные кровью шинели, пошли вверх по круче, впереди было совсем безлесое поле, дальше немецкие окопы, и тут его ранило, слава Богу, не смертельно: всего лишь в ягодицу. Упал, истекая кровью, идти, тем более бежать невозможно, да и боль не давала это делать. В общем, госпиталь.

Когда же вернулся в строй, узнал, что награжден орденом Отечественной войны. Был в Европе, потом вернулся в родной колхоз, почти до последнего времени работал на своей опытной станции. Сейчас на пенсии. Вдохнул.

В одно из мгновений его рассказа мой взгляд выхватил лацкан его пиджака, на нем остались следы явного отверстия, края его не были ни подшиты, ни приглажены, болтаясь короткой неряшливой бахромой.

— Это от ордена? — кивнул я теперь на дырку.

— Да, от него, — ответил старик.

— Почему сейчас нет?

Он помолчал, поглядел на нас, отвернулся и стал смотреть в окно. На какие-то мгновения в купе повисла тишина.

— Времена-то сейчас какие, — вдруг промолвил он. И поведал, что, конечно же, носил орден, гордился своим участием в войне, своим подвигом, приглашали в школы, рассказывал о войне, победе. Но однажды заметил какие-то косые взгляды некоторых односельчан, потом узнал, что в городе проходят собрания и шествия тех, против которых он воевал — националистов. Выяснилось, что и власть — и на самом высоком, и на местном уровне — поддерживает

их, награждает вновь изобретенными орденами и медалями. Наоборот, от ветеранов же вроде него отмежевывается, в лучшем случае старается не замечать, а в иных — откровенно противопоставить новоявленным героям, прежним отщепенцам. Узнал, что были случаи и нападения на ветеранов Великой Отечественной. Так и появилась на лацкане его пиджака дырка. А орден хранится дома...

Поезд пересек границу, впереди была станция уже на Псковской земле. Старик стал собираться: заскорузлыми пальцами застегнул пиджак, надел помятую кепку, как-то скомкав, взял в руки полиэтиленовый пакет.

— Сын у меня лежит с инфарктом, — тихо сказал он, держась уже за ручку купейной двери. Мы попрощались. Он вышел.

До здания станции надо было подняться на горку, там стояли люди. Мы видели, как старик поглядел снизу вверх в их сторону, спина его на мгновение замерла и тут же его голова как-то неуклюже втянулась в плечи, он как будто уменьшился ростом, ноги стали подкашиваться, но он не упал. Остановился. Видимо, по тому, как безмолвно, не глядя друг на друга, напряженно стояли встречавшие его, он все понял.

С пригорка побежали люди, подхватили его под обвисшие руки, стали враз что-то говорить, повели его наверх.

Послышался гудок, поезд тронулся, станция осталась позади. За окном темнело, темно было и в наших душах.

Юрий Кривошеев

Ужгород, Украина — Петербург, Россия

* * *

Какая долгая дорога,
какая снежная страна,
та, что обильна и убога,
та, что теперь разделена
заборами... Сказать — «граница» —
и не хочу, и не могу.
Стучат колеса, поезд мчится,
не различая на бегу,
где самостийной Украины
земля, где — русские края...
Вокзал с остатками лепнины,
подслеповатая семья
пятиэтажек грязно-серых,
линялых лозунгов тряпье,
ларьки, забитые фанерой...
Где здесь «твое», а где — «мое»?
Кому показывать свой нор? —
И воют в страхе и тоске
по обе стороны забора
псы — на едином языке.

Наталья Перевезенцева
Петербург, Россия

* * *

На таможах — грустные собаки,
Комиксы искусственных границ
И разнохарактерные флаги
Над похожестью славянских лиц.

Но, конечно, дело не в мытарствах —
Горечи душа моя полна:
Русский мир разбит на государства,
А Отчизна у меня — одна.

Помню, в детстве я, не умолкая,
Пела без предчувствия потерь:
«Широка страна моя родная...»
А какую песню петь теперь?

Я тужу, а падких на приманки
Раздражает мой сиротский вид...
Как в бомбежку раненая мамка,
У черты рубежной Русь лежит.

Татьяна Шорохова
Симферополь, Крым — Петербург, Россия

* * *

Нищенской горькой злобы
Свистнет над ухом плеть.
Выжить!
Но только чтобы
Сердцем не обмелеть.

Ты, чье время все ближе,
Муку мою прими —
Выжить,
Позволь нам выжить,
И — остаться людьми.

* * *

Земляника во рву
Меж разморенных солнцем камней —
Раздвигая траву,
Я, как ветка, склоняюсь над ней.

Пулеметным свинцом
Время скосит меня — ну и пусть.
Помертвевшим лицом
В земляничную россыпь уткнусь.

Недописанный стих
Обреченно вздохнет у плеча...
На ладонях моих
Земляничная кровь горяча.

*Екатерина Полянская,
Петербург, Россия*

ВСПОМИНАЯ ЭДЕМ

Рассказ

С художником Спиридоном и его женой Татьяной я познакомилась прошлым летом на пленэре у моря. Меня, одесситку, они поразили рассказом о том, что живут под Ужгородом в горах, в доме с большим садом, а прямо за оградой — сосновый бор. Ну как было не принять их приглашение?

Первый вечер

Поднимаемся в гору. Строй сосен застыл в почетном карауле. Дачи по обе стороны тропы протягивают охапки цветов. Воздух поит чистым кислородом. Как славно!

Татьяна встречает нас. После взаимных приветствий проводит на веранду. Мы садимся пить чай. Вспоминаем знакомых художников со всей Украины, которые были на пленэре, выставку и шумную дегустацию на винзаводе, поездки на лиман и виноградники.

За разговором я едва успеваю осмотреться. Но уже чувствую ауру, которая соткалась из кружащего голову запаха цветов, облачков пара над чашками, обаяния улыбок, возникшей симпатии.

Пока чаевничаем, словесное кружево плетем, приходят знакомиться обитатели дома. Франка, длинношерстная овчарка весом под семьдесят килограммов, приняла меня как неизбежность. Даже не обнюхала. А когда мы болтали на веранде, пробралась под стол и плюхнулась на мои ноги.

На колени Спиридону прыгает кошка. Худобу ее вытянутого тела не скрывает даже пушистая шерсть. Впрочем, некоторая изможденность придает ей аристократизма.

— Дуся, — представляет он ее. — Умница наша! Весь дом на ней держится. Охотница — что надо!

— Почему же такая худющая?

— У нее котята, — объясняет Таня. — Прячет их в кладовке, даже не знаем, сколько.

День уползает за горизонт. Прохладным ветром приносит на веранду мотыльков, они толкуются вокруг лампы. Я подхожу к раскрытому окну.

— Посмотри, — Спиро указывает на сосны за калиткой. Голый ствол одной из них вдруг из серого становится медно-красным: закатное солнце зажгло его. Несколько минут — и все меркнет.

— Стараюсь не упустить это мгновение, — Спиро говорит вполголоса, словно боясь его спугнуть. — Только редко такое увидишь. У нас, между гор, облака любят кучковаться.

Он неслышно отходит, а я еще долго смотрю в окно. Ветер стихает. Воцаряется тишина. Почему всегда к слову «тишина» хочется добавить — «звенящая»? Наверное, не бывает просто тишины. Она складывается из тончайших звуков. Так семь цветов радуги, соединившись, дают белый цвет. Вспомнились строки Карла Гершельмана. Поэт, художник, философ, он после революции эмигрировал из Одессы в Эстонию, но без родины тосковал. Оттого в его стихи всегда вплетена грусть:

Из-за четкого вечернего покоя,
Из-за тучки над колодцем длинношеим,
Из-за жизни выплывает золотое,
Золотое, что назвать мы не умеем.

В объятиях дома

День начинается под музыку Вивальди. Ветер посылает в мою мансарду волны музыкальных приветов. Знаю от кого — от Татьяны. Она встает раньше всех, потому что — на работу. Мне хочется побыть с ней. Выхожу на площадку третьего этажа и получаю новый привет — умопомрачительный запах кофе. Спускаюсь по узкой деревянной лестнице. Таня в пижаме, с распущенными льняными волосами колдует у плиты. Она жестом приглашает меня на веранду. Стол накрыт на три персоны: на кофе подтянется и Спиридон. Это священный утренний ритуал.

Входит он. Самоуглубленный. Оказывается, с четырех утра у мольберта.

— Посмотрите! — вдруг ликующе вскрикивает Таня. — Расцвел кактус!

«В честь моего приезда», — без ложной скромности думаю я. Как точно он рассчитал! Сначала грушевидное тело отрастило длинную руку, а сегодня ночью вложило в нее цветок. Он как тюльпан, только нежнее, больше фарфоровых лепестков.

Татьяна выходит в «рабочей форме» — длинном элегантном платье салатного цвета и белой кружевной шляпе. Глаза из-под нее брызжут голубизной. Прощаясь, дает мне большую фотографию. Снято с горы. «Наша» гора — напротив. В зелени можно разглядеть несколько красных точек. Спиро указывает на одну:

— Наш дом. А город внизу.

Господи, какая красотища! Ради нее стоит преодолевать каменистый подъем, терпеть разливы после дождей, снежные заносы. Эта местность относится к заповедной зоне. Только здесь и в Крыму сосна такой породы — черная. У нее темно-зеленые жесткие колочки, особо целебный аромат.

Татьяна и Спиридон лет десять назад продали квартиру в центре города и перебрались сюда. Дом — необыкновенный. Он числится в каталоге самых интересных загородных домов Закарпатья.

Дом сам по себе небольшой, но оброс, будто кактус детками, верандами, кладовками, подсобками.

Сердцевина этого микромира — застекленная веранда второго этажа. Скорее, оранжерея. Растения тянутся из горшков, старых чайников, мисок, баночек... Фиалки, герани, фуксии, бегонии. Но царствуют кактусы — каких только видов нет!

Солнце пронизывает витражи, вспыхивает ослепительными звездами на стеклянных шарах. Таня, выдумщица, притащила из лаборатории, где работает, бракованные колбы, набросала в них цветных бумажек и лепестков, а Спиро подвесил к верхним переплетам оконных рам. Зрелище — фантастическое.

Здесь уютно сейчас, когда за окном море зелени и светит солнце и свежесть вливается в дом. Но, наверное, осенним вечером тоже приятно усестись на диване, поджав ноги, и слушать, как дождь выбивает дробью послания на стеклах, а на веранде светло, пахнет яблочным вареньем и геранью.

Лестница светлого дерева тоже вся в растениях. Там же — деревянные скульптуры. Они остались от Таниного отца — ученого, художника. Вырезанные им из дерева ма-

ски, которые я видела на стене сарая, превращают его, если пофантазировать, в святилище африканских духов...

Весь дом — от прихожей до мансарды — увешан живописью Спиридона и фотоработами Татьяны. А в большой комнате, в витринке под стеклом — медали ее родителей. Нигде такого не видела! Это действительно называется: свято хранить память...

Мастерская Спиридона. В приоткрытую дверь вижу, как он у мольберта рисует углем. В соседней комнатке спит внук Вадик. Вот он как раз выходит — заспанный, взъерошенный.

— Доброго ранку! Диду, я зараз до Миколи...

И сразу — во двор.

На хозяйственном этаже — парная! Камни на железной печке, деревянные полки. Вечером — непременно сюда! Напротив, за стеклянной дверью — мини-бассейн. Представляю: после парной — в холодную воду. Какое будет удовольствие!

У каждого дома свой характер. Есть дома тщеславные, насупленные, горделивые. Есть такие, где задыхаешься. У этого — легкий характер. Дом пронизан внутренним светом даже в самых темных закутках. Кажется, у его обитателей нет проблем. Увы — есть, как у всех. Но мне кажется, что, притащив снизу груз проблем, можно на пороге их сбросить, как тяжелый рюкзак. Дом заключает тебя в объятия. Согревает. Дает наслаждение глазам и отдохновение сердцу.

Душа

Жизнь Татьяны совершила вираж в тот день, когда она случайно увидела в газете объявление о продаже загородного дома.

— Я пришла сюда, села на ступеньку внутренней лестницы и сказала себе: «Это мой дом».

Так она взвалила на себя огромное хозяйство. После работы в лаборатории она готовит обед, кормит всех, включая животных и приятелей Вадика, варит варенье, колдует у компьютера, моет-чистит, консервирует, читает... И это — не говоря о работе в саду.

Она является Центром маленькой вселенной. Полна планов, вынашивает все новые и, упорно преодолевая сопротивление обстоятельств и инерцию семейства, воплощает их в жизнь.

На пленэре Таня без конца фотографировала. Но кто сегодня не щелкает затвором? Показала тогда она с ноутбука свои работы, и я поняла, что живет в ней оригинальный фотограф.

А вчера Татьяна так, мимоходом, сказала, что недавно в городе была ее персональная выставка. Вот это да!

Два толстенных альбома открыли для меня Танин фотомир. Человек и сотворенное им не представляет для нее интереса. Даже старые дома дивного Ужгорода, которые я, например, фотографировала без усталости! Только природа. Только естественное. Конечно, цветы. Они взяты объективом поодиночке, крупно. Деревья во все времена года, речки, горы, закатное солнце. Ее пейзажи включены в прекрасно изданный альбом природных красот Закарпатья.

Вечером Таня подкинула мне пару альманахов, которые издает общество русинов. К стыду своему, я мало знала об этой народности. Одна из ветвей славян, русины, осела в Закарпатье, или, как они говорят, в Подкарпатье. Говорят на устаревшем русском. Их много, они не теряют самобытность, душой тянутся к России. Сохраняют свою культуру. Русское начало усилили в ней эмигранты, которые бежали от большевиков. Они стали ядром закарпатской интелли-

генции. В альманахах я прочла много интересного о русинах. Татьяна была некоторое время председателем их общественной организации и работала с энтузиазмом, который вообще присущ ее натуре.

Как-то Таня вытащила из гаража увесистую папку, сдула пыль. Вручила мне.

— Так, для интереса. Моя докторская диссертация.

Я прочитала название и была поражена. Суть в том, что в работе исследуются, говоря простыми словами, биохимические процессы, которые происходят в организме больных, пострадавших от чернобыльской катастрофы.

— Я обследовала более пятисот пациентов, — сказала Таня. — Материал огромный. Уникальный.

Отец ее был основателем в Закарпатье своей научной школы биохимии. Дочь продолжила. Защитила кандидатскую в НИИ курортологии. Подготовила докторскую.

— И что?

— Уже был в Киеве назначен день защиты. И в последний момент выяснилось, что один из специалистов, кто давал отзыв на диссертацию, является членом Ученого совета. А это запрещено. Защиту перенесли.

— А дальше?

— А дальше в стране началась неразбериха. Все поломали, ВАК не работал... Заинтересовалась Москва. Я туда отвезла экземпляр. Приняли. Но теперь публикации, защита — такие деньги, каких у меня нет.

— И диссертация осталась в Москве? Ведь кто-нибудь ею воспользуется!

— Пусть. Лишь бы на пользу пошла.

Боже, почему нашему государству не нужны исследования, которые могут помочь жертвам атомного апокалипсиса?

Разбегающаяся вселенная

Спиридон ведет меня по центральным улицам Ужгорода. Он похож на городки, которые я видела в Югославии (увы! — бывшей). Дома из прошлых веков вокруг центральной площади с неизменным фонтаном. Вокруг него по вечерам чинно прогуливаются семействами. Здесь фонтана нет, зато есть довольно широкая река Уж с набережной. В отличие от карпатских бурливых речушек она величественно несет свои воды. А жители гуляют по липовой аллее и гордятся тем, что она самая длинная в Европе.

Встречаем знакомых Спиридона. У него в таковых, наверное, все, кто имеет отношение к культуре. Кого-то он приветствует по-украински, кого-то по-венгерски. Со всеми находятся общие дела. А ведь он — коренной одессит. Бывает в родном городе часто: приглашают расписывать церкви. Он организует пленэры для живописцев и графиков разных стран. Удостоен за это звания почетного члена Одесской организации Национального союза художников Украины.

Все, с кем Спиро меня знакомит, — люди, по его словам, удивительные, талантливые, замечательные. Возле кафе встречаем художника — на вид подросток, только седой клоч в бороде. Джинсовые костюмчик и шапка, из-под которой виден кончик обгоревшего за лето носа.

— Вася! — радостно восклицает Спиро и обращается ко мне. — Вася — потрясающий скульптор!

— В какой манере вы работаете? — заинтересовалась я.

— Понимаете, — охотно откликается Василий, — земной шар — это сфера, не правда ли? Мы — часть этой сферы. Поэтому я все вырезаю из сферы...

— Взглянуть можно?

— Да у меня в мастерской почти ничего нет.

— Васины работы разлетаются в Европе, как горячие пирожки, — восхищенно замечает Спиро.

Они долго говорят, перебивая друг друга, прощаются, опять заводятся...

Пока я любовалась центром Ужгорода, Спиридон закупал продукты по списку. К концу нашей экскурсии его рюкзак стал неподъемным. Поджарый, прокаленный солнцем художник напоминал теперь пирата с добычей. Как он будет подниматься в гору? Но ничего, идет ходко.

Перед поворотом нас окликает сосед.

— Заруливайте, — громко говорит он тоном, не терпящим возражений.

Честно говоря, мне так хочется домой!

— Отказать нельзя, — разводит руками Спиро. — Номенклатура!

Сосед — бывший секретарь обкома партии. Курировал строительство вокзала, который ныне — гордость города. Теперь он командует пернатыми. Кого только нет в его хозяйстве!

На бордюрике подвала — скатерь-самобранка: бутылка и стопки, сало, малосольный огурец. Нахальные куры тащат с тарелок что ни попадя. А хозяин с упоением вспоминает, как расцветала под его руководящей рукой промышленность края. Нет, он не жалуется на судьбу. Что ж, молодец, нашел новое дело по душе, хлопочет. Жизнь продолжается!

Дома Спиридон чуть отдохнул и принялся за работу. Мужские руки в хозяйстве нужны. Предстоит утеплить комнаты третьего этажа, застеклить нижнюю веранду... Но это «обязаловка». Главное — живопись. Для нее — раннее утро, зачастую — ночь. Спиро нужно кофе, сигареты и уединенность. Он пишет пейзажи, но больше любит натюрморты, а еще больше — абстракции. Изображенное им ассоцииру-

ется у меня с разбегающейся вселенной. Например, полотно, которое он мне подарил, — «Маслина». Искривленная крона, а листья — лохматая шапка. Будто их оборвал ветер, раскидал, но еще не унес. И цветы в вазе — как взрыв!

Художник живет, на мой взгляд, в идеальной среде. Ему только стоит выглянуть из окна веранды, и перед ним — картины. Трепетные, многоцветные, разнообразные. Горы — то затянутые синими тучами, то переливающиеся под солнцем всеми оттенками зеленого, серые и рыжие крыши в низине, далекая перспектива, открывающаяся в ясные дни... А под окном — виноградная лоза (сейчас она прогибается под тяжестью гроздьев). Живописные арки и дорожки сада просятся на холст. Цветы такие, что палитры не хватит.

Просыпаюсь рано, выхожу в сад. Небо за соснами только начинает розоветь. Перистые облака медленно плывут, тают, меняют очертания. Я пью утренний воздух, как бальзам. Он растекается по телу, и оно становится невесомым. Взлететь, что ли?

Из кустов выпрыгивает куриное воинство и в предвкушении кормежки «мяукает». Вот оно что! Это экзотические «итальянки» и «японки», о которых мне говорили хозяева. Все, по нашим масштабам, недомерки. Прыткие, несолидные. Смешные. Особенно те, у которых лапы в перьях и со шпорами. Настоящие самурайчики. Два бройлера среди них плывут огромными белыми кораблями.

Недовольно ворчат голуби за сетчатой загородкой. Тоже проголодались. Идем к ним. Пестрый красавец-самец с вывернутым распушившимся хвостом устроился вверху. Он сердито косится то ли на нас, то ли на свой гарем. Скромная самка бежит боком по жердочке, как по клавишам рояля.

— Мегера! — грозит ей Татьяна. — Что натворила! Отбила самца у его законной супруги. Та не успела яйца отложить. Я вот тебя!

Пока мы под сенью дикого винограда пробирались к дому, солнце окончательно выпросталось из пелен облаков. Сад открывается мне во всей красе. Хозяева явно презируют стиль регулярных парков. А японцы! Если их со своими икебанами наш обычный букет приводит в ужас, как бы они восприняли этот сад? Здесь все смешалось, перепуталось, свилось, все соревнуется в животворящей силе. И выживает, и тянется к солнцу. Но я-то знаю, что сожительство растений тщательно продумано Татьяной!

По грибы

Мы со Спиро спускаемся по каменным ступеням из сада на лужайку. Лес подступает прямо к забору. Отворяем калитку.

Долго ничего не попадает. Все вверх и вверх, уже устали. Только Франка резвится, как щенок. Мы бросаем палку, она приносит, но не отдает, увертывается, рычит...

— Ничего не понимаю, — сетует Спиридон. — И дождей хватало, и солнца. На этих взгорках мы белые брали!

Мне тоже, конечно, хочется наткнуться на щедрую поляну. Азартное это дело — грибная охота. Но красотища! Среди черных сосен — буковая роща. Впервые вижу бук. Гладкие, ровные серо-голубые стволы напоминают трубы органа. Кажется, я слышу музыку — торжественную, мажорную, улетающую в небеса, где кроны этих гигантов... Теперь название земли «Буковина» наполнилось для меня смыслом.

Наконец мы наткнулись на грибное место. Правда, сыроежное. Но такие отборные экземпляры! Разноцветные, крепенькие. Мы жадно режем грибы, а Франка обиженно визжит: она-то думала, что в лес играть с ней пришли. Ино-

гда попадают «неопознанные объекты». Меня предупредили, что в этих лесах есть и опасные грибы, поэтому я консультируюсь с коллегой.

Намаялись карабкаться, но довольные были, как слоны под душем!

Спиридон выводит меня ближе к домам, и с полянки открывается далеко внизу панорама города. Черепичные крыши кажутся мне красными шляпками сыроежек.

— Двести метров вправо, — говорит Спиро, — Венгрия, столько же влево — Словакия.

Я долго всматриваюсь в затянутой дымкой абрис холмов, хочу увидеть другую жизнь, других людей...

Последний вечер

Франка дремлет возле костра, положив голову на лапы. Время от времени вскакивает и устремляется с лаем в темноту. Мы наслаждаемся упавшей влажной прохладой после раскаленного, утомительного июльского дня.

Чуть выше по склону — силуэт дома. Лампы горят только на веранде. Стекланный светящийся куб кажется инопланетным летальным аппаратом, зависшим над горой.

Огонь яростно рвется вверх. Он выхватывает из темноты то чешую стволов, то блестящие бока яблок. Но, не получая подпитки, смиряется, и тогда освещенными оказываются только наши лица — в пляшущем свете почти неузнаваемые. Вот пламя лизнуло последнюю ветку, пробирается по ней канатоходцем, замирает на мгновение и сникает. Мы следим за ним, не в силах оторвать глаз.

Спиро ждал этого момента. Наготове шампур с куриными крыльшками. Угли зло шипят и моргают красными дьявольскими глазами, но дело свое делают. Запах копчености

дразнит, и мы едва дождалась трапезы. С хрустом грызем крылышки, заедаем помидорами и запиваем вином с подходящим как нельзя лучше к нашему застолью названием — «Принцесса ночи».

— Спиро, налей мне один буль, — просит соседка Лена, и мы радостно подхватываем: «А мне три буля, а мне пять...»

Под винишко болтаем о чем придется: о робинзоновом счастье на острове, о том, что надо готовить Вадика в школу, что вчера Мегера улетела и не вернулась, что неплохо бы развести фазанов... Голоса наши становятся все тише, таинственней. Я вдруг остро сознаю, что высшие силы дали мне возможность побыть в Эдеме, в райском уголке, где все живое находится в ладу.

Все вокруг замерло. И сосны молчат в безветрии. Но когда умер последний огонек, они сузили кольцо вокруг нашей компании. Мы словно оказались на дне глубокого деревянного колодца. Высоко вверху — странно подсвеченное небо с единственной звездой. Спиро говорит, что это Венера. Мы охотно верим и долго в молчании смотрим на нее. Интересно, о чем думает каждый?

Ощущение плененности усиливает нашу возникшую у костра близость. Не хочется думать, что завтра мы разлетимся, как бильiardные шары, по своим лункам, по своим миркам. Не может быть, чтобы не осталась у каждого на доньшке сознания эта ночь, этот вроде бессвязный, но полный скрытых смыслов разговор «за жизнь».

Вероника Коваль,
Одесса — Ужгород, Украина

ЦЕРКОВЬ

Засиженная вороньем,
Насквозь продутая ветрами —
О нашем, а не о своем,
Скорбит глухими вечерами.

Вне времени и суеты,
Не исчерпав великой силы,
Молитвенно словив персты,
Взывает к совести России.

* * *

Золотые слова растащило по норам ворье,
И аукнулась нам бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком и в души несем не свое,
На сегодняшний день обменяв человечность.

Разрастается зло, выползает из темных щелей.
Погремущками слов азиаты гремят на рассвете.
Встань за Родину, друг мой! Молись и себя не жалея —
От безбожных отцов не рождаются русские дети!

* * *

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

* * *

Из небесной реки пьют небесные кони
И копытами бьют... Звезды сыплются вниз.
Открываю окно, окунаю ладони
В темно-синюю ночь и встаю на карниз.

Не желаю стихи, как жаркое на блюде,
Господам подавать, демонстрируя прыть.
Если я упаду, ничего мне не будет.
Между небом и мной неразрывная нить.

Владимир Шемшученко

Караганда, Казахстан — Петербург, Россия

СКВОЗНЯК

Из философского дневника

1. Сквозняк... Обычный русский сквозняк в мыслях, чувствах, поступках... Так и живем на сквозняке больше тысячи лет: боеем, простужаемся, кашляем, чихаем... Против русского сквозняка нет лекарства, скрыться от него некуда. Двери настежь открыты: одна — на Запад, другая — на Восток. Захочешь запереть на засов, да куда там! С петель сорвет: то революцией Запада, то деспотизмом Востока. Одно, против чего русский сквозняк бессилён, это большая русская печка. Топить ее дровами, углем, нефтью, газом, не перетопить. Она всех согреет, да еще и пирогов напечет. Мы цены ей не знаем. Нам тепло и ладно. Лишь бы сквозняк не сильно огонь в печи задувал. Так и идет русская история вокруг печи, что мир согревает своим углем черным да углом красным. В дом наш кто хочешь входи. Всех примем, всех обогреем, только сами плохо тепло храним. Есть какая-то вечная стужа в русских, не проходящая зима. Боимся мы холода и духовного, и природного. Чужды нам ледяные вершины разума и монументальность незыблемых форм. Любим все живое, природное, временное. Чтобы Бог на деревянной доске и в красном углу, чтобы кошка мурлыкала да мышка скреблась. Потому и мир к нам жметя. Азия, что

теленка к вымени, присосалась, Европа змеей шею обвила, Америка руки тянет. Одна Африка да Австралия мимо дрейфуют, но у них там тепло и солнышко круглый год светит...

А у нас сквозняк... И я сяду поближе к печке, чтобы не простудиться. Стол подвину, лампадку зажгу и начну писать сущие пустяки. Оттого, что существование пусто, а чем пустоту сущего заполнить? Только пустяками... Сквозняк гуляет, дверь стучит, лампадка горит, а бумага терпит...

5. У России нет текста, все в России письмо. Сплошной эпистолярный жанр: письмо иконы, письмо классического русского романа, «Слово о полку», бесчисленные летописи и дневники. Даже серьезные монументальные сооружения — это все те же личные письма, ищущие своего читателя. Читатель, как правило, сам графоман, увлеченный самописанием. Так и живем тысячу лет, пишем письма без обратного адреса. Вначале его искали варяги, призванные новгородцами, затем византийские монахи, удивлявшиеся, кому на этой земле необходимо письмо православное. Потом пришли монгольские баскаки, ловившие русских данников по дремучим лесам. С трудом, но почтовый ящик для приема писем был найден московскими государями. Их оказалось два: первый — Москва — Третий Рим до востребования царю-батюшке, второй — Святая Русь, царю небесному, утешителю. Инстанции разные, отправитель — мифологический русский народ, разлитый, выписанный и прописанный всюду. В девятнадцатом столетии его решили найти художники передвижники, поэты-демократы, народники-социалисты. Вроде нашли и описали, а он опять как сквозь землю провалился, ушел в ничего — свою любимую стихию. Его оттуда никакой мегафонией не выманишь и не оцифруешь номерами ИНН и пенсионных удостоверений. Потому категория народа русского не поддается исчислению. Нас — тьмы...

В письме человек пропадает, а современные СМИ и Интернет — идеальный лес для русских хакеров, ведущих партизанские действия. Обнаружить русского на территории русской культуры трудно даже для профессионала-культуролога. Большею частью встречаются мифологические персонажи: русская матрешка, вечный жид, горький пьяница и т. д. Мифусы для описаний, маски для игры в прятки, а кто не спрятался в любимую стихию русского ничего, тот сам и виноват...

8. Когда я слышу досужие разговоры об исчерпанности духовного потенциала русского православия, то думаю, какое великое счастье, что у меня есть мой духовник — отец Сергей, неисчерпаемый источник моей душевной стойкости и духовных возможностей!

42. Можно стереть из памяти то, что написано рукой, сердцем, головой. Но то, что написано чревом, стереть и забыть невозможно. От такого чревного письма, как правило, рождаются дети и животворные мысли. Православная молитва на старославянском языке — чревное письмо. Оно, как утроба матери, в которой дух обновляется, преображая и утончая оболочку физического тела.

45. И как чудно и странно в человеческой истории то, что для того, чтобы погубить человечество, не нужно миллионов мужчин и женщин, а нужны только двое — Адам и Ева, так же как и для спасения человечества нужна богочеловеческая полнота отношений двоих — Иисуса Христа и Девы Марии... (читая Библию)

46. За тридцать сребреников Царство Небесное продать можно, а вот купить нельзя...

59. Есть одна бесконечно зримая и любимая мною Россия. Заброшенный среди лесов, рек и озер маленький поселок Вознесенье на реке Свирь, при впадении в Онежское озеро. Там — полусгнившие мостки, чистая вода, много неба и солнца. Родовое кладбище, старая ель, заброшенная церковь в деревне Гежесельга...

Простор и воля... Будто не было этих лет и ничего не было. А только маленькая десятилетняя девочка уснула в июльский полдень на лугу. И проснулась оттого, что мама позвала ее пить молоко и есть чернику. Все остальное — сон, греза... Даже сын, хотя он — продолжение девочки, но в другой, лучшей и более значимой ее ипостаси...

60. Александро-Свирский монастырь. Родная моя Вепсария. Удивительный покров Богоматери над этой землей. Небесное сияние и золотой свет. Омылась, искупалась в источниках. Привела себя в порядок. И такой покой, мир и благодать в душе, что не хочется говорить, а только молчать, молчать, молчать... И слушать тишину леса, полей, безбрежное пространство земли и неба, в котором только Ты и Бог — единственная с Единым. Наверное, это и есть иератический брак с миром и Богом, венчание души с духом. А он возможен только по любви — искренней и взаимной...

77. Страшный Суд тем и страшен, что это будет суд любви, милости и милосердия Бога в отношении человека. В нем не будет места всепрощению. Даже представление всепрощения на уровне нашей несовершенной и испорченной природы понимаемое: «Как я тебя прощаю, иди и грехи снова» не имеет ничего общего с милостью Божией, в свете которой смертные куски нашей душевно-телесной породы начнут откалываться от нас, давая преображение

смертному естеству. И счастье, если в этом сонме обвиняемых и кающихся найдется хоть один, кто вспомнит душу твою и сможет сказать перед лицом Вечной и Бессмертной Любви: «Не виновна (или не виновен), ибо был (или была) в моей жизни!»...

78. Может, истинная свобода и последняя правда на земле — это и есть русская верующая совесть. Самая ее личность противостоит церковной иерархии и государственной тоталитарной машине. Поэтому при внешнем социальном рабстве и несправедливости русский человек онтологически независим от государственного порядка вещей, ибо царство его свободы, как и он сам, не от мира сего...

82. Что такое русская история? Это не жизнь, а попытка устроить свою жизнь чужим умом и собственным, как правило, горьким опытом. Самопроверка через чужое. Этим все время занимается русская государственная машина. Она действительно Левиафан, но под странным углом зрения. Это существо сторукое и стоглазое хорошо видит драгоценные богатства, находящиеся далеко — на западе, востоке, юге, а своего дорогого и бесценного у себя под ногами, а чаще под брюхом не замечает. Подобная черта присуща и многим русским образованным людям, полагающим, что родились в стране глупой, неразвитой, дикой и варварской, а потому ее обязательно надо переделать и модернизировать на западный манер. Только европейские моды не по русскому Ваньке сшиты. Лекала не те и все, как обычно, трещит по швам, еле прикрывая голую задницу...

85. Американская мечта — это не про меня и не про мою жизнь. Ибо родовая кровь живших до меня и живущих сейчас моих родственников говорит о призванности к служению

тому, кто рядом. Потому я не верю в инновационно-технологический оптимизм нашей политической элиты. В нем нет перспективы роста, так как отсутствует метафизический горизонт призвания, а дословно, гласа Божьего свыше. Поэтому и народ сам по себе, и государство само по себе...

89. Разве можно этот народ испугать муками ада и соблазнить дарамирая, когда изначально в нем уже и ад и рай, и падение и воскресение, и маловерие и сознание божественного присутствия в каждый момент своей жизни. И спросят: ты чей, русский человек? Я ничей, я только мамкин и Божий, но не государственный, не советский и уж тем более не либеральный. А если нет мамы и Бога, то, значит, ничей, сам по себе? А разве бывают такие на русской земле? Бывают, только они не рожденные. А то, что не народилось и не уродилось, то, значит, не живое, искусственно созданное, не настоящее. Выродившееся, химерическое, механистическое. Без своей родины, мамы, жизни и Бога. Нерожденные мертвецы — эмбрионы. Как их много в нашей унылой России! Выродившихся в беспомыслии поколений гомункулов — жвачных животных. Мамка их — машина, а Бог у них — деревянный рубль и зеленый доллар. И их самих в банковской капсуле нашли.

О великий, тысячелетний русский огород, каких только овощных культур и очеловеченных гибридов ты не видел! Их только построгать, порезать и сварить в бульоне времени и пространства. Селекционные издержки по возвращению человеческой породы. Поэтому и людьми мы станем только через прорастание в лоне матери к нашей вечной жизни в Боге, минуя стадию селекционной гибридизации в мире...

95. Если на земле нет места человеку, то тогда ему остается небо... Небо Аустерлица... И мысли князя Андрея Болконского о том, куда мы все бежим. Где наше место в жизни под куполом высокого неба? Воистину человек: бездна — вверх, бездна — вниз. И на четвертый философский вопрос И. Канта: «Кто ты? И что такое человек?» можно ответить так: «Спроси у неба Аустерлица. Оно тебе скажет!»...

96. Вспомнила реплику своего шестилетнего сына, когда он катался на санках с горки:

— Мама, смотри, как я качусь в премудрую бездну!

Премудрая бездна для моего сына, а для кого-то слепое ничто...

99. Слышала, что во времена холодной войны американцы ввели количество совокупных людских потерь российского народа за весь XX век. Машина выдала результат: «Такого народа не существует». Но если мы существуем, значит, это кому-нибудь нужно?! (косвенное, а может быть и прямое доказательство Бога)

98. Страшно жить на Руси без Бога в душе. И дело не в нашей душевно-духовной бесформенности, а, наоборот, в осознании предельности существования своей бессмертной души в образе человека. Вот родился бы немцем, французом, арабом, китайцем и жил бы в пределах нормативов и социальных циркуляров. Ан, нет!

— Угораздило же меня родиться в России! — воскликнул Александр Сергеевич и я вслед за ним...

120. Диву даешься, сколько же дураков российская земля плодит. Сплошное поле чудес с зарытыми золотыми монетами. Состояние тотального безмыслия и бессмыслия убивает.

Остается одно, вечно-тютчевское: «в Россию можно только верить!», потому что умом ее уже не понять, а сердцем не принять. Так, при колоссальном экзистенциальном напряжении все равно заходишь в иррациональный тупик, в котором истоком мысли становится не аналитика разума, а откровение веры не в государство, не в Церковь, не в золотое прошлое и светлое будущее, а в отдельного частного человека. Человек моей веры — это человек настоящего времени, текущего момента не слова и действия, а свободной мысли, пусть еще не высказанной, не реализованной, но уже вызревающей изнутри...

124. Сопереживаю, следовательно, существую. Такова максима русских славянофилов...

125. Смерть как состояние нельзя упразднить, но ее можно преобразить в пространство неуничтожимости жизни — «смертию смерть поправ». В этом и заключается феномен русских святых. Будучи людьми из плоти и крови, стяжавшими Духа Святаго, они остались жить и сопричастны нам на невидимом плане духовной помощи, формируя нетленное духовно-социальное тело Святой Руси. В этом и есть последняя правда русского человека на земле, призванного свое земное телесно-душевное существование человека общественного и государственного ввести в вечный план Руси Сокровенной. Причем вхождение связано не столько с праведной жизнью, сколько с прохождением через страсти и освобождением от них. Освобождение через покаяние, то есть признание в себе смертного, конечного, злого и лживого начала греха и тлена...

126. Не помню, кто сказал, что мир — это неугасимое пламя смысла, бьющееся на пепелище слов. Мне оно нравится своей конечной определенностью...

127. Русский человек, как существо пространственно-протяженное, своей жизнью и судьбой образует особое социально-органическое тело своего бытия. Это отличает его от западного человека, связанного корпоративизмом профессионально-деловых отношений, и от человека восточных культур, для которого характерен культ семейно-родовых отношений. Социальное тело русского человека есть продолжение его органического тела. Оно включает в себя семью, религиозную общину, трудовой коллектив, народ и государство. Каждый из нас пространственно-протяжен в коллективное Мы. И что такое русское Я? Это всегда моя семья, моя Церковь, мой народ, моя Родина, мое государство. И русский патриотизм основан не на понятиях национализма и шовинизма. Он имеет глубокие экзистенциальные корни и вписан в живую ткань бытия каждого человека, идентифицирующего себя с русской культурой. Результатом становится его тотальное присутствие в мире...

128. Русскому человеку свойственен мессианский радикализм поиска последней правды на земле. Из-за этого наша жизнь и полна лжи. Возможна крайняя точка последней русской правды и есть начало лжи. Правда — это искушение русского ума, оно связано с неутолимой жадностью добра и справедливости для всех и социального равенства. А так не бывает, ибо жизнь настоящего протекает в условностях существующего и определяется сложившимися возможностями. Поэтому проекция русской правды обращена либо в архаическое прошлое, либо в светлое грядущее и совмещена с вертикалью Божественного провиденциализма и предопределения. И поэтому последняя русская правда на земле невозможна и любая попытка ее достичь или ей соответствовать искажает настоящее, перерождаясь в ложь...

129. Богатство в современной России не благородно и глубоко люмпенизировано. Как таковые материальные богатства, переводимые в эквивалент денег, несут в себе только одну ценность — возможность потребления. Но потребляющий русский человек — существо отвратительное, мало чем отличающееся от скота, независимо от своего социального статуса. А ведь еще русские купцы знали, что часть доходов необходимо жертвовать на нужды общества, только тогда через жертвенные деньги, вложенные в человека, общий капитал приобретает достоинство и благородство. Не было на Руси банков, лучшие русские банки — это церковь и монастырь, там, где заработанное освящается богатством неиждиваемым, превращаясь из эквивалента стоимости вещей в сокровище. Это своего рода наша протестантская этика. Поэтому твоя частная собственность это не то, чем владеешь здесь и сейчас, а то, что вложил в человека и общество — это достояние. Достояние — это мера собственного достоинства, показатель стиля, качества и успеха в жизни. Только в этом случае деньги перестают быть распаляющим страсти в человеке, а становятся одним из инструментов совершенствования социальных отношений и средством спасения души человеческой...

137. Россия — женщина. Но кто она — София — премудрость Божия (по Вл. Соловьеву) или пьяная баба, растянувшаяся на дороге (по В. Розанову)? Безликая, животворящая материя языческой Матери Сырой Земли или персонифицированный источник творческой энергии, порождающий вечный образ в нас? Россия — лик или личина? Баба или София? А может быть, и Баба и София? Знаем ли мы подлинную природу своей страны, земли, истории которой принадлежим? Что мы в ней любим, что бережем, что ценим, что защищаем? Отдаем ли мы себе в этом отчет? Или

не нужно никаких отчетов, живи бессознательно как «лилии полевые, что не прядут», как «птицы небесные, что не сеют и не пашут»? Почему и зачем такие вопросы роятся в душе? Потому что мы даже имени своей страны, как вечной странницы, не знаем. Сколько у нее имен было: Русь, Расея, Тартария, Московия, Россия, и уж совсем волчьё — СССР и РСФСР. Без имени, без роду, без племени, без отчества. Наша страна — из ниоткуда, невесть кто.

А кто же у нас невесть кто? Конечно же, Невеста! Невеста приходящая, неизвестная. Узнать бы ее поближе да приглядеться. Вот и приглядываемся. В эти гляделки русская культура с девятнадцатого века играет. В жены Россию не берут, а все присматриваются. Смотрины эти Чаадаев начал. Все у него перед глазами двоилось, кочевало, двигалось. Глаз блудил, разум сомневался, мысль препарировала. Да, по его мнению, у этой N — неизвестной — своей истории не было, все ценности были заимствованы, основной характеристикой являлась межеумность. Россия для него представляла собой буквальную промежность Востока и Запада. В конце концов исконно русская ценность была им признана в конце жизни и точка основания найдена для России — это Русская церковь как единственное национально-историческое лицо и образ Невесты.

Для Розанова Россия — это баба живородящая, органически целостная, но податливая, пластичная, всегда готовая откликнуться на любой позыв мужского, оформленного, брутально-конституированного Запада или стихийно-экспрессивного Востока. Чревная, земная, темная баба-Русь. И темная не от незнания, а оттого что спит, не проснулась. Все дремлет, дышит, но не поет, не звенит, не разговаривает. Она вся в предчувствиях, шепотах, предвкушениях и намеках. Ждет жениха, который ее разбудит. А такую бабу-Русь поцелуем не разбудишь, ее только мечом или

дубиной поднимешь. Так и душа русская — вся в шепотах, очарованиях, грезах и ожиданиях. Не тысяча и одна ночь, как у Шахерезады, а русская беспробудная тьма на тысячу лет. А жених, то ее кто? Нет жениха, одни проходимцы, то варяги, то монахи-византийцы, то татары, то поляки, то немцы, то французы. И проходимцы в буквальном смысле слова. Ведь на Русь прийти не трудно, да и воевать с нами как с народом не сложно. Но вот попробуй-ка пройти, преодолеть пространство этой Бабы от Балтийского моря до Тихого океана. Любой из инородцев, если не помер и домой не вернулся, то обязательно в конце пути русским стал. А что значит быть русским? А это значит стать плоть от плоти ее, ее землей, травой, лесом, рекой, цветами, ручьями, небом. Перестать быть носителем этнических состояний, а стать русским — прилагательным существа бабы-Руси. Ландшафты ее необозримы, но есть ли на земле жених, равный ей? А может быть, он — метафизическое лицо Логоса — Иисуса Христа? И Логос, как семя, прозябающее и простающее в сырой земле, преображает сущность бабы-России в Софию, Премудрость Божию. И данное схождение бабы и Софии носит конкретное образное представление русской культуре — это лик Богоматери — бого-материальности, преображенной Духом Святым в Логосе метафизического. Вечная Невеста Невестная мира, терра инкогнита души русской, а возможно, и самое большое ее откровение. И Соловьев в своей пустыне египетской, и Розанов в своем углу встретился с тайной мира, странным богоносительством России.

Соловьев умер в 1900 году, Розанов пережил мировую войну, революцию в России. Текстом своего Апокалипсиса он констатировал исчезновение Логоса. В 1917 году «пьяная баба растянулась», а вернее, ее растянули, обесплодили и превратили в государство с сучьим клеймом СССР.

Логос уничтожили. Софийность жизни угасла. Осталась земля неплодная — снова стала Россия языческая, темная баба. Народ стал массой, бурьяном. Плод не выношен, колос мысли не вызревает на русской почве, остались выкидыши, недоразвитые эмбрионы сознания, родящиеся по принуждению, по случаю, по пьяни, по необходимости и от страха...

Снова ожидание жениха, и в этом ожидании полусонная, беспробудная жизнь.

140. В мировой истории Россию Запад не побеждал никогда, ее поглощал Восток...

Ирина Горина

Сосновый Бор, Ленинградская область, Россия

РУССКАЯ МАТРИЦА

Как звучат слова неудержимо:
Благородство, родина, народ!
Совесть не зависит от режима,
Гордость не родится в недород.

У великих слов — единый корень,
В них фундамент из одних пород!
Триедины в радости и горе
Благородство, родина, народ.

Даже слово русское — природа
С тем же корнем, в том же узелке!
Русский дух и русская порода
Матрицей таятся в языке.

Владимир Скворцов

дер. Климовщина,

Новгородская область — Петербург, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Григорьев. <i>Предисловие</i>	3
Николай Зольников (Тюмень, Россия). <i>Святая Русь. Стихи</i>	4
Юлия Рогова (Севастополь, Крым, Россия). Голубиная весть. <i>Повесть</i>	5
Ирина Маркина (Калуга, Россия). <i>Кукша. Баллада</i>	32
Вячеслав Овсянников (Тартак, Белоруссия — Петербург, Россия). <i>Книга Велеса. Поэма</i>	36
Евгений Лукин (Петербург, Россия). Слово о гибели Русской земли. <i>Переложение</i>	53
Николай Переяслов (Донбасс, Украина — Москва, Россия). Слово о полку Игореве. <i>Отрывок</i>	55
Сергей Кривонос (Сватово, Луганская область, Украина). Дворы в огне... <i>Стихи</i>	57
Светлана Малыш (Одесса, Украина). Святая Феврония. <i>Рассказ</i>	59
Вероника Шихова (Железнодорожный, Московская область, Россия). <i>Озеро Светлояр. Стихи</i>	95
Татьяна Егорова (Светогорск, Ленинградская область — Петербург, Россия). <i>Вера, крест и молитва... Стихи</i>	96
Николай Коняев (Сергиев Посад — Петербург, Россия). Троицкий дневник. <i>Путевые заметки</i>	97
Ирина Дружаева (Нижний Новгород, Россия). Утро Пасхи. <i>Стихи</i>	116
Андрей Геращенко (Минск, Белоруссия). Северин Наливайко. <i>Очерк</i>	119

Наталья Романова (Луганск, Украина — Петербург, Россия). Маленький Крым. <i>Стихи</i>	125
Галина Илюхина (Петербург, Россия). Монолог блаженного. <i>Из кантаты «Ксения Петербургская»</i>	128
Дмитрий Хорин (Архангельск, Россия). Крестовые братья. <i>Рассказ</i>	130
Александр Тихонов (Омск, Россия). 1914. <i>Стихи</i>	136
Александр Вольский (Белгород-Днестровский, Украина). Николай II. <i>Стихи</i>	137
Максим Бурдин (Кострома, Россия). 1918. <i>Стихи</i>	139
Михаил Аникин (Петербург, Россия). Царские фотографии. <i>Стихи</i>	141
Инна Начарова (Уфа, Башкирия, Россия). Ночное дежурство. <i>Рассказ</i>	142
Лариса Каршкова (Брянск, Россия). Матушка. <i>Рассказ</i>	151
Валентина Ефимовская (Петербург, Россия). России дух вовек не источится... <i>Стихи</i>	164
Анатолий Слепков (Седнев, Украина — Петербург, Россия). Три сына — три голубя. <i>Сказание</i>	165
Владимир Симаков (Львов, Украина — Петербург, Россия). Крестик. <i>Стихи</i>	201
Сергей Рац (Кант, Киргизия — Петербург, Россия). Разведчица Оля. <i>Быль</i>	203
Валентина Беяева (Бурянь, Украина — Воронеж, Россия). Владимир. <i>Рассказ</i>	214
Юрий Герловин (Штутгарт, Германия). 9 мая. <i>Стихи</i>	225
Галина Стеценко (Донецкая область, Украина — Москва, Россия). Выстрел. <i>Рассказ</i>	226
Натали Воробьева (Донецк, Украина). Вдоль семи ветров. <i>Стихи</i>	234
Юрий Кривошеев (Ужгород, Украина — Петербург, Россия). Орден. <i>Рассказ</i>	236
Наталия Перевезенцева (Петербург, Россия). Какая долгая дорога... <i>Стихи</i>	240

Татьяна Шорохова (Симферополь, Крым — Петербург, Россия). На таможах — грустные собаки... <i>Стихи</i>	241
Екатерина Полянская (Петербург, Россия). Нищенской горькой злобы... <i>Стихи</i>	242
Вероника Коваль (Одесса — Ужгород, Украина). Вспоминая Эдем. <i>Рассказ</i>	244
Владимир Шемшученко (Караганда, Казахстан — Петербург, Россия). Церковь. <i>Стихи</i>	257
Ирина Горина (Сосновый Бор, Россия). Сквозняк. <i>Из философского дневника</i>	259
Владимир Скворцов (Климовщина, Новгородская область — Петербург, Россия). Русская матрица. <i>Стихи</i>	272

Тысяча лет от Владимира Святого в судьбах России, Украины, Белоруссии

Редактор Е. Лукин
Оригинал-макет, дизайн обложки П. Домбровский
Корректор Т. Брылева

Книги: от рукописи до тиража
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
www.skifiabook.ru

Издательство «Скифия»
191180, Санкт-Петербург, Гороховая ул., 25
тел.: (812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru

Возрастная категория 12+
Подписано в печать 10.04.2015 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная «светокопи». Печать офсетная. Гарнитура *Georgia*.
Печ. л. 15. Тираж 317 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Инфо Ол»
197183, Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д. 1